

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHILIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 20 (2) 2023

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Екатеринбург – 2023

**«ДИСКУРС-ПИ»
Т. 20. № 2
Август 2023**

Издание посвящено 300-летию
Российской академии наук

**Научный журнал
Издаётся с 2001 года
Выходит четыре раза в год**

Учредитель:

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 12.08.2023 г.

Формат 70x100^{1/16}

Усл. печ. л. 13,98

Тираж 500 экз.

Заказ № 30788

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

*Российская Академия
Наук*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головкин – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дмитрий Макаров – Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартынов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллех – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Актуальный перечень специальностей следующий:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки),
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки),
- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

06.10.2020 Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

DISCOURSE-P
Vol. 20. No 2
August 2023

The edition is dedicated to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Sciences

Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on August 12, 2023
Format 70x100³/₁₆
Reference sheet area 13,98
Issues – 500
Order # 30788

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The author guide can be found
on the Journal's website
and at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

All issues of the journal
are available on the website
www.madipi.ru

When cited the reference to the Journal
is obligatory

The authors are requested to adhere
to the academic style

Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

*Russian Academy
of Sciences*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Deputy Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Makarov – Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses. The current list of scientific specialties is as follows:

- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences),
- 5.5.2. Political institutions, processes and technologies (political sciences),
- 5.5.4. International relations (political sciences),
- 5.7.1. Ontology and theory of knowledge (philosophical sciences),
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences),
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences)

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

**October 6, 2020 the journal is included in the European
Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

Т.20. №2

Тропы метода

- Фостер Дж.Б.**
Марксова критика просветительского гуманизма10
- Русакова О.Ф.**
Дискурс государственной политики памяти
как фактор формирования национальной идентичности
современной России32
- Фишман Л.Г.**
Обойдемся без миссии.
Почему постсоветская номенклатура не может выработать
национальную идеологию?.....52

Парадигмы и процессы

- Денисов А.Е.**
СМИ и этнически значимые символы:
между закреплением и влиянием
(на примере кряшенской газеты «Туганайлар»)68
- Веселова Д.Н.**
Политика России в сфере смягчения последствий изменения климата86
- Корсаков К.В., Серова А.В.**
Национальная политика России по регулированию отношений
в сфере внешней трудовой миграции 106

Конференц-зал

- Наумов А.О., Андреева Н.В.**
Об итогах круглого стола «Мягкая сила» России и Индии:
общее и особенное» 127

Рецензии и рефераты

Грибовод Е.Г.

Конфигурация современной гуманитарной дипломатии
в системе международных отношений 142

Красиков В.И.

В столетнем цивилизационном противостоянии:
преодолимы ли расколы и политическая вражда в России? 154

Vol. 20. No 2

Tropes of Method

- Foster, J.B.**
Marx's Critique of Enlightenment Humanism 10
- Rusakova, O.F.**
The Discourse of the State Memory Politics
as a Factor in the Formation of the National Identity
of Modern Russia 32
- Fishman, L.G.**
We Will Do Without a Mission.
Why Is the Post-Soviet Nomenclature Unable to Develop
a National Ideology? 52

Paradigms and Processes

- Denisov, A.E.**
Mass Media and Ethnically Significant Symbols:
Between Reinforcement and Influence
(On the Example of the Kryashen Newspaper "Tuganaylar") 68
- Veselova, D.N.**
Russia's Policy in the Field of Climate Change Mitigation 86
- Korsakov, K.V., Serova, A.V.**
Russia's National Policy on Regulating Relations
in the Field of External Labor Migration 106

Conference Chamber

- Naumov, A.O., Andreeva, N.V.**
The Results of the Round Table "Soft Power of Russia and India:
Commonalities and Differences" 127

Book Reviews

Gribovod, E.G.

The Configuration of Modern Humanitarian Diplomacy
in the System of International Relations 142

Krasikov, V.I.

The Century-Old Civilizational Confrontation:
Can Splits And Political Enmity Be Overcome In Russia?..... 154

МАРКSOBA КРИТИКА ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ГУМАНИЗМА

Джон Беллами Фостер,

Орегонский университет,
Юджин, США,
jfooster@monthlyreview.org

Получена 13.02.2023.

Поступила после рецензирования 24.03.2023.

Принята к публикации 07.06.2023.

Переведено и перепечатано с разрешения журнала *Monthly Review*.

© *Monthly Review*. Все права защищены.*

Для цитирования: Фостер Дж.Б. Марксова критика просветительского гуманизма // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 10–31. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_10

Аннотация

В статье исследуется марксова критика просветительского гуманизма, направленная на установление подлинного, реального гуманизма, синонимичного реально-

* Статья представляет собой переработанную заключительную речь автора на международной конференции «Маркс и критика гуманизма», прошедшей в Школе искусств и гуманитарных наук Лиссабонского университета в ноябре 2022 г. Статья была опубликована в январе 2023 г. в журнале *Monthly Review*. См.: Foster J.B. (2023). Marx's critique of Enlightenment humanism. A revolutionary ecological perspective. *Monthly Review*, 74(8), 1–15. https://doi.org/10.14452/MR-074-08-2023-01_1. При работе над переводом в изначальный текст автором были внесены уточняющие дополнения. Также профессор Фостер по просьбе редакции журнала «Дискурс-Пи» написал небольшое обращение к российским читателям. Переводчик и научный редактор – П.Н. Кондрашов, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права УрО РАН.

© Фостер Дж.Б., 2023

му материализму. Решающее значение для этой точки зрения имела экологическая критика Марксом капиталистического общества, сосредоточенная на восстановлении гармоничных отношений между человечеством и природой. В своем анализе он подчеркивал необходимость революционной практики, коренящейся в новой экологии человека и создании мира за пределами капитала. Автор статьи показывает, что в современном постгуманизме во многом бессознательно воспроизводится марксова радикальная критика таких базовых идей просветительского гуманизма, как антропоцентризм, онтологическое разделение между человеческими и нечеловеческими животными, противопоставление общества и природы, прометеанство. Однако сам Маркс обвиняется постгуманистами в этих просветительских «грехах», приведших к глобальному экологическому кризису. В то же время постгуманисты в рамках своей плоской онтологии объявляют тотальное равенство и солидарность между всем существующим – от микробов до облаков. По их мнению, только такая «демократическая онтология» способна предотвратить вселенский экологический кризис. Однако автор статьи полагает, что плоская онтология, киборгизм и новый материализм в действительности превращаются в безумное производство фантомов, что заводит в тупик, поскольку в этой «фантазмагории» обрывается всякая связь с реальным миром. И только поворот от постгуманизма к реальности может уберечь планету от экологических разрывов и кризисов, порожденных капитализмом. Это может быть достигнуто посредством обращения к марксовой философии праксиса и его экологической концепции социального метаболизма.

Ключевые слова:

Маркс, просветительский гуманизм, постгуманизм, человеческие и нечеловеческие животные, плоская онтология, реальный материализм, экология, капитализм, философия праксиса, социальный метаболизм.

UDC 141

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_10

MARX'S CRITIQUE OF ENLIGHTENMENT HUMANISM

John Bellamy Foster,

University of Oregon,
Eugene, USA,
jfoster@monthlyreview.org

Received 13.02.2023.

Revised 24.03.2023.

Accepted 07.06.2023.

Translated and reprinted by permission of Monthly Review magazine.

© Monthly Review. All rights reserved

For citation: Foster, J.B. (2023). Marx's Critique of Enlightenment Humanism. *Discourse-P*, 20(2), 10–31. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_10

Abstract

The article explores Marx's critique of Enlightenment humanism, aimed at establishing real humanism synonymous with real materialism. Marx's ecological critique of capitalist society was thus crucial as it was focused on the reconciliation of humanity and nature. Marx's analysis emphasized the need for revolutionary praxis, rooted in a new human ecology and the creation of a world beyond capital. The article shows that modern posthumanism largely unconsciously reproduces Marx's radical criticism of such basic ideas of Enlightenment humanism as anthropocentrism, the ontological division between human and nonhuman animals, the opposition of society and nature, and Prometheanism. However, Marx himself is accused by posthumanists of these Enlightenment "sins" that have led to a global environmental crisis. At the same time, posthumanists declare, within the framework of their flat ontology, total equality, and solidarity between everything that exists – from microbes to clouds. According to them, only such a "democratic ontology" is able to prevent a global ecological crisis. But from the author's point of view, the flat ontology, cyborgism and new materialism actually turn into an insane production of phantoms, which leads to a dead end, because in this "phantasmagoria" all connection with the real world is cut off. And only a turn from posthumanism to reality can save the planet from ecological rifts, disruptions, and crises generated by capitalism. This can be achieved by referring to Marx's philosophy of praxis and his ecological concept of social metabolism.

Keywords:

Marx, Enlightenment humanism, posthumanism, human and nonhuman animals, flat ontology, real materialism, ecology, capitalism, philosophy of praxis, social metabolism.

Обращение к российским читателям

Я чрезвычайно рад, что моя статья «Марксова критика просветительского гуманизма» публикуется в России. Журнал *Monthly Review*, где я являюсь редактором и где настоящая статья вышла в январе 2023 г. (вместе с важной статьей Петра Кондрашова «Размышления о ленинской диалектике»), основан в мае 1949 г., в разгар красной паники в эпоху маккартизма в США. Все последующие десятилетия журнал оказывал критическое сопротивление капитализму. *Monthly Review* с подзаголовком «Независимый социалистический журнал» всегда отождествлялся с целями Октябрьской революции и попытками построить социалистические альтернативы во всем мире, что продолжается и в XXI столетии.

В последние годы *Monthly Review Press* (издательское подразделение *Monthly Review*) опубликовало такие работы, как *Reconstructing Lenin: An Intellectual Biography* (2015) Тамаша Крауса и перевод с немецкого книги

Radek: A Novel (2022) Штефана Хейма. Мы также подготовили в 2017 г. специальный выпуск журнала *Monthly Review* «Революция и контрреволюция: 1917–2017», где рассмотрели вопрос о распаде СССР.

Настоящая статья является результатом длительного развития марксистской экологии за последнюю четверть века, где *Monthly Review* играет ключевую роль, связанную с реконструкцией экологической критики в наследии Маркса и Энгельса, методология которой рассматривается как решающая для преодоления сегодняшнего планетарного экологического кризиса. Такая реконструкция привела к новым дебатам по поводу материалистической философии и диалектики. В этом контексте мы также рассматривали и советский/постсоветский вклад в экомарксистскую мысль, например, в моей статье «Позднесоветская экология и планетарный кризис» в июньском номере журнала *Monthly Review* за 2015 г.

В *Monthly Review* мы с нетерпением ожидаем установления прочных отношений с российскими учеными, занимающимися марксизмом.

Джон Беллами Фостер, 3 марта 2023 г.

Введение

Вряд ли можно отрицать тот факт, что Карл Маркс был выдающимся революционным критиком просветительского¹ гуманизма в XIX в. Ни один другой мыслитель не распространил критику абстрактного, эгоистического человека эпохи Просвещения на столь многие области – религию, философию, государство, право, политическую экономию, историю, антропологию, природу/экологию, и не разоблачил так полно ее жестокое лицемерие. Но марксову оппозицию просветительскому гуманизму можно рассматривать также и как превосходящую все другие критические подходы (вплоть до тех, которые существуют в наши дни) своей диалектической и исторической критикой. Реакция Маркса на буржуазный гуманизм не сводилась к простому одностороннему отрицанию, как это имеет место, например, в альтюссеррианском представлении о духовном развитии немецкого мыслителя, согласно которому эпистемологический разрыв 1845 г. резко отделил раннего («гуманистического») и зрелого («научного») Маркса (Althusser, 1969, pp. 32–39, 221–247). Вместо этого она приняла более радикальную форму, в которой суть его первоначального гуманистического и натуралистического подхода трансформировалась в развитый материализм².

¹ Английское слово Enlightenment (Просвещение), взятое в форме прилагательного, на русский язык может быть переведено как просветительский и просвещенческий. Прилагательное «просвещенческий», как правило, используется для обозначения чего-либо, относящегося к эпохе Просвещения (XVIII в.). Поскольку в статье речь идет не только и не столько об этой эпохе, то в переводе мы используем слово «просветительский». – Прим. переводчика и научного редактора.

² Более убедительную и сфокусированную интерпретацию «эпистемологического разрыва» Маркса дает Джозеф Фраккиа в своем монументальном труде «Тела и артефакты». Он рассматривает марксово акцентирование внимания в «Немецкой идеологии» на телесной организации человека как исходный пункт его исторического

Результатом такой трансформации мысли Маркса стало, с одной стороны, углубление его *материалистической онтологии*, которая приобрела определенный *телесный* акцент, сосредоточенный на анализе материальных условий человеческого существования; с другой – распространение результатов этого анализа на историческую сферу в форме *практического материализма*.

Таким образом, анализ Маркса уникален тем, что предлагает более высокий синтез, предусматривающий примирение, согласование гуманизма и натурализма, человечества и природы, общества/культуры и природы. Вместо того чтобы остановиться на простой констатации их противоположности (как это делается в большинстве современных «пост» концепций), его целью было устранение тех материальных условий капиталистического способа производства, которые сделали просветительский гуманизм (сущностно фундированный, укорененный в дуалистическом противопоставлении человека/общества и природы) парадигмой буржуазной мысли. Это радикальное неприятие Марксом буржуазного гуманизма было объединено с критикой колониализма, в которой капитализм рассматривался как «обнаженный», без всякой мишуры, обнаруживая и разоблачая тем самым свое собственное радикальное варварство (Marx, 1997, p. 224). В этом отношении революционный ответ Маркса на просветительский гуманизм вдохновил более позднюю критику таких антиколониальных мыслителей, как Уильям Дюбуа, Франц Фанон и Эме Сезер, которые призывали к развитию «нового гуманизма» (Arnold & Eshleman, 2013, pp. xi–xx; Du Bois, 2019, p. 297; Fanon, 1967, p. 1; Sekyi-Otu, 1996, pp. 16, 20–21, 31, 46, 100, 179, 181, 315).

Недавние исследования экологических основ мысли Маркса, особенно его концепции метаболизма человечества и природы, опосредованного общественным производством, более полно выявили глубину и сложность общей марксовской критики отчужденного социального метаболизма капитализма. Это направление исследований демонстрирует, что марксово видение, далекое от антропоцентризма или подчинения просветительскому понятию о покорении природы, охватывало более широкую сферу того, что он называл *универсальным метаболизмом природы*. Эта критика Маркса включала оценку других форм жизни и критику разрушения окружающей среды в его знаменитой теории *метаболического разрыва* (metabolic rift), из которой возникло то, что можно назвать *революционной экологической перспективой* (Marx, 1975a, p. 63).

Постгуманистические (в том числе так называемые *неоматериалистические*) мыслители в последнее время пытались бросить вызов метаболическому видению Маркса и революционной экологии в целом, продвигая свои концепции о фантомном мире «темной экологии», гиперобъектах и виталистических силах. Однако такие иррационалистические взгляды, как мы увидим, не в состоянии обратиться к фундаментальному критерию философии праксиса, согласно которому цель состоит в том, чтобы *изменить* мир, а не просто *переосмыслить* его³.

материализма. В отличие от интерпретации Альтюссера, Фраккиа не утверждает, что Маркс после 1845 г. отбросил свой гуманизм, скорее, он сместил фокус своего материализма на человеческое телесное существование (Fracchia, 2022, pp. 1–6, 1209–1217).

³ Конечно, иррационалистический импульс определяется не только его

Просветительский гуманизм и марксова материалистическая критика

Вслед за Гегелем просветительская критика религии привела Маркса не к тотальному отрицанию христианского религиозного воззрения, а, скорее, во многих отношениях к его увековечиванию через пару тождественных противоположностей: с одной стороны, абсолютный идеализм, лишенный всеобъемлющего божества, и столь же абсолютный и механистический материализм, лишенный всех чувственных качеств, с другой. Эти подкрепляющие друг друга противоположности были очевидны в картезианском рационализме, который перенес из христианской теологии дуалистические различия между душой и телом, разумом и материей, человечеством и природой, и который с самого начала имел целью примирить механистическую науку с религиозным учением (Engels, 1975a, p. 461; Hegel, 1977, pp. 351–353; Marx & Engels, 1975a, pp. 131–132). Как писал Энгельс, Просвещение «просто постулировало Природу вместо христианского Бога как Абсолют, противостоящий Человеку» (Engels, 1941, pp. 17, 21; Engels, 1975b, p. 419).

Возникший в этом раздвоенном контексте буржуазный гуманизм Маркс охарактеризовал как представление об абстрактном человеке, обособленном, духовном, эгоистическом индивидууме, «обретающемся вне мира», лишенном чувственных связей и материально-общественных отношений. Каждый атомизированный индивид рассматривался как «самодостаточная монада», лишенная всяких отношений, но наделенная врожденными правами, оправдывающая систему «взаимной эксплуатации» (Marx, 1974a, p. 244; Marx, 1975c, pp. 162–167; Marx & Engels, 1975b, p. 410; Mészáros, 1975, pp. 220–221).

В этом абстрактном понятии буржуазного человека была скрыта не только классовая эксплуатация, но и экспроприация самих людей, самих их тел, как при колониализме, геноциде и рабстве. Сожалея об откровенно расистском содержании так называемого гуманизма, Маркс заметил, цитируя публичное заявление, сделанное в то время: «Янки приезжает в Англию, где мировой судья не дает ему выпороть своего раба, и с негодованием восклицает: «Вы называете это страной свободы, где человек не может колотить своих ниггеров?» Что, спрашивал Маркс, могли означать «равные права человека» в этом бесчеловечном контексте? (Marx & Engels, 1975b, p. 210).

Буржуазный гуманизм заслуживал не меньшего порицания и за бесчеловечное обращение с женщинами. Так, в 1862 г. в статье «Английская гуманность и Америка» Маркс упрекал английское правительство и прессу за их попытки использовать понятие «человечность» в качестве «предмета экспорта» в защиту богатых леди-рабовладеллиц в Новом Орлеане, которые открыто противостояли

противопоставлением философии праксиса, но и имеет более глубокое историческое значение, связанное с империалистической стадией капитализма (и сегодняшним поздним империализмом). Иррационализм в этом контексте можно изобразить, как писал Герберт Аптекер, в виде континуума, состоящего из «затмения разума, отрицания науки, отрицания причинности. Нормальный результат – цинизм, ненормальный – садизм. Финал – фашизм» (Aptheke, 1969, pp. 168–175).

войскам Конфедерации, очерняли их неприличными словами и жестами, и по отношению к которым представитель Конфедерации генерал Батлер «издал прокламацию, где предупредил, что с ними поступят, как с уличными девками, если они будут продолжать вести себя, как уличные девки». Перед лицом этих якобы высокомерных протестов в Англии по поводу вопиющей «бесчеловечности» таких угроз, адресованных рабовладельцам из высшего сословия Конфедерации (угроз, которые Пальмерстон назвал «позором»), Маркс заметил, что эти же ханжеские защитники прав женщин удобно упустили из виду не только своих собственных рабов, чьи жизни разве что не были съедены живьем этими новоорлеанскими дамами, но также и английское колониальное насилие над ирландскими, греческими и индийскими женщинами. Не принималась во внимание и судьба пролетарских женщин, голодавших в то время в Ланкашире. В результате получилось не что иное, как грандиозный «человеческий фарс», скрывающий самую жестокую бесчеловечность под именем «гуманности» (Marx, 1975b).

Тем не менее, несмотря на свои резкие нападки на просветительский гуманизм как абстрактную, антиисторическую и даже лицемерную идеологию, Маркс развивал свой революционный гуманизм, который стал частью его общей материалистической концепции природы и истории. То, что он охарактеризовал в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» как *позитивный реализм*, позже названный *реальным гуманизмом*, не имел ничего общего с «псевдогуманизмом» буржуазной мысли⁴, а, скорее, был его отрицанием (Marx, 1974b, pp. 281, 348, 395; Marx & Engels, 1975a, p. 7). «Коммунизм, – писал он, – это гуманизм, опосредованный самим собой через отмену частной собственности. Только тогда, когда мы снимем это опосредование, возникнет *положительный гуманизм*, положительно исходящий из самого себя». Возникновение неотчужденного общества открыло бы путь к «осознанному натурализму человека и осуществившемуся гуманизму природы» (Marx, 1974b, pp. 349–350, 395). Это означало бы «реальное возникновение» человечества как «части природы» и революционную реализацию человеческого социального бытия (Marx, 1974b, pp. 328, 395).

В самом первом предложении «Святого семейства» Маркс и Энгельс писали: «У *реального гуманизма* нет в Германии более опасного врага, чем *спиритуализм*, или *спекулятивный идеализм*, который на место *действительного индивидуального человека* ставит «самосознание», или «дух» (Marx & Engels, 1975a, pp. 7, 131). «Святое семейство» можно рассматривать как произведение, в котором с таким спекулятивным идеализмом основоположники одновременно боролись как во имя гуманизма, так и во имя материализма, и в котором более развитая диалектическая концепция *реального материализма* включала, вживляла *реальный гуманизм* в мышление Маркса⁵. Так, он пишет, что спекулятивная

⁴ Термин «псевдогуманизм» употребила Женни Маркс в 1846 г. в письме к Марксу, также упомянув в этой связи «одурманенность прогрессом». Это ясно отражало и взгляды самого Маркса. См.: Jenny Marx to Karl Marx. 24 March 1846. In *Marx and Engels collected works* (Vol. 38, pp. 529–532). New York: International Publishers.

⁵ Хотя Альгоссер утверждал, что ранний гуманизм Маркса стоял вне материальной науки и был домарксистским (*pre-Marxian*, т. е. существовавшим до формулирования

метафизика, возникшая в XVII в. и получившая свою высшую форму в работах Гегеля в XIX столетии, «будет навсегда побеждена материализмом, который... совпадает с гуманизмом... Французский и английский социализм и коммунизм представляют собой материализм, совпадающий с гуманизмом в практической области» (Marx & Engels, 1975a, p. 125).

Также Маркс выступал против гегелевского идеализма, стремившегося свести как человечество, так и внешнюю по отношению к человечеству природу к чистому мышлению, «абстрагированному от естественных форм», создавая мистическое царство «неподвижных фантомов», действующих самостоятельно. Гегель, как писал Маркс, видел «историю человечества» как «историю *Абстрактного Духа* человечества, следовательно, духа, далекого от реального человека». Человеческий индивид был сведен к призрачной абстракции. Однако, «если нет человека», поскольку он оторван от материального бытия, то и «проявление его сущности не может быть человеческим, а потому и мышление не могло рассматриваться в качестве проявления сущности человека как человеческого и природного субъекта, наделенного глазами, ушами и т. д., живущего в обществе, мире и природе» (Marx, 1974b, pp. 398–399).

Трактовка «позитивного гуманизма» в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» во многом обязана философии Людвиг Фейербаха. Однако по мере того, как материализм Маркса развивался, принимая все более активную форму, он порвал с *абстрактным человеком* Фейербаха, который был не чем иным, как «истинным воплощением буржуа» (Marx & Engels, 1975b, p. 197). В своих «Тезисах о Фейербахе» Маркс отверг любой эссенциализм, или фиксированное представление о человеческой природе, написав: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». К этому он добавлял, что создавая столь утонченную концепцию человечества, Фейербах был «вынужденным абстрагироваться от хода истории... и предположить абстрактного – изолированного – человеческого индивида», который оказывался еще и неизменным (Marx, 1975d, pp. 7–8). Вся человеческая история, писал Маркс в «Нищете философии», «есть не что иное, как непрерывное изменение человеческой природы» (Marx, 1973, p. 147). Более того, в его анализе ни до, ни после 1845 г. не было никаких признаков того, что он назвал в «Капитале» «культуром абстрактного человека» (Engels, 1941, p. 41; Marx, 1976, p. 172; Mészáros, 1975, p. 221).

Уже в «Экономическо-философских рукописях» (в комментариях к «Феноменологии» Гегеля) Маркс говорил о человеческом индивиде как о «телесном, реальном, живом, чувственном», «объективном существе» и том, что человек находит свои объекты и потребности вне себя (Marx, 1974b, pp. 389–390). Это положение стало отправной точкой в «Немецкой идеологии» и исходным

Марксом основных принципов материалистического понимания истории, собственно марксизма. – Прим. переводчика и научного редактора), ему не удалось отвергнуть концепцию реального гуманизма, которую Маркс позже использовал для обозначения своего выхода за пределы буржуазного гуманизма в форме материалистического анализа, фокусирующегося на реальном, живом телесном человеке (Althusser, 1969, pp. 242–247).

пунктом исторического материализма Маркса, в котором он объединил свою раннюю философскую антропологию с *телесным материализмом*: «Первая предпосылка всякой человеческой истории – это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, – *телесная организация* этих индивидов и *обусловленное ею отношение их к остальной природе...* Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии – вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни, – шаг, который обусловлен их телесной организацией» (Marx & Engels, 1975b, p. 31).

Здесь Маркс одновременно *материализовал* человечество и сделал данный момент отправной точкой для своей философии праксиса. Это, как подчеркивал Энгельс, было первым великим открытием Маркса – «закон эволюции в человеческой истории»⁶.

Марксова диалектическая экология человека

Материалистическая точка зрения Маркса, которая в гораздо большей степени обязана Эпикуру, чем Фейербаху, была экологической, начиная с его самых ранних работ, ибо признавала, что отчуждение человека от природы было просто другой стороной медали *отчуждения труда* (человеческого самоотчуждения). Гегель определял природу как «внешнее», как существующее «в форме инобытия» и представляющее собой царство *другого*, которое может быть трансцендировано, преодолено только в мысли. Маркс резко возражал, что это отчуждение от материального мира природы, эту «внешность надо здесь понимать в смысле отчуждения, в смысле недостатка, порока, которого не должно быть» (Marx, 1974b, pp. 399–400) в подлинно человеческом, гуманном обществе, т.е. в коммунизме, где сняты все имманентные противоречия и имеет место «*подлинное разрешение конфликта между человеком и природой и между человеком и человеком*» (Marx, 1974b, p. 348). Таким образом, еще в «*Экономическо-философских рукописях*» Маркс заявил, что отчуждение человечества от природы – это диалектический двойник отчуждения человеческого труда и недостаток (изъян), который необходимо исторически преодолеть. Двойное отчуждение и *внешней природы*, и *человеческого труда* может быть преодолено только с помощью социализма и коммунизма, или *нового, революционного отношения*, с одной стороны, *к природе*, с другой – *к человеческому труду и производству*.

В связи с этим Маркса иногда ошибочно критиковали за *прометеанство* в современном смысле его приверженности крайнему продуктивизму и машиноцентричному технологическому детерминизму. Однако в его мысли нет никаких признаков этого; более того, он посвятил часть «Нищеты философии» решительному осуждению весьма эксплицитной, крайне механистической точки зрения Пьера-Жозефа Прудона и его мифа о «новом Прометее», который сим-

⁶ Хотя «Немецкая идеология» была написана в соавторстве, это фундаментальное открытие Энгельс приписывал Марксу (Engels, 1983, p. 39).

волицировал человеческие «завоевания природы», рассматриваемые как часть «провиденциальной цели» (Foster, 2000, pp. 126–133; Marx, 1973, pp. 98–99, 115, 119–120, 132–144, 155–156, 184; Proudhon, 1972, pp. 96–101, 117–118, 126–128, 168, 174–175). Следовательно, непосредственная критика механистического прометеанства началась самим Марксом. Собственное отождествление Маркса с Прометеем было гораздо более ранним, восходящим к древнегреческой пьесе Эсхила, в которой Прометей рассматривался как несущий свет (позже породивший понятие Просвещения) и как революционный титан, богоборец, бросивший вызов богам и закованный в цепи⁷.

Очень важным для современной марксистской критики постгуманизма в наследии Маркса является то, что он, начиная с самых своих ранних работ, никогда не проводил в эколого-онтологическом аспекте резкого разделения существ *человеческого* вида и существ других видов, представленных (в постгуманистической терминологии) *нечеловеческими* животными, кроме как в том смысле, что человеческие индивидуумы рассматривались им как «самоопосредующие природные существа». Разделяя идею Германа Реймаруса о *влечениях* и отвергая понятие инстинктов, он определил как людей (человеческих животных), так и нечеловеческих животных в качестве материальных, предметных существ, мотивируемых внутренними побуждениями и ищущих удовлетворения своих потребностей вне себя (Foster et al., 2008, pp. 86–90; Foster & Clark, 2000, pp. 132–138).

И в этом плане, действительно, оказывается, что человеческие и нечеловеческие животные *идентичны* в самом своем эколого-онтологическом основании: *то*, как они, движимые своими влечениями, удовлетворяют потребности посредством обмена веществ (метаболизма) с внешним миром, составляет *способ их бытия в мире*. Но эта фундаментальная *идентичность* (принадлежность к миру живой природы, наличие влечений и потребностей) никоим образом не мешает быть им *различными* по своим специфическим для каждого вида способам удовлетворения потребностей (человек, как *Homo faber*, удовлетворяя свои *человеческие* потребности, существует в своем *человеческом* мире, в то время как у кошки или дерева свои собственные специфические потребности, способы их удовлетворения и свои, стало быть, уникальные миры, в которых они живут).

Поэтому Маркс был суровым критиком декартовского буржуазно-инструментального сведения нечеловеческих животных к машинам. Цитируя Томаса Мюнцера, Маркс указывал на нетерпимость к тому факту, что в буржуазном обществе «вся тварь сделалась собственностью – рыбы в воде, птицы в воздухе, растения на земле; ведь и тварь должна стать свободной» (Marx, 1975c, p. 172). В своей критике раннекапиталистического агробизнеса Маркс осудил

⁷ В античной философии и в эпоху Просвещения Прометей олицетворял главным образом само просвещение (как несущий огонь, освещающий тьму). Это привело к тому, что Маркс прославлял Эпикура как «истинного радикального просветителя древности», отождествляя его непосредственно с Прометеем. Начиная с XIX в. прометеанство, представленное Прудоном и Мэри Шелли, стало ассоциироваться с крайним продуктивизмом и крайним индустриализмом. Именно на это Маркс опирался в своей критике Прудона (Foster, 1997; Marx & Engels, 1975b, p. 141; Sheasby, 1999).

условия, налагаемые на животных, доведенных до состояния товарных машин. Он отмечал, что в прежних сельскохозяйственных практиках нечеловеческие животные могли оставаться на открытом воздухе. Теперь они были прикованы к стойлам с сопутствующими механизмами кормления. «В этих тюрмах, – писал он, – животные рождаются и остаются до тех пор, пока их не убивают», что приводит к «серьезному ухудшению жизненной силы». Назвав эти условия «отвратительными!», Маркс заявил, что это не что иное, как «система тюремных камер для животных» (цит. по: Saito, 2016, p. 62).

Однако более широкая материально-экологическая перспектива Маркса должна была полностью проявиться только в его теории социального метаболизма и метаболического разрыва. То, что он назвал «универсальным метаболизмом природы», означало совокупность фундаментальных процессов, лежащих в основе всего существования, как неорганического, так и органического, в соответствии с материей и движением и уровнями организации этого существования. Таким образом, эта перспектива предвосхитила развитие экологической теории вообще, где такие категории, как экосистема, биосфера и система Земли, должны были иметь в своей основе понятие метаболизма. Социальный метаболизм понимался Марксом как опосредование человеком всеобщего метаболизма природы посредством труда и производственного процесса. Метаболический разрыв, или «непоправимый разрыв во взаимозависимом процессе социального метаболизма», означал то, как отчужденный социальный метаболизм вступал в конфликт с универсальным метаболизмом природы, порождая экологические кризисы (Foster, 2022, pp. 41–61). Его анализ метаболического разрыва в промышленном капитализме того времени первоначально был сосредоточен на ограблении почвы путем отправки питательных веществ, таких как азот, фосфор и калий, на сотни, а иногда и тысячи миль в виде пищи и клетчатки в новые городские производственные центры, где эти «элементарные составляющие» земли в конечном итоге загрязняли окружающую среду, а не возвращались в почву (Marx, 1976, p. 637).

На этой основе Маркс разработал способ рассмотрения того, как разрушение экологических условий, в частности в капиталистическом производстве, подрывает возможности для жизни людей, – точка зрения, которая выходила за рамки вопроса о самой почве и охватывала многочисленные экологические проблемы, включая роль социальной системы в распространении периодических эпидемий. Экологическая критика Маркса, наряду с критикой Энгельса, охватила почти все экологические проблемы, известные в его время: экспроприация общин, деградация почв, вырубка лесов, наводнения, неурожай, опустынивание, уничтожение видов, жестокое обращение с животными, фальсификация пищевых продуктов, загрязнение, химические токсины, эпидемии, разбазаривание природных ресурсов (таких как уголь), региональное изменение климата, голод, перенаселение и угроза исчезновения самого человеческого вида. В настоящее время экологи-марксисты распространили марксову теорию метаболического разрыва на весь набор антропогенных разрывов в земной системе, существующих в XXI в., включая современный разрыв в метаболизме углерода на Земле (см., например: Foster et al., 2010; Longo et al., 2015).

Постгуманистические фантомы vs философия праксиса

В последние годы большая часть марксовой критики просветительского гуманизма была воспроизведена в так называемом постгуманистическом повороте в философии, охватив множество попыток деконструировать и дестабилизировать просветительский гуманизм. Эти новые философские взгляды опираются главным образом на ницшеанскую и фрейдистскую, а в последнее время на фуко-дерридианско-делезианскую деконструкцию человеческого субъекта и природы (Soper, 2012, pp. 368–369). Это привело к возникновению множества постгуманистических традиций, включая *объектно-ориентированную онтологию*, *латуровский гибридизм*, *новый материализм* и *киборгизм* таких мыслителей, как Донна Харауэй. Данные взгляды получили значительную известность в левых кругах. Тем не менее постгуманизм (даже по сравнению с предшествовавшим ему постмодернизмом) до сих пор имел относительно небольшое влияние на саму марксистскую теорию, поскольку радикально оторван от философии практики.

Согласно одиннадцатому тезису Маркса о Фейербахе, «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (Marx, 1975d, p. 8). Отсюда следствие: чтобы *понять* мир, вы должны стремиться *изменить* его. Поскольку постгуманизм обычно довольствовался расшатыванием понятий *человеческого* и *природного* способами, которые разрушают теоретические инструменты изменения мира, и даже стремился подорвать само понятие *человеческой* практики, его отношение к марксизму было весьма ограниченным. Сущность постгуманизма схватывается в изображаемом Марксом мире «неподвижных фантомов», где полная дестабилизация понятия человека означает разрушение «человеческого и естественного субъекта, имеющего глаза, уши и т. д., живущего в обществе, в мире и в природе». В результате такого антропологического разрушения-расшатывания в спекулятивных построениях постгуманистов возникает *плоский монистический мир объектов без субъектов*, населенный монадами без окон, безграничными ассамбляжами/сборками (оторванными от какой-либо концепции эмерджентности), актантами, гибридами, киборгами и чарами – чем угодно, только не концептами материально-чувственного человеческого бытия, производства и практики (Marx, 1974b, p. 398)⁸.

Те, кто *действительно* заинтересован в необходимых социальных и экологических изменениях, легко могли бы отбросить этот постгуманистический призрачный мир фантомов как чистое безумие. Однако в последнее десятилетие произошел сдвиг постгуманизма (особенно в форме так называемого *нового материализма*) в область экологии, где он столкнулся с марксистской экологией. Новые материалистические (или новые виталистические) мыслители

⁸ Хотя сборки были признаны решающими для материальных форм еще с древних времен, но акцент на «переплетенных сборках/ассамбляжах», которые отрицают какие бы то ни было иерархические отношения в материальном мире и все формы возникновения или интегративные уровни, в противовес материальной науке и диалектике, характерен именно для постгуманизма и нового виталистического материализма (Tompkins, 2016).

в гуманитарных науках, такие, например, как Джейн Беннет, частично черпали вдохновение в концепте *отклонения* Эпикура⁹, которое первоначально предназначалось для введения случайности в жестко каузальный механистический мир материализма Демокрита. Однако Беннет и другие новые материалисты не замечают, что самым пронизательным аналитиком эпикуреизма в XIX в. и первым, кто подчеркнул важность момента отклонения, был именно Маркс.

Новые материалисты, вышедшие в основном из гуманитарных наук, настаивают (как если бы это было неким *новым* неожиданным открытием), что человеческие существа не отделены от физического мира в целом. Но вместо этой констатации имманентного единства человека и мира отныне *становление человеком* в постгуманистическом дискурсе означает некое «*становление с*» нечеловеческими¹⁰ личностями, которые, по сути дела, составляют то, что пре-

⁹ Речь идет об учении Эпикура о *спонтанном отклонении* (παρέγκλισις, clinamen) атомов от прямолинейного движения падения в пустоте, в результате чего атомы, сталкиваясь друг с другом, порождают мировой *вихрь* (δίνη), в котором образуются различные атомарные структуры (от планет и звезд до животных, растений, человека и психики, души). В своей докторской диссертации (1841) Маркс показал, что отклонение атомов в системе Эпикура, играя фундаментальную роль, означало: 1) привнесение в мир спонтанной случайности (τύχη); 2) отмену неминуемой судьбы (εἰμαρμένη) как жесткой каузальной детерминации; 3) условие для формирования самосознания. – Прим. переводчика и научного редактора.

¹⁰ Понятие «нечеловеческое» (non-human, nonhuman) является одним из ключевых в постгуманистическом дискурсе. В самом первом приближении *нечеловеческое* – все то, что *не относится к человеку; нечеловеческий Другой; все, кроме человека*. Как считают постгуманисты, с античной древности и до сих пор *нечеловеческие Другие, нечеловеческие сущности* (от атомов и звезд до рек, гор, облаков, жилых помещений, транспортных средств, гаджетов, растений, животных до головоногих и одноклеточных) в рамках *антропоцентризма* несправедливо рассматривались и рассматриваются как нечто инертное, мертвое, неспособное к самостоятельному движению, как «вещи», лишённые активности и субъектности. Ценность всего *нечеловеческого* определяется только тем, что оно *служит человеку* в качестве ресурсов, пищи, объектов эстетического созерцания. Человек же при этом надменно мыслится как мера всех вещей, вершина эволюции, пуп Земли, повелитель и завоеватель природы, единственное во Вселенной разумное существо, несущее в себе искру Божию – бессмертную душу. В противовес этой иерархической, репрессивной, маскулинной, колониальной, субъект-объектной онтологии постгуманисты предлагают совершенно иной взгляд на мир – *плоскую объектно-ориентированную онтологию*, в рамках которой элиминируется онтологический, психологический и эпистемологический разрыв между *human* и *non-human*, а все *нечеловеческие сущности* наделяются субъектностью, политическими правами, становятся равноправными личностями. В постгуманистической онтологии *нечеловеческие Другие* – это многочисленные актанты, нередуцируемые сингулярности, альтернативные субъекты, агенты, медиа, тела, личности. Если в XX в. имел место *антропологический поворот*, то сегодня мы уже наблюдаем *поворот к нечеловеческому*. Хотя, как показывают экомарксисты, в том числе Дж. Б. Фостер, у Маркса никогда не было надменного «антропоцентризма», характерного для просветительского буржуазного

жде называлось *внешней природой* (Bignall & Braidotti, 2019, p. 1). Такого рода аналитики отрицают какой-либо особый статус человечества, придерживаясь так называемой *плоской онтологии*, в которой вся жизнь, да и вообще все существующее, в своих взаимосвязях рассматривается как нечто паутинообразное, внутри которого не представляется возможным фундаментально отличить одно сущее от другого даже силой абстракции.

Воспроизводя традицию мышления в экологической этике полувековой и даже большей давности, основанную на понятии внутренней ценности всех вещей, виталистический новый материализм акцентирует внимание на *моральном равенстве всего сущего* (или «*демократической онтологии*») как основе своей экологической перспективы (Harman, 2014, p. 14). Более того, он настаивает на том, что называет «*вибрацией*» всей природы, как органической, так и неорганической. Тем не менее он делает это вне всего, что можно было бы описать как диалектико-натуралистическую или критически-реалистическую перспективу. Такие постгуманистические взгляды оторваны от длительного развития экологической теории, критики политической экономии и всего царства естествознания, а также философии практики.

В работах Джейн Беннет природе придается виталистический, заново заколдованный смысл, просто навязывающий жизненные силы всем без исключения материальным формам (Foster, 2020, pp. 407–409). Цель, как и в постгуманистической мысли в целом, состоит в том, чтобы дестабилизировать представления о человечестве и природе путем создания фантомоподобных объектов. Так, для Тимоти Мортон «темная экология» – это подход, который сохраняет «*мрачное, депрессивное качество жизни в тени экологической катастрофы*». Доминирующими в такой экологии являются «*гиперобъекты*», обозначающие призрачные силы, более массивные, чем человечество, и находящиеся за пределами его досягаемости, как будто необъятность природы не была всегда частью материалистической и диалектической концепции природы с древних времен по сегодняшний день (Morton, 2007, p. 187; Morton, 2013, pp. 1, 41; Morton, 2019, p. 155).

Мортон, чья нигилистическая темная экология не имеет ничего общего с капитализмом или планетарным экологическим кризисом (кроме случайных отсылок к антропоцену), тем не менее считает необходимым вступить в прямую борьбу с марксовской экологией, учитывая ее упор на революционную практику¹¹. Основной социально-экологический концепт Маркса – «*социальный метаболизм*» – в изобретательном перефразировании Мортон становится простым «*человеческим экономическим метаболизмом*», который, якобы, не учитывает, игнорирует экологическое существование всего остального сущего. При этом утверждается, что Маркс придерживался «*механического и овещенного*» взгляда на природу, которая «*застыла в прошлом*» (Morton, 2016, pp. 26, 166;

гуманизма, а было совершенно противоположное видение места человека в мире, тем не менее постгуманисты как раз-то обвиняют основоположника в таковом. – *Прим. переводчика и научного редактора.*

¹¹ О внутреннем конфликте между марксистской экологией и виталистическим новым материализмом см. Sun Young Ahn, 2022.

Morton, 2019, pp. 39, 80, 177)¹². Более того, Маркса неоднократно обвиняли в «антропоцентризме», особенно из-за введения им понятия *человека как родового существа*, не принимая во внимание тот факт, что это также *оставляло место* в его концепции и для выделения *нечеловеческих родовых существ* (Morton, 2019, pp. 41–42; см. также Foster & Clark, 2000, pp. 130–151).

Все это позволяет Мортону полностью игнорировать или преуменьшать экологический анализ классического исторического материализма, включая представление Маркса о человеческом обществе как эмерджентной форме природы, его широкую приверженность дарвиновской эволюционной теории и его концепцию, наряду с Энгельсом, диалектики природы.

Тем не менее, отвергая диалектику и исторический материализм, Мортон в своей темной экологии с ее мириадами фантомоподобных объектов не способен выйти «за пределы антитезиса» и не может сказать ничего осмысленного о самой экологии (Engels, 1975b, p. 419). В своих книгах «Экология без природы», «Темная экология» и «Род человеческий» он изображает постгуманистический, новоматериалистический мир, изобилующий «паранормальными» духовными явлениями, «призрачными существами» и «гиперобъектами». Это *постмир*, в котором доминируют плоские сборки людей и нелюдей; мир, наполненный «призрачной, трепещущей энергией» и существующий в «симбиотической реальности». Биологический вид переосмысливается как «искрящаяся сущность», выходящая за рамки всякого рационального определения. Гиперобъекты становятся таинственными силами, недоступными для материалистического и научного понимания (Morton, 2016, p. 24; Morton, 2019, pp. 27–39, 54–56, 70–71, 97–99).

Исторический материализм осуждается Мортоном за его антиэкологическую точку зрения, исключаящую представление обо всех объектах как о нечеловеческих существах, которые должны быть помещены в тот же философский (онтологический) план, что и люди. Так, утверждается, что анализ Маркса потерпел неудачу из-за своей неспособности признать, что нефть, ветер, вода и пар принадлежат царству «нечеловеческих людей». Марксизм, как нам говорят, может работать только в том случае, если он станет новой формой «анимизма», выходящей за рамки человека и даже за пределы самих живых видов, включающей в рамках постгуманистической концепции личности все – от камней до микробов – в соответствии с виталистическим новым империумом, который охватывает «паранормальное» (Morton, 2019, pp. 33, 71, 97)¹³.

Внутренняя логика этого постгуманистического мира призраков оперы с его дестабилизирующим мистицизмом наиболее наглядно обнаруживает себя в нападках на марксову критику товарного фетишизма в работах Бруно

¹² Дж. Беннет также исключает материалистическую концепцию Маркса о природе и его экологический материализм, утверждая, что материализм Маркса был просто вопросом «экономических структур и обменов» (Bennett, 2010, p. xvi).

¹³ Мортон заходит столь далеко, что порицает Энгельса за его критику оккультизма в «Диалектике природы» на том основании, что Энгельс (вместо того чтобы исследовать не поддающееся объяснению научными методами. – Прим. переводчика и научного редактора) просто отгородился от паранормального (Morton, 2019, p. 166; Engels, 1975a, pp. 345–355).

Латура, Джейн Беннет и Тимоти Мортон. Латур, как известно, отверг и марксову критику товарного фетишизма, и критику в целом. Маркс утверждал, что за фетишизированными формами проявления капиталистических товарных отношений скрываются производственные отношения между людьми. Более конкретно сформулировал это Георг Лукач: «Фетишизм вкратце означает, что отношения между людьми, функционирующие посредством объектов, непосредственно отражаются в человеческом сознании как вещи благодаря структуре капиталистической экономики. Они становятся объектами или вещами, фетишами, в которых люди кристаллизуют свои общественные отношения... Человеческие отношения, как говорит Маркс, приобретают «призрачную объективность» (Lukács, 1973, p. 251; см. также Marx, 1976, pp. 163–177; Kangal, 2022, pp. 46–57).

Однако такой взгляд на товарный фетишизм, по Латуре, был слишком произволен, т. к. коренился в частичных, урезанных представлениях о природе, человечестве, производстве и т. д., и даже в отдельных типах «фактов». Кратко изложив таким образом критику фетишизма, Латур затем смог свободно представить мир явлений как один из конгломерата бесконечных вещей, товаров, объектов, гибридов и «актантов», существующих в рамках плоской онтологии, без разделения верха и низа, без внутреннего и внешнего, что, собственно говоря, стирает все различия. Овещнение в этом мире «запутанных вещей» уже не было предметом критики, которая тем самым «выдохлась» (Harman, 2014, pp. 14, 18, 81, 90, 112–117; Kipnis, 2015; Latour, 2004, p. 20; Latour, 2010, pp. 9–12; Latour, 2014, pp. 225–248). Скорее, цель состояла в том, чтобы универсализировать овещнение человеческо-социальных отношений таким образом, чтобы товарный фетишизм стал моделью для анализа бесконечности собранных вещей, формируя объектно ориентированную онтологию.

Такая тотальная дестабилизация концепции человечества требует также тотальной дестабилизации любой концепции самой природы, эмерджентной частью которой является человечество. Отрицание природы как понятия, обозначающего всю материальную реальность, было настолько неотъемлемым компонентом теории Латура, что, когда он запоздало признал существование земного экологического кризиса, в результате которого человечество разрушает свою планетарную среду обитания, то попытался заменить представления о природе и экологии *землей*, *земным* и *Гайей* (Gaia) – дискурсивное изменение, которое составило весь его вклад в экологическую дискуссию. Для Латура постгуманистическое неприятие марксовской критики капиталистического фетишизма товара должно было быть сохранено, вплоть до заявлений вместе с капиталистическими экомодернистами из Института прорыва (Breakthrough Institute), что мы должны некритически «любить» наших технологических монстров Франкенштейна, игнорируя тот факт, что принятие такой позиции гарантировало бы полную неспособность справиться с человеческими и социальными аспектами самой планетарной экологической чрезвычайной ситуации (Latour, 2017, 2018).

Следуя по стопам Латура, Беннет и Мортон открыто отвергают критику Марксом товарного фетишизма (и овещнения), настаивая на том, что вместо «демистификации» вещей/объектов/товаров целью должно быть не их «рас-

колдовывание» (как это было у Маркса), а скорее, их повторное очарование, даже *ремистификация*. Тем самым Беннет пытается говорить от имени внутренней «силы вещей» как нечеловеческих актантов, как живых, так и неживых, органических и неорганических. Она характеризует критику Марксом товарного фетишизма в «Капитале» как *антропоцентрическую* по своей сути, поскольку «то, что раскрывает демистификация, всегда является чем-то человеческим», тем самым отсеивается, выносится за скобки *нечеловеческое*. Принимая метафизическую доктрину Баруха Спинозы о *conatus*, или о внутреннем побуждении, которое можно найти во всех физических сущностях, направленных на сохранение себя и своих движений, Беннет настаивает на том, что в *каждом* теле есть жизненная, движущая сила. Цитируя Спинозу, она заявляет: «В этом отношении все вещи (объекты) равны». В сомнительной интерпретации Спинозы Беннет предполагает, что даже камни обладают такой «силой». Как заметил Энгельс, «представление о «жизненной силе», скрытой во всех вещах, было последним прибежищем всех сверхнатуралистов» (Bennett, 2010, pp. xiv–xv, 1–4; Engels, 1975a, p. 560; Manning, 2021).

Аналогичным образом Мортон утверждает, что демистификация и дефетишизация, ориентированные на человека, направленные на мир товаров/вещей, должны быть отвергнуты и заменены своего рода ремистификацией, тем самым открывая пространство для нелюдей. Говоря о нечеловеческих существах, Мортон, как и Беннет, не просто имеет дело с реальными, материальными, *живыми* видами, но распространяет эту категорию *нечеловеческого* на царство объектов *в целом*, охватываемых плоской онтологией, которая ставит коллекцию пластиковых динозавров Теодора Адорно, плитку шоколада и микроб на один физический и нравственный уровень с человеческой личностью, живущей в обществе (Morton, 2019, pp. 55, 61–63, 166–171). Таким образом, критика Марксом товарного фетишизма отвергается постгуманистической объектно-ориентированной онтологией и тем, что было названо «виталистическим новым материализмом»; отвергается во имя призрачного мира, сродни мистическому царству религии, где объекты всех видов играют роль призрачных существ (Gamble et al., 2019, p. 119).

Для Мортона проблема не в том, что капитализм формирует мистическую завесу, связанную с товарным фетишизмом, а скорее, в том, что «капитализм недостаточно призрачен» и, следовательно, должен стать еще более призрачным. «Царство «объекта» (нечеловеческого в его самой основной форме), – пишет он, – именно то царство, в котором функционирует товарный фетишизм». С этой точки зрения, извращающей мысль Маркса, фетишистской оказывается не неспособность понять лежащие в основе товарного фетишизма человеческие, социальные отношения, а скорее, неспособность придать ему полную призрачную идентичность. Таким образом, дефетишизация или «демистификация, грубо снимающая видимость с вещей, оказывается капиталистической операцией *par excellence*», и ее необходимо обратить вспять, отдав предпочтение мистическому, призрачному и паранормальному. Стало быть, только посредством оживления (одушевления) товаров/предметов, когда мы перестанем воспринимать их как обычные вещи, станет возможной «солидарность с нечеловеческими существами», охватывающая все – от микро-

бов до облаков (Morton, 2019, pp. 61, 169–170). В соответствии с объектно-ориентированной онтологией нам говорят, что «все существа (как органические, так и неорганические) обладают деятельностью, даже разумом» (Morton, 2019, pp. 56–57).

Таким образом, постгуманистическая экология, наряду с постгуманизмом в целом, элиминирует философию праксиса во имя нивелирования, уравнивания всех вещей в рамках своей плоской онтологии, в которой не остается места для рассмотрения долгой истории капитализма, колониализма, расизма, империализма или экологического разрушения. Здесь имеют место только бесконечные сети жизненных сборок и гиперобъектов, кочующих в одной и той же онтологической плоскости без сущностного порядка или смысла¹⁴.

Резкий контраст с историческим материализмом можно проиллюстрировать тем, как Мортон выбирает для критики отрывок из технического описания Марксом поглощения сырья в процессе производства. Цитируя фразу, что «уголь, сгоревший под котлом, исчезает, не оставляя следов, так же как и масло, которым смазаны оси колес» (Marx, 1976, p. 311), Мортон заявляет, что Маркс здесь принимает «антиэкологическую концепцию «прочь» по отношению к «нелюдям» (то есть к углю, нефти и жиру), отрицая, что «объекты обладают силой» (Morton, 2019, pp. 6, 30–34, 59). Мортон утверждает, что Маркс просто позволил углю уйти «прочь» в смысле игнорирования его деятельности как «нечеловеческой личности».

Однако Мортон, захваченный своими постгуманистическими концепциями, не в состоянии понять, что уголь, нефть и жир сами по себе не действуют, не обладают силой воли (хотя, как и все остальное в мире, они находятся в постоянном движении), и к ним нельзя относиться как к «нечеловеческим личностям», сравнимым с человеческими существами. Уголь, сгоревший под котлом, не является самоопосредованным существом природы, так же как кусок угля не может сознательно решить сжечь себя и распространить образовавшиеся молекулы углекислого газа в атмосферу, способствуя изменению климата. Джейн Беннет идет на шаг дальше, чем Мортон, и пытается анимистически приписать политическую деятельность всей «живой материи» (Bennett, 2010, pp. 94–109).

¹⁴ Многочисленные опасности, исходящие от форм иррационалистических «пост-» теорий с их плоскими онтологиями, можно увидеть в их отказе от революционного антикапитализма и антиколониализма. Это ярко выражено у Оливера У. Бейкера в его книге «Слова – это вещи: колониальная политика поселенцев постгуманистического материализма в «Кровавом меридиане» Кормака Маккарти» (Baker, 2016). Аналогичные проблемы возникли в отношении афропессимизма, который подвергся критике за его плоскую онтологию и регрессивное стирание антиколониализма (Okoth, 2020; Sekyi-Otu, 2021). Ведущий теоретик постгуманизма Розы Брайдотти заявляет, что «с 1968 г. мы узнали, что капитализм никогда не терпит неудачу». Учитывая это предполагаемое постоянство капитализма, послание ее нового «жизненно важного материализма» для феминистских, антирасистских и других движений сводится к поиску способов «отмежеваться, установить дистанцию между собой» и «ошибочными потребительскими моделями», мужским насилием и превосходством белой расы, которые представляют собой худшие аспекты современного капитализма (Braidotti, 2019, pp. 31–61).

Заключение

Сегодня необходим поворот от постгуманизма к реальности. Нынешняя планетарная экологическая чрезвычайная ситуация – это не некий «призрачный нарратив», а величайшая угроза, с которой когда-либо сталкивался человеческий род, в которой подвергаются опасности жизни миллиардов людей наряду с большинством известных видов на Земле. Как заявила Кейт Сопер, отвечая на постгуманистическую дестабилизацию концепций человечества и природы, необходимо помнить, что «именно человеческий образ жизни» и, более конкретно, капиталистические способы производства «разрушают планету, и только люди могут что-то с этим поделать» (Soper, 2012, p. 366). Но плоская и «демократическая» онтология с идеей «равной субъектности» у микробов, людей и «нечеловеческих животных», киборгизм и новый материализм в их попытках «ремистификации всего существующего» обрывают всякую связь с реальным миром. И только поворот от постгуманизма к реальности может уберечь планету от экологических разрывов и кризисов, порожденных капитализмом.

В предстоящей борьбе сосредоточение внимания на фантомах, призрачных существах и киборгах никоим образом не поможет. Необходимо понять, что все существующее *не находится на одном онтологическом уровне* и мир *не будет спасен* действиями фантомных объектов и «нечеловеческих личностей». Для этого необходимо *субъектное революционное человечество*, вдохновленное разумом и посвятившее себя борьбе за созидание того, что Маркс называл «завершенным сущностным единством человека с природой» (Marx, 1974b, p. 349). Это может быть достигнуто только посредством обращения к марксовой философии праксиса и его экологической концепции социального метаболизма, только через *преодоление* капиталистического порядка и рациональное регулирование «взаимозависимого процесса социального метаболизма» ассоциированными производителями (Marx, 1981, pp. 949, 959). Другого пути нет.

References

1. Althusser, L. (1969). *For Marx*. New York: Vintage.
2. Aptheker, H. (1969). Imperialism and irrationalism. *Telos*, (4), 168–175. <https://doi.org/10.3817/0969004168>
3. Arnold, A. J., & Eshleman, C. (2013). *Notebook of a return to the native land*. Middleton: Wesleyan University Press.
4. Baker, O. W. (2016). “Words are things”: The settler colonial politics of post-humanist materialism in Cormac McCarthy’s *Blood Meridian*. *Mediations: Journal of the Marxist Literary Group*, 30(1), 1–24.
5. Bennett, J. (2010). *Vibrant matter: A political ecology of things*. Durham: Duke University Press.
6. Bignall, S., & Braidotti, R. (2019). Posthuman systems. In R. Braidotti, & S. Bignall (Eds.), *Posthuman ecologies: Complexity and process after Deleuze* (pp. 1–16). New York: Rowman and Littlefield.
7. Braidotti, R. (2019). A theoretical framework for the critical posthumanities.

- Theory, Culture, and Society*, 36(6), 31–61. <https://doi.org/10.1177/0263276418771486>
8. Du Bois, W. E. B. (2019). *John Brown*. New York: International Publishers.
 9. Engels, F. (1941). *Ludwig Feuerbach and the outcome of classical German philosophy*. New York: International Publishers.
 10. Engels, F. (1975a). Dialectics of nature. In *Marx and Engels collected works* (Vol. 25, pp. 311–588). New York: International Publishers.
 11. Engels, F. (1975b). Outlines of a critique of political economy. In *Marx and Engels collected works* (Vol. 3, pp. 418–443). New York: International Publishers.
 12. Engels, F. (1983). The funeral of Karl Marx. In Ph. Foner (Ed.), *Karl Marx remembered*. San Francisco: Synthesis Publications.
 13. Fanon, F. (1967). *Black skin, white masks*. London: Pluto Press.
 14. Foster, J. B. (1997). Marx and the environment. In E. M. Wood, & J. B. Foster (Eds.), *In defense of history: Marxism and the postmodern agenda* (pp. 149–162). New York: Monthly Review Press.
 15. Foster, J. B. (2000). *Marx's ecology*. New York: Monthly Review Press.
 16. Foster, J. B. (2020). *The return of nature*. New York: Monthly Review Press.
 17. Foster, J. B. (2022). *Capitalism in the Anthropocene*. New York: Monthly Review Press.
 18. Foster, J. B., & Burkett, P. (2016). *Marx and the Earth*. Chicago: Haymarket.
 19. Foster, J. B., & Clark, B. (2000). *The robbery of nature*. New York: Monthly Review Press.
 20. Foster, J. B., Clark, B., & York, R. (2008). *Critique of intelligent design*. New York: Monthly Review Press.
 21. Foster, J. B., Clark, B., & York, R. (2010). *The ecological rift*. New York: Monthly Review Press.
 22. Fracchia, J. (2022). *Bodies and artefacts*. Boston: Brill.
 23. Gamble, C. N., Hanan, J. S., & Nail, T. (2019). What is new materialism? *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 24(6), 111–134. <https://doi.org/10.1080/0969725x.2019.1684704>
 24. Harman, G. (2014). *Bruno Latour: Reassembling the political*. London: Pluto.
 25. Hegel, G. W. F. (1977). *The Phenomenology of spirit*. Oxford: Oxford University Press.
 26. Kangal, K. (2022). Young Marx on fetishism, sexuality, and religion. *Monthly Review*, 74(5), 46–57. https://doi.org/10.14452/mr-074-05-2022-09_5
 27. Kipnis, A. B. (2015). Agency between humanism and posthumanism: Latour and his opponents. *HAU Journal of Ethnographic Theory*, 5(2), 43–58. <https://doi.org/10.14318/hau5.2.004>
 28. Latour, B. (2004). *The politics of nature*. Cambridge: Harvard University Press.
 29. Latour, B. (2010). *On the modern cult of the factish gods*. Durham: Duke University Press.
 30. Latour, B. (2012). Love your monsters. *Breakthrough Institute*. Retrieved January 15, 2023, from <https://thebreakthrough.org/journal/issue-2/love-your-monsters>
 31. Latour, B. (2014). Why has critique run out of steam? From matters of fact

to matters of concern. *Critical Inquiry*, 30(2), 225–248. <https://doi.org/10.1086/421123>

32. Latour, B. (2017). *Facing Gaia*. Cambridge: Polity.

33. Latour, B. (2018). *Down to Earth: Politics in the new climatic regime*. Cambridge: Polity.

34. Longo, S.B., Clausen, R., & Clark, B. (2015). *The tragedy of the commodity*. New Brunswick: Rutgers University Press.

35. Lukács, G. (1973). *Marxism and human liberation*. New York: Dell Publishing.

36. Manning, R. (2021). Spinoza's physical theory. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Retrieved January 15, 2023, from <https://plato.stanford.edu/entries/spinoza-physics/>

37. Marx, K. (1973). *The poverty of philosophy*. New York: International Publishers.

38. Marx, K. (1974a). A contribution to the critique of Hegel's philosophy of right. Introduction. In K. Marx, *Early writings* (pp. 243–257). London: Penguin.

39. Marx, K. (1974b). Economic and philosophical manuscripts of 1844. In K. Marx, *Early writings* (pp. 279–400). London: Penguin.

40. Marx, K. (1975a). Economic manuscript of 1861–1863. In *Marx and Engels collected works* (Vol. 30). New York: International Publishers.

41. Marx, K. (1975b). English humanity and America. In *Marx and Engels collected works* (Vol. 19, pp. 209–212). New York: International Publishers.

42. Marx, K. (1975c). On the Jewish question. In *Marx and Engels collected works* (Vol. 3, pp. 146–174). New York: International Publishers.

43. Marx, K. (1975d). Theses on Feuerbach. In *Marx and Engels collected works* (Vol. 5, pp. 6–8). New York: International Publishers.

44. Marx, K. (1976). *Capital*. Vol. 1. London: Penguin.

45. Marx, K. (1981). *Capital*. Vol. 3. London: Penguin.

46. Marx, K. (2007). *Dispatches for the New York Tribune*. London: Penguin.

47. Marx, K., & Engels, F. (1975a). Holy family. In *Marx and Engels collected works* (Vol. 4, pp. 7–211). New York: International Publishers.

48. Marx, K., & Engels, F. (1975b). The German ideology. In *Marx and Engels collected works* (Vol. 5, pp. 19–539). London: International Publishers.

49. Mészáros, I. (1975). *Marx's theory of alienation*. London: Pluto Press.

50. Morton, T. (2007). *Ecology without nature*. Cambridge: Harvard University Press.

51. Morton, T. (2013). *Hyperobjects: Philosophy and ecology after the end of the world*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

52. Morton, T. (2016). *Dark ecology: For a logic of future coexistence*. New York: Columbia University Press

53. Morton, T. (2019). *Humankind: Solidarity with nonhuman people*. London: Verso.

54. Okoth, K.O. (2020). The flatness of blackness: Afro-pessimism and the erasure of anti-colonial thought. *Salvage*, Retrieved January 15, 2023, from <https://salvage.zone/the-flatness-of-blackness-afro-pessimism-and-the-erasure-of-anti-colonial-thought/>

55. Proudhon, P.-J. (1972). *System of economical contradictions*. New York:

Arno Press.

56. Saito, K. (2016). Why ecosocialism needs Marx. *Monthly Review*, 68(6), 59–62. https://doi.org/10.14452/MR-068-06-2016-10_5

57. Sekyi-Otu, A. (1996). *Fanon's dialectic of experience*. Cambridge & London: Harvard University Press.

58. Sekyi-Otu, A. (2021). Con-texts of critique. In G. Abdel-Shehid, & S. Noori (Eds.), *Partisan universalism: Essays in honour of Ato Sekyi-Out* (pp. 236–251). Quebec: Daraja Press.

59. Sheasby, W. (1999). Anti-Prometheus, Post-Marx. *Organization and Environment*, 12(1), 5–44. <https://doi.org/10.1177/1086026699121001>

60. Soper, K. (2012). The humanism in posthumanism. *Comparative Critical Studies*, 9(3), 365–378. <https://doi.org/10.3366/ccs.2012.0069>

61. Sun Young Ahn. (2022). Magic, necromancy, and the posthuman turn. *Monthly Review*, 73(9), 26–37. https://doi.org/10.14452/mr-073-09-2022-02_3

62. Tompkins, K. W. (2016). On the limits and promise of new materialist philosophy. *Lateral*, 5(1). <https://doi.org/10.25158/l5.1.8>

Информация об авторе

Джон Беллами Фостер, доктор философии (PhD), профессор социологии, Орегонский университет, Юджин, США; редактор журнала *Monthly Review*, Нью-Йорк, США, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7418-3004>, e-mail: jfoster@monthlyreview.org

Information about the author

John Bellamy Foster, PhD, Professor of Sociology, University of Oregon, Eugene, USA; Editor, *Monthly Review Magazine*, New York, USA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7418-3004>, e-mail: jfoster@monthlyreview.org

ДИСКУРС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Получена 19.05.2023.

Поступила после рецензирования 05.06.2023.

Принята к публикации 07.06.2023.

Для цитирования: Русакова О.Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 32-51. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32

Аннотация

Статья посвящена исследованию способов взаимосвязи и взаимовлияния двух дискурсивных конструктов – дискурса политики памяти и дискурса политики идентичности, рассматриваемых применительно к современным российским реалиям. Актуальность работы обусловлена высоким интересом представителей власти и научной общественности к данной проблематике, задачами изучения структурных компонентов этих дискурсивных образований, в частности, ценностных и символических. В официальном дискурсе особое внимание уделяется вопросу, какие ценностные установки должны сформировать внутреннюю структуру российской национальной идентичности. В настоящее время обозначились основные подходы к репрезентации базовых традиционных ценностей, что нашло концептуальное освещение в ряде официальных политических источников. В ходе анализа работ российских политологов, посвященных изучению способов взаимосвязи политики

© Русакова О.Ф., 2023

идентичности и политики памяти, сделан вывод, что для большинства исследователей государственная политика памяти является лишь контекстуальным элементом более объемного понятия, каковым выступает дискурс национальной идентичности. Только в одной из работ удалось обнаружить ряд понятий, объясняющих, каким образом дискурс политики памяти формирует составные компоненты дискурса национальной идентичности. В статье представлено авторское определение государственной политики памяти, в котором пробрасывается теоретический мостик к пониманию механизмов взаимосвязи политики памяти и политики национальной идентичности. Автором рассматриваются символические образы Великой Победы и их ценностное содержание. В заключительной части исследования определяются основные задачи теоретико-методологического плана, от успешного решения которых зависит конструктивное развитие проблематики.

Ключевые слова:

официальный дискурс, государственная политика памяти, политика идентичности, российская национальная идентичность, традиционные ценности, историческая память, символы Великой Победы.

UDC 32

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_32

THE DISCOURSE OF THE STATE MEMORY POLITICS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE NATIONAL IDENTITY OF MODERN RUSSIA

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Received 19.05.2023.

Revised 05.06.2023.

Accepted 07.06.2023.

For citation: Rusakova, O.F. (2023). The Discourse of the State Memory Politics as a Factor in the Formation of the National Identity of Modern Russia. *Discourse-P*, 20(2), 32–51. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32

Abstract

The article explores the ways of interrelation and mutual influence of two discursive constructs – the discourse of memory politics and the discourse of identity politics, considered in relation to modern Russian realities. The relevance of the research is due to the high interest of government representatives and the Russian scientific community in this issue along with the tasks of studying the structural components of these discursive formations, in particular, value-based and symbolic ones. In the official discourse, special attention is paid to the question of which values should form the internal structure of the Russian national identity. Currently, the main approaches to the representation of the basic traditional values have been revealed, which has found conceptual coverage in a number of official political sources. While analyzing the works of Russian political scientists on the ways of interrelation of identity politics with memory politics, it was concluded that for most researchers, the state memory politics is just a contextual element of a more extensive concept, which is the discourse of national identity. Only in one of the works, it was possible to find a number of concepts explaining how the discourse of memory politics forms the constituent components of the discourse of national identity. The article presents the author's definition of the state memory politics, which theoretically bridges understanding the mechanisms of the relationship between the memory politics and the politics of national identity. Symbolic images of the Great Victory and their value content are considered. In the final part of the study, the main theoretical and methodological tasks are specified, since their successful solution defines the constructive development of the issue.

Keywords:

official discourse, state memory politics, identity politics, Russian national identity, traditional values, historical memory, symbols of the Great Victory.

Введение

В последнее десятилетие в научно-гуманитарных кругах России заметно возрос интерес к таким когнитивно-методологическим вопросам, как изучение способов создания и форм взаимосвязи двух дискурсивных конструктов, а именно дискурса государственной политики идентичности и дискурса государственной политики памяти. К числу объективных факторов актуализации данной проблематики мы относим структурные трансформации, происходящие сегодня в государственно-территориальном устройстве России, начало которым положило такое знаковое в историческом плане событие, как «возвращение Крыма в родную гавань» в 2014 г. Это привело к появлению во внутренней структуре РФ двух новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя. Данные изменения стали следствием установления на Украине неонацистского политического режима как результата государственного переворота, поддержанного США и большинством государств Евросоюза.

Вхождение населения и территории Крыма в состав России вызвало у большинства россиян эмоциональный подъем и надежду на радикальное об-

новление политического курса собственного государства. В массовом сознании стал формироваться образ будущей России как государства сильного, державного, сравнимого по масштабам своих миссионерских замыслов с Советским Союзом, т. е. образ такой страны, достижениями которой можно смело гордиться.

Крымские события стали триггером для прокатившейся по Украине «русской весны» – массовых выступлений граждан, выступавших с призывами отделения от Украины и присоединения к России. Но посредством использования вооруженных бандеровских формирований новой украинской власти удалось подавить пророссийские настроения в большинстве регионов страны, кроме Донбасса. На Донбассе движение присоединения к России укрепило свои позиции в ходе вооруженной борьбы с украинско-бандеровской властью, что в итоге привело к его институционализации в форме образования двух тогда еще непризнанных республик – Донецкой народной республики (ДНР) и Луганской народной республики (ЛНР). Однако для решения вопроса об их вхождения в состав России потребовалось более восьми лет, вплоть до объявления Президентом РФ 24 февраля 2022 г. о начале проведения на Украине специальной военной операции (СВО). Поводом для нее стало высказанное В. А. Зеленским намерение получить от стран НАТО ядерное оружие¹.

Проведение СВО вызвало у многих западных «партнеров» РФ резко негативную реакцию, приведшую к принятию многочисленных санкций с целью ослабления ее внешнеполитических и внутривнутриполитических позиций. В странах Европы, с которыми у России за все время ее вхождения в мировую капиталистическую систему сложились тесные взаимосвязи, стала нагнетаться бурная волна осуждения вооруженной борьбы против неонацистской власти на Украине и поддерживающего ее военно-политического блока НАТО. При этом заметно активизировались ранее законсервированные настроения и практики русофобии.

Происходящие на внешнем и внутреннем контуре России политические трансформации получили отражение в идейно-концептуальной деятельности российской власти, что, в частности, привело к появлению официальной установки на обновление существующих представлений о содержании и структурных компонентах национальной идентичности современной России, о наполнении ее новым ценностным содержанием, а также о взаимосвязи политики идентичности с задачами защиты исторической памяти. Внимание руководства страны к решению такой сложной теоретико-методологической проблемы, как соотношение национальной идентичности и исторической памяти (политики идентичности и политики памяти), закономерно получило отклик у российской научной общественности, которая попыталась представить собственные подходы к ее разработке. В связи с этим настоящая статья посвящена характеристике официальной точки зрения на указанную проблему и рассмотрению позиций отечественных исследователей относительно способов ее репрезентации.

¹ МИД назвал заявление Киева о ядерном оружии «перевернувшим ситуацию» (2022, 24 февраля). РБК. Взято 25 апреля 2023, с <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2022/6217941e9a794729705e59ce>

Властный российский дискурс о ценностных аспектах формирования национальной идентичности

В последнее время в официальных кругах России заметно возрос интерес к вопросам формирования национальной идентичности, что напрямую связано с усилением активности и самостоятельности на внешнеполитическом треке, с возросшим укреплением суверенитета, с возникшими в условиях нарастания противостояния между Западом и Россией новыми задачами ее борьбы против враждебных деструктивных течений, систем ценностей, фальсификаций ее исторического прошлого.

Согласно новым официальным источникам, в настоящее время со всей остротой встает вопрос о важности глубокого закрепления в массовом сознании россиян представлений об общности их исторической судьбы, укреплении и защите системы традиционных духовно-нравственных ориентиров, составляющих ценностное ядро национальной идентичности.

Главная и ответственная миссия в формировании сложного когнитивного образования «российская национальная идентичность», безусловно, принадлежит государственным институтам, политика которых направлена на конструирование и идеологическое продвижение системы духовно-нравственных ценностей, составляющих матричное ядро указанного феномена. В этой связи в официальном дискурсе в последнее время особое внимание отводится вопросам концептуального осмысления набора традиционных духовно-нравственных ценностей, а также стратегическим задачам их освоения, распространения и защиты (Карпович, Смагина, 2023).

Важно отметить, что в официальных документах существует категориальная неопределенность в употреблении понятия «национальная идентичность»: в одних она обозначается как «цивилизационная идентичность»², в других – «гражданская идентичность»³. И только в ряде последних высту-

² Владимир Путин. Россия: национальный вопрос (2012, 23 января). *Независимая газета*. Взято 25 апреля 2023, с https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html?ysclid=liflho5il238666731

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» (2015, 29 мая). *Правительство России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHlBitwN4gB.pdf>; Распоряжение Правительства Российской Федерации № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (2016, 29 февраля). *Правительство России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKqH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf>; Указ Президента Российской Федерации № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021, 2 июля). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>; Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» (2022, 9 ноября). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

плений Президента России В.В. Путина используется термин «национальная идентичность»⁴. Так, выступая на последнем заседании Российского организационного комитета «Победа» 15 ноября 2022 г. (спустя 6 дней после издания Указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»), В.В. Путин произнес следующую фразу: «Основой нашей *национальной идентичности* (выделено нами. – О.Р.) были и остаются преемственность поколений, верность традициям, высокие духовно-нравственные ориентиры... Как вы знаете, недавно были утверждены и Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей. *В их число, безусловно, входит и историческая память* (выделено нами. – О.Р.)»⁵.

Другими словами, в государственном дискурсе историческая память рассматривается главным образом в качестве одного из структурных компонентов богатого набора традиционных ценностей, составляющих основу национальной идентичности России. Но вместе с тем понятие «историческая память» фигурирует в официальных документах еще и в качестве одного из *доминирующих стратегических приоритетов национальной политики, связанной с защитой традиционных российских ценностей*. Вот как об этом говорится в Указе Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: «*Реализация стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти»* (выделено нами. – О.Р.) предполагает решение следующих задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей: а) укрепление гражданского единства, общероссийской гражданской идентичности и российской самобытности, межнационального и межрелигиозного согласия на основе объединяющей роли традиционных ценностей; б) *сохранение исторической памяти, противодействие попыткам фальсификации истории, сбережение исторического опыта формирования традиционных ценностей и их влияния на российскую историю* (выделено нами. – О.Р.), в том числе на жизнь и творчество выдающихся деятелей России»⁶.

При внимательном рассмотрении данного фрагмента мы обнаруживаем некоторое противоречие в трактовке понятия «историческая память»: оно позиционируется то в качестве одной из ключевых задач, требующих государственной защиты и сохранения *наряду с духовно-нравственными ценностями и культурой, то как составной элемент системы духовно-нравственных ценностей*, на осно-

⁴ Путин: Национальная идентичность лежит в основе мощи России (2022, 5 декабря). *Российская газета*. Взято 25 апреля 2023, с <https://rg.ru/2022/12/05/putin-nacionalnaia-identichnost-lezhit-v-osnove-moshchi-rossii.html?ysclid=lie89kudp4307752398>

⁵ Заседание оргкомитета «Победа» (2022, 15 ноября). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/events/councils/69836>

⁶ Указ Президента Российской Федерации № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей» (2022, 9 ноября). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

ве которых происходит формирование национальной идентичности. В первом случае историческая память выступает как *равноправный с традиционными ценностями объект рассмотрения*, во втором – как *одна из многочисленных традиционных ценностей*, входящая в их обширный набор.

Такая же противоречивая трактовка понятия «историческая память» содержится в тексте более раннего президентского Указа «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁷, где в отдельно выделенном заголовочном пункте «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» понятие «историческая память» поставлено в один ряд с духовно-нравственными ценностями и культурой, а не «упаковано» в их внутреннее содержание.

Следует отметить, что в последнем из названных указов понятие «историческая память», представляемое в качестве одной из традиционных ценностей, которые требуют своего сохранения, укрепления и защиты, часто соседствует с близкими ему по смыслу понятиями, такими как «историческая правда», «противодействие фальсификациям истории», «сбережение исторического опыта».

В других официальных документах, в частности, в Распоряжении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года», в качестве важных задач культурной политики России, связанных с формированием и укреплением национальной идентичности, отдельным пунктом выделено «*противодействие искажению российской истории и пересмотру взглядов на историю России, ее роли и места в мировой истории*» (выделено нами. – О.Р.)⁸. В президентском Указе «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в перечне важных национальных приоритетов, наряду с термином «историческая память» фигурируют такие понятия, как «*культурно-исторические ценности*», «*сохранение культурного и исторического наследия народов России*»⁹. Все перечисленные термины, родственные по смыслу понятию «историческая память», выполняют функцию конкретизирующих форматов по отношению к данной категории.

Бросается в глаза смысловая неоднозначность и разноплановость применения в официальном политическом дискурсе понятия «историческая память». Под исторической памятью подразумевается и конкретная духовно-нравственная ценность, и одна из стратегических приоритетных задач в деле защиты российских традиционных ценностей, и инструмент воспитания граждан, и фак-

⁷ Указ Президента Российской Федерации № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021, 2 июля). *Президент России*. Взято 15 декабря 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (2016, 29 февраля). *Правительство России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>

⁹ Указ Президента Российской Федерации № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021, 2 июля). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с www.kremlin.ru/acts/bank/47046

тор противодействия враждебным России идеологиям, и инструмент борьбы с искажениями исторической правды, и средство противоборства попыткам искажения и фальсификациями исторических фактов, и система определенных практик политических коммемораций¹⁰.

На наш взгляд, такая смысловая неоднородность и многоплановость в использовании данного понятия объясняется главным образом отсутствием в официальном политическом лексиконе термина «*политика памяти*», посредством применения которого в качестве «зонтичной» категории вполне удалось бы преодолеть разнородность и «пестроту» всего богатого спектра применения этого термина. Ведь именно политика памяти как относительно самостоятельная управленческая политическая теория и практика, собственно, и призвана выполнять все названные функции, связанные с исторической памятью.

Особо отметим, что вопрос о формировании национальной идентичности в настоящее время рассматривается в научной среде в качестве важной компетенции такой отдельно выделяемой отрасли гуманитарного знания, как *политика идентичности* (Попова, 2020; Семенов, 2020; Фадеева, 2021 и др.). Под политикой идентичности принято понимать одно из «важнейших направлений государственной политики по конструированию образа нации, государства, сплочения граждан, обеспечения единства населения, гарантирующего устойчивость политической системы и политического режима» (Попова, 2020, с. 89). Рассмотрение вопроса о специфических формах взаимосвязи политики памяти и политики идентичности должно, на наш взгляд, пролить свет на теоретико-методологическую проблему, касающуюся сути и характера факторного влияния политики памяти на процесс формирования национальной идентичности государства как особой целостной системы. В этой связи обратимся к работам отечественных авторов, в которых предлагаются собственные оригинальные подходы к ее решению.

Освещение проблемы взаимосвязи аналитических концептов политики идентичности и политики памяти в работах российских политологов

Выделенная проблематика получила частичную разработку в ряде трудов зарубежных исследователей (Ассман, 2016; Ассман, 2018; Шеррер, 2009; Bottici, 2010; Eder & Spohn, 2016; Stoicheva, 2018 и др.), а также в работах российских авторов. Среди отечественных ученых, обративших в последние годы специальное внимание на проблему взаимосвязи концептов политики идентичности и политики памяти, следует в первую очередь отметить труды И. С. Семенова (Семенов, 2018а, 2018б, 2020), О. В. Поповой (Попова, 2019а, 2019б, 2020), В. В. Титова (Титов, 2017, 2019), Л. А. Фадеевой (Фадеева, 2021, 2022). В них оба аналитических концепта рассматриваются с позиции методологии конструктивизма, согласно которой политика идентичности и политика

¹⁰ Заседание оргкомитета «Победа» (2022, 15 ноября). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/events/councils/69836>

памяти представляют собой ментальные конструкты, которые могут трансформироваться и использоваться в инструментальных целях. Для описания конкретных национальных и наднациональных форм политик памяти и идентичности авторы часто прибегают к аксиологическому (ценностному), контекстуальному, нарративному и политико-символическому подходам. С точки зрения тематики нашего исследования, главное в этих работах состоит в том, что в них предпринимаются попытки выявления механизмов и способов взаимосвязи и взаимовлияния политики памяти и политики идентичности.

Так, например, И. С. Семененко в одной из своих статей (Семененко, 2018а) пишет, что в странах Восточной Европы политика памяти оказалась в центре ожесточенной борьбы за новую государственную политику идентичности, а коммеморативные практики (практики увековечивания памяти) превратились в ключевой инструмент этой борьбы. Автор отмечает, что нация посредством измененной официальной политики памяти получает возможность удостоверить свою новую идентичность, а также увидеть и лучше понять иное (с. 67). По мнению исследователя, политика памяти выступает ключевым направлением политики идентичности (с. 65). При этом одну из ведущих ролей в деле целенаправленного конструирования национальной идентичности и одновременно нарративов политики памяти играет сфера образования, которая призвана выполнять две разновекторные функции: 1) быть медиатором доминирующей культуры и языка для поддержания существующей формы национальной идентичности; 2) продвигать принципы этнического и культурного разнообразия, т. е. способствовать формированию «разделенной идентичности» и «разделенной памяти» (с. 68, 73). Возникновение «разделенных памятей и идентичностей» обусловлено тем, что регионы с высокой степенью автономности, как правило, стремятся к формированию собственной, отдельной от других, региональной идентичности, основанной на «своей истории», своей культуре и языке (с. 72). В этой связи, считает автор, для поддержания общего пространства памяти в едином поле государственной идентичности требуется осуществление тонкой настройки механизмов политики памяти, основанных на принципе диалогизма (с. 70).

В другой своей статье (Семененко, 2020), посвященной рассмотрению коммеморативных практик европейских музеев истории XX в., исследователь подчеркивает, что политика памяти – «ключевое направление проводимой сегодня национальным государством политики идентичности», где в качестве инструмента такой политики выступает новая экспозиционная политика музеев истории (с. 16). Утверждается, что «формирование идентичности стало ключевой проблемой практической политики государства. Согласно автору, государственную политику идентичности сегодня принято рассматривать как целенаправленную и ценностно ориентированную управленческую стратегию. Среди ее основных направлений «можно особо выделить политику в сфере образования и пересекающуюся с ней сферы языковой политики, символической политики и политики памяти» (с. 17). Экспозиции государственных музеев, посвященные разным аспектам осмысления исторического и социального опыта XX в., «вписываются, явно или неявно, в контекст проводимой государством политики идентичности... Складывающаяся в таких пространствах культура

памяти переформатирует информацию о социальных процессах прошлого в актуальные для сегодняшнего дня смыслы, а нарративы, толкующие реалии недавнего прошлого, – в дискурсы, утверждающие эти реалии как современную реальность. Это особенно актуально для поколений, которые не имеют опыта непосредственного соприкосновения с трудным прошлым» (с. 18). Благодаря наглядным образам прошлого, репрезентируемым в экспозициях музея, властные институты продвигают собственные официальные нарративы, выстроенные в контексте национально-государственной политики идентичности. В идеале, отмечает автор, музейное пространство «ориентировано на поиски политического консенсуса граждан через исторический нарратив, приемлемый для разных социальных групп и способный работать на общественную консолидацию и социальную стабильность» (с. 19). И. С. Семененко также ставит вопрос, каким образом возможно преодоление конфликтных интерпретаций прошлого в целях формирования общественного согласия, «как неконфликтно соединить разные идентичности и разные ценности, как заставить их работать на общее будущее», что на практике должно отвечать «повестке дня политики идентичности в демократическом обществе» (Семененко, 2020, с. 20). Интересно, что в качестве примера неконфликтного соединения разноплановых идентичностей и ценностных ориентаций в рамках музейной практики исследователь приводит открытый в 2018 г. в Китае объединенный городской музей истории Шанхая и истории революции, который явно нельзя назвать опытом, выстроенным по канонам демократической политики идентичности и политики памяти. Делая ссылку на авторитетного российского китаевода А. В. Ломанова, автор констатирует, что китайский исторический нарратив создается «сверху» и контролируется властным дискурсом. «Места для альтернативных трактовок просто нет, государственный нарратив синтезирует все «полезные для китайского общества» подходы» (с. 21).

Тем не менее И. С. Семененко продолжает рассуждать о потребности в переведении «конфликта идентичностей» в «диалог идентичностей», о важности приглашения к «диалогу между людьми, по-разному воспринимающими общее прошлое». Именно в этом, считает автор, состоит «интегральная часть политики идентичности, поле для взаимодействия разных ее субъектов» (Семененко, 2020, с. 26). Современные музеи могут стать передовыми площадками для нарративных диалогов о трудном прошлом, поскольку сама потребность в диалоге является неотъемлемой составляющей, ориентированной на развитие политики идентичности (с. 28).

Итак, согласно И. С. Семененко, соотношение между политикой памяти и политикой идентичности предстает в трех основных ракурсах: 1) политика памяти – ключевое направление, проводимой государством политики идентичности; 2) политика памяти – контекстуальный план политики идентичности; 3) внутри политики памяти уже заложена интенция на формирование государственной идентичности. Как видим, автор использует для описания ситуации взаимодействия между политикой памяти и политикой идентичности весьма общие и предельно абстрактные слова-связки: «направление», «контекст», «интенция», посредством которых трудно понять и раскрыть реальные механизмы их взаимодействия и взаимовлияния.

Другой известный политолог О. В. Попова рассматривает инфраструктуру политики памяти в качестве одного из структурных компонентов политики идентичности, представляющей соединение следующих элементов: «идеологическое обоснование борьбы с внутренними и внешними врагами, акцентирование исторической миссии своего государства с использованием морализаторской риторики; комплексная инфраструктура для поддержания исторической памяти; официальный дискурс обращений и посланий глав государств; интерпретация содержания и символики государственных праздников; образовательная политика, символическое привлечение в осуществлении политики исторической памяти государственных органов, институтов гражданского общества, политических лидеров других государств, руководителей международных организаций». Кроме того, как отмечает автор, важным элементом политики государственной идентичности является процесс самоопределения «относительно значимых «других» государств и международных организаций» (Попова, 2020, с. 96).

Автор предлагает следующую трактовку соотношения политики памяти и политики идентичности: «Стандартные технологии формирования государственной политики идентичности традиционно опираются на историческую политику или политику памяти как некий политический конструкт. Главное в политике памяти – не историческая правда, а выстраивание комплексного образа прошлого, включающего эмоциональный, когнитивный и символический компоненты» (Попова, 2020, с. 96). Как видим, политика памяти трактуется здесь как некая сумма технологий, благодаря применению которых формируется государственная политика идентичности; при этом осуществляется процесс конструирования эмоционального и символического образа прошлого. В представленной схеме мы можем выделить только один момент новизны: применение технологического подхода при рассмотрении вопроса о соотношении политик памяти и идентичности как взаимосвязанных феноменов и концептов.

В монографии В. В. Титова, в главе «Теоретические аспекты изучения национально-государственной идентичности и политики памяти», в отдельном параграфе под названием «Политика памяти как инструмент формирования национально-государственной идентичности» (Титов, 2017, с. 41–58), используется в качестве слова-связки понятие «инструмент». Автор следующим образом описывает его действие: «Ключевая «элементарная частица» политики памяти – не аргумент и его «правильная подача», «привязанная» к конкретной политической ситуации, а эмоционально окрашенное историческое представление. Совокупность таких представлений и образует интегративный образ прошлого, на основании которого выстраивается национально-государственная идентичность» (с. 48). Далее автор констатирует, что данный процесс осуществляется «при помощи исторических сюжетов, выступающих фундаментальным основанием ключевых идентификационных образов, с которыми ассоциирует себя общество» (с. 56).

Итак, зафиксировав, что, согласно В. В. Титову, воздействие политики памяти на процесс формирования национальной идентичности осуществляется посредством создания исторических сюжетов, транслирующих фундаментальные идентификационные образы, с которыми общество способно себя ассоциировать.

Далее автор описывает систему стратегических установок политики памяти, благодаря которым осуществляется процесс формирования «идентификационной матрицы общества». Она включает стратегию управления социально-политическими эмоциями, стратегию управления политическими смыслами, стратегию управления политическими символами (Титов, 2017, с. 56). Таким образом, в работе В.В. Титова представлены важные уточнения относительно механизмов взаимодействия политики памяти с политикой идентичности, поскольку в качестве медиаторов в ней рассматриваются, во-первых, создаваемые политикой памяти посредством исторических сюжетов идентификационные образы прошлого, во-вторых, стратегические установки политики памяти, нацеленные на управление политическими эмоциями, смыслами и символами.

В статье Л.А. Фадеевой акцент сделан на сопряженности политики памяти и политики идентичности как аналитических концептов и политических курсов (Фадеева, 2022). Эта сопряженность раскрывается посредством изучения попыток согласования разнообразных концептуальных трактовок, касающихся в первую очередь периода Второй мировой войны и последующих после нее трансформаций политического устройства европейских государств с установкой на формирование общеевропейской идентичности, включая вопрос об ее ценностном наполнении (с. 80). Особое внимание в раскрытии поставленной проблемы автор уделяет вопросам, связанным с поисками новых научных категорий, посредством применения которых возникают дополнительные возможности для описания тонких нюансов, характерных для европейской идентичности, построенной на основе общей памяти, системы ценностей и культурного наследия. В число таких категорий включаются понятия «политика принадлежности» и «диссонанс наследия» (некомфортное чувство дисгармонии, конфликтности, неловкости) применение которых должно было привести к наступлению состояния реальной интеграции европейского сообщества, т.е. к формированию общеевропейской идентичности (с. 83). Вместе с тем, согласно Л.А. Фадеевой, негативную роль при решении задачи достижения консенсуса как в концептуальных установках европейской политики памяти, так и в ценностном содержании политики идентичности сыграл фактор их секьюритизации, связанный со смещением фокуса основного внимания на задачу жесткого противостояния внешним угрозам. В результате вместо консолидации стал усиливаться процесс рассогласованности стратегических установок и нарративов, затронувший обе формы европейской политики, а именно политику европейской памяти и политику европейской идентичности (с. 90).

Рассмотренные нами концептуальные установки ряда известных российских политологов относительно соотношения дискурса государственной политики памяти и дискурса государственной политики идентичности показывают, что дискурс государственной политики памяти чаще всего выступает в роли прикладного, технологического элемента того, что представляет собой более широкий по объему когнитивный конструктор, обозначаемый как дискурс национальной (государственной) идентичности. Установка на рассмотрение дискурса политики памяти либо в качестве внутреннего структурного компонента политики идентичности, либо как одного из направлений реализации данной политики (наряду с образовательной и культурной политиками) не позволяет,

на наш взгляд, раскрыть характер самого механизма превращения структурных компонентов политики памяти, включая создаваемые исторические образы и смыслы, во внутренние ценностные, культурно-образовательные и иные основания политики национальной идентичности.

С нашей точки зрения, дискурс политики памяти вполне способен выступать в роли относительно самостоятельного, эффективно действующего фактора, формирующего новые тренды в развитии политики государственной идентичности. В этой связи считаем вполне назревшим вопрос о переконструировании распространенной в российских научных кругах теоретической схемы и сосредоточении основного внимания на конкретных механизмах, способах и технологиях, обеспечивающих взаимодействие и взаимовлияние политики памяти и политики идентичности. С учетом такой постановки вопроса мы предлагаем ввести в научный лексикон следующее определение государственной политики памяти: *система управленческой деятельности государственных институтов, в которой посредством применения ряда инструментальных подходов осуществляется определенная интерпретация прошлого, конструируются политически значимые нарративы, смыслы, образы, символы, мифы, воздействующие на мировоззренческие и ценностные установки граждан, на их эмоциональный настрой и закрепляющие в массовом сознании устойчивые представления об общности исторической памяти народа, о значимости и ценности тех или иных исторических событий и фигур, выполняющих роль когнитивных, эмоциональных и символических скреп для формирования ценностного ядра национальной идентичности государства.*

Дискурс политики памяти как инструмент закрепления в сознании россиян ценностей и символических образов Великой Победы

Процесс формирования национальной идентичности посредством определенных дискурсов государственной политики памяти лучше всего проиллюстрировать, взяв за основу анализа такую общественно значимую историческую ценность, как Великая Победа. Именно она является важным стержневым компонентом как дискурса актуальной политики памяти, так и дискурса идентичности современной России. Кроме того, исторический дискурс Великой Победы и связанные с ним образы, символы, эмоции выступают предметом особого внимания не только официальной политики памяти и политики идентичности, но также институтов гражданского общества, которые играют не меньшую роль, чем институты государственной власти, в деле закрепления символических образов Победы в коллективной памяти россиян.

В этой связи мы решили обратиться к рассмотрению фактов актуализации таких символов Великой Победы, как Знамя Победы, День Победы и Мавзолей Ленина, фигура Сталина как генералиссимуса Победы, посредством которых в наше время осуществляется формирование новой национальной идентичности России.

Знамя Победы. Данный символ сегодня широко используется бойцами СВО, поскольку для многих россиян и бывших советских граждан, проживающих за рубежом, Знамя Победы несет в себе особый сакральный смысл,

является и святыней, и символом гордости за историческую Победу советской Родины (вспомним знаменитую бабушку, которая вынесла из дома Красный флаг, думая, что перед ней русский солдат, и объяснила, что именно с этим флагом побеждали ее предки в годы Великой Отечественной войны).

Практики водружения Знамени Победы над поверженным Рейхстагом символически повторяются в наше время в ходе освобождения городов Украины от украинских нацистов. Знамена Победы сегодня развеваются над местами памяти, там, где погибли и захоронены не только советские военнослужащие, но и современные защитники Донбасса. Так, еще в 2014 г. один из корреспондентов писал: «И вот в первых числах сентября 2014 г. над высотой (Саур-Могила. – О.Р.) подняты флаг Донецкой народной республики, Андреевский флаг, флаг Северного флота и – главное! – Знамя Победы в Великой Отечественной войне, как символ нынешней победы Ополчения над карателями!» <...> И этот памятник еще восстановят! Обязательно восстановят!»¹¹

Ровно через 8 лет, в сентябре 2022 г., произошло знаковое событие не только для Донбасса, но и для всей России – восстановление Саур-Могилы. Об этом в своем обращении к участникам торжественной церемонии открытия обновленного мемориала говорил В. В. Путин: «Саур-Могила, как и Сапун-гора, Мамаев курган, стали для нас великими святынями, за которые насмерть стояли наши отцы, деды и прадеды. <...> Мы – плоть от плоти наших Героев. И воссоздание мемориала защитникам Донбасса, мужество наших солдат, офицеров и ополченцев – это предупреждение всем, кто отрекся от своих предков и забыл уроки истории»¹².

День Победы и Мавзолей Ленина. Ритуалы памяти, связанные с Днем Победы, всем хорошо известны: военный парад на Красной Площади, шествие Бессмертного полка, возложение цветов к памятнику Неизвестного солдата, чествование ветеранов. Однако ритуальные действия в этот день не во всех своих проявлениях соответствуют народной памяти о советском церемониале празднования Дня Победы. Например, у значительной части населения страны вызывает протест такая относительно новая ритуальная акция, впервые предпринятая властями в 2005 г., как заколачивание фанерой Мавзолея Ленина накануне празднования Дня Победы. Этим действием представители власти демонстрируют, на наш взгляд, свое непонимание (или нежелание понимать), что сам Мавзолей является весьма важным символом Победы. Неслучайно именно к его подножью 24 июня 1945 г. во время знаменитого Парада Победы советские воины бросали нацистские знамена и штандарты. Эта военно-театрализованная акция была пропитана высоким по накалу эмоциональным смыслом, пронизана глубокой исторической поучительностью. Она наглядно показывала, какая позорная участь ожидает тех, кто разделяет идеи мирового нацизма. Данная «акция

¹¹ Фото дня. Знамя Победы в Великой Отечественной войне водружено над Саур-Могилой под Донецком (2014, 3 апреля). *Блог Сергея Филатова*. Взято 25 апреля 2023, с <https://serfilatov.livejournal.com/1902300.html>

¹² Видеообращение к участникам церемонии открытия восстановленного мемориального комплекса «Саур-Могила» (2022, 8 сентября). *Президент России*. Взято 25 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69314>

была подробно и глубоко продумана организаторами парада, инициатива ее проведения исходила от самого верховного главнокомандующего, И.В. Сталина... потому существуют все основания считать ее неотъемлемым компонентом политики памяти того времени» (Русакова, 2022, с. 76–77).

В связи с общественным запросом на освобождение Мавзолея Ленина от скрывающих его облик фанерных загоронок, с открытым письмом к В.В. Путину в апреле 2023 г. обратился председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Государственной Думе Г.А. Зюганов. В письме говорилось: «Для достижения победы и решения больших исторических задач России нужна сплоченность вокруг созидательных идей и ярких символов. Со слезами на глазах и гордостью в сердце наш народ чтит в майские дни величайший подвиг своих предков. В эти особые моменты негоже скрывать его важнейший символ. Драпировка Мавзолея Ленина включает в себе абсолютно порочный символизм... Празднование Дня Великой Победы мы должны рассматривать как важнейший акт сплочения народа. Смысл и содержание этого события – священны. Священны и все его символы. Позорная практика маскировать Мавзолей Ленина разлагающе разрушительна и нетерпима»¹³. Однако ответа на данное письмо так и не последовало.

Сталин – генералиссимус Победы. В народной памяти имя И.В. Сталина ассоциируется не только с репрессивной политикой, проводимой советским государством в период сталинского правления, но гораздо в большей степени с достижениями в области модернизации различных сфер общественной жизни советского государства и, что самое главное, с Великой Победой в Отечественной войне 1941–1945 гг., одержанной под его военно-политическим руководством.

Благодарность Сталину за построение под его руководством основ социалистического общества, за Победу в борьбе с мировым нацизмом выливается сегодня в набирающее силу народное движение по установлению в честь Сталина монументов, памятников и бюстов в городах и сельских поселениях. В современном Крыму Сталину, как и другим лидерам государств, принявшим участие в Ялтинской конференции 1945 г., в Ливадийском дворце в 2015 г. был установлен памятник. В 2019 г., в день 74-й годовщины Победы, в Новосибирске открыли бюст с надписью «Генералиссимус Советского Союза Сталин»¹⁴. В Волгограде возле музея-панорамы «Сталинградская битва» 1 февраля 2023 г. был торжественно открыт памятник генералиссимусу Иосифу Сталину, а также двум советским маршалам – Георгию Жукову и Александру Василевскому¹⁵.

¹³ Геннадий Зюганов: Мавзолей Ленина – свидетель величайшего триумфа в нашей истории! (2023, 11 апреля). *Красная линия*. Взято 25 апреля 2023, с <https://www.rline.tv/news/2023-04-11-gennadiy-zyuganov-mavzoley-lenina-svidetel-velichayshego-triumfa-v-nashey-istorii/>

¹⁴ В Новосибирске торжественно открыли памятник Иосифу Сталину (2019, 9 мая). *Реальное время*. Взято 25 апреля 2023, с <https://realnoevremya.ru/news/138699-v-novosibirsk-torzhestvenno-otkryli-pamyatnik-iosifu-stalinu>

¹⁵ «Наш город 36 лет носил его имя»: в Волгограде торжественно открыли памятник Иосифу Сталину (2023, 1 февраля). *V1.ru – новости Волгограда*. Взято 25 апреля 2023, с <https://v1.ru/text/gorod/2023/02/01/72023600/>

Все эти коммеморативные акции в честь Сталина как генералиссимуса Великой Победы явно противоречат официальной позиции российской государственной власти, которая не торопится с признанием личных заслуг Сталина перед советским государством и обществом. Об этом, например, говорилось на прошедшей в июне 2022 г. академической дискуссии «Какова роль Сталина в Великой Отечественной войне», организованной Российским военно-историческим обществом. Участниками был зафиксирован «разрыв между официальным дискурсом политики памяти, хранящим упорное молчание о роли и значении Сталина в советской и мировой истории, и дискурсом народной памяти о Сталине как о крупном государственном деятеле, выдающемся стратегом и полководцем Второй мировой войны» (Русакова, 2022, с. 162).

Как мы видим, основные символы Великой Победы смогли достаточно прочно закрепиться в народной памяти россиян, хотя не все из них получили такое же выражение в официальном дискурсе политики памяти. Тем не менее сам факт глубокого проникновения в коллективную память символических смыслов Победы, выступающих в качестве стержневой ценностной основы для формирования национальной идентичности современной России, свидетельствуют об определенных успехах проводимой государственными институтами политики памяти.

Заключение

Постановка вопроса о рассмотрении государственной политики памяти в качестве фактора формирования российской национальной идентичности, на наш взгляд, позволяет конструктивно решать целый ряд исследовательских и практических задач:

1) Анализ государственной политики памяти в качестве сложно структурированной и динамично действующей системы механизмов, производящих конструирование в массовом сознании представлений о ценностном характере общего для россиян исторического прошлого, что способствует выработке мировоззренческих и духовно-нравственных установок, образующих в своей структурной целостности российскую идентичность.

2) Раскрытие альтернативных по отношению к ценностным установкам государственной политики памяти идейно-политических течений, претендующих на доминирующую роль в управлении исторической памятью и стремящихся внедрить в сознание и поведенческие практики россиян нетрадиционные для них ценности идентичности. К данным течениям, на наш взгляд, относятся: неолиберальная политика памяти, культивирующая стратегию и практику декоммунизации по отношению к советскому прошлому; экстремистские политические течения, чья деструктивная деятельность нацелена на разрушение государственного и ценностного единства российской нации.

3) Рассмотрение в качестве специального предмета исследования масштабных и значимых для современной России исторических событий и фигур, вокруг которых конструируется нарративная, образная, символическая и ценностная система, выстраиваемая государственной политикой памяти, складывается когнитивное пространство российской идентичности. В этой связи особое внимание

следует отвести аксиологическому (ценностному) анализу событий и исторических фигур, связанных с Великой Отечественной войной, с установлением ядерного паритета между США и СССР, с прорывными достижениями советского государства в области разрушения мировой колониальной системы, освоения космоса, которые стали возможными благодаря созданию в СССР условий для реализации творческой энергии граждан, для проявлений духа коллективизма, интернационализма, патриотизма, преданности гражданскому долгу. Именно эти ценностные установки активно интегрируются во внутреннюю структуру государственной политики идентичности современной России.

4) Применение методов качественных оценок деятельности российского государства в сфере создания им комплексной инфраструктуры политики памяти, используемой в качестве инструментария для формирования национальной идентичности как целостной ценностной системы, вызывающей у россиян чувства личной причастности и эмпатии в отношении ее базовых компонентов.

Успешность выполнения этих задач во многом зависит от правильности выбора исходных теоретико-методологических установок, что предполагает опору на комплексное применение ряда научных подходов – системно-функционального, дискурсивно-аналитического, конструктивистского, аксиологического, инструменталистского, факторного и др. На наш взгляд, целенаправленное изучение дискурса государственной политики памяти, взятого в качестве важного фактора формирования российской национальной идентичности, позволит внести инновационный вклад в разработку актуальных вопросов исторического самоопределения и геополитического позиционирования России.

Список литературы

1. Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.
2. Ассман, А. (2018). *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Карпович, О.Г., Смагина, Л.А. (2023). Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход. *Международная жизнь*, (1), 54–65.
4. Попова, О.В. (2019а). Государственная политика идентичности в экспертных оценках российских политологов. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (4), 50–55. <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-61-4-050-056>
5. Попова, О.В. (2019b). Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок. *Южно-российский журнал социальных наук*, 20(4), 74–91. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91>
6. Попова, О.В. (2020). О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии. *Политическая наука*, (4), 86–110. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
7. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2022). *Официальный дискурс российской*

политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретации, акторы, коммеморативные практики. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».

8. Семенов, И. С. (2018a). Прошлое на переднем крае политики идентичности. *Мировая экономика и международные отношения*, 62(11), 65–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>

9. Семенов, И. С. (2018b). Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе. *Политические исследования*, (5), 70–87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07>

10. Семенов, И. С. (2020). Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века. *Мировая экономика и международные отношения*, 64(5), 16–32. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32>

11. Титов, В. В. (2017). *Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции*. М.: Ваш формат.

12. Титов, В. В. (2019). Российская национальная идентичность: вызовы цифровой эпохи. *Социально-гуманитарные знания*, (5), 187–193.

13. Фадеева, Л. А. (2021). Современные вызовы политики идентичности в ЕС. *Современная Европа*, (7), 18–26. <https://doi.org/10.15211/soveurope720211826>

14. Фадеева, Л. А. (2022). Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, рассогласованные практики. *Международная аналитика*, 13(3), 79–93. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-79-93>

15. Шерпер, Ю. (2009). Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. *Pro et Contra*, 13(3–4), 89–108.

16. Bottici, Ch. (2010). European identity and the politics of remembrance. In K. Tilmans, F. van Vree, & J. M. Winter (Eds.), *Performing the past: Memory, history and identity in modern Europe* (pp. 335–359). Amsterdam: Amsterdam University Press.

17. Eder, K., & Spohn, W. (Eds.). (2016). *Collective memory and European identity*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315259956>

18. Stoicheva, M. (2018). EU cultural policy and European identity: A way to view their correlation. *Южно-Российский журнал социальных наук*, 19(4), 92–108. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-92-108>

References

1. Assman, A. (2016). *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [New discontent with memorial culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

2. Assman, A. (2018). *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Bottici, Ch. (2010). European identity and the politics of remembrance. In K. Tilmans, F. van Vree, & J. M. Winter (Eds.), *Performing the past: Memory, history and identity in modern Europe* (pp. 335–359). Amsterdam: Amsterdam University Press.

4. Eder, K., & Spohn, W. (Eds.). (2016). *Collective memory and European identity*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315259956>
5. Fadeeva, L. A. (2021). Sovremennye vyzovy politiki identichnosti v ES [Contemporary policy challenges identity in the EU]. *Sovremennaya Evropa*, (7), 18–26. <https://doi.org/10.15211/soveurope720211826>
6. Fadeeva, L. A. (2022). Politika pamyati i identichnosti v Evropejskom soyuze: sopryazhennye ponyatiya, rassoglasovannye praktiki [Memory and identity politics in the European Union: Related concepts, disparate practices]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 13(3), 79–93. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-79-93>
7. Karpovich, O. G., & Smagina, L. A. (2023). Konceptiya tradicionnykh duxovno-nravstvennykh cennostej v mezhdunarodnykh otnosheniyax: rossijskij podxod [The concept of traditional spiritual and moral values in international relations: The Russian approach]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, (1), 54–65.
8. Popova, O. V. (2019a). Gosudarstvennaya politika identichnosti v e'kspertnykh ocenках rossijskix politologov [State identity policy in expert evaluations of Russian political scientists]. *Kaspijskij region: politika, e'konomika, kul'tura*, (4), 50–55. <https://doi.org/10.21672/1818-510x-2019-61-4-050-056>
9. Popova, O. V. (2019b). Gosudarstvennaya politika identichnosti kak teoreticheskij konstrukt i real'naya praktika: opyt e'kspertnykh ocenok [Identity policy at national level as a theoretical construct and real practice: Expert assessments attempt]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nykh nauk*, 20(4), 74–91. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91>
10. Popova, O. V. (2020). O nereshennykh problemakh teorii gosudarstvennoj politiki identichnosti v rossijskoj politologii [Unresolved problems in the theory of state identity policy in Russian political science]. *Politicheskaya nauka*, (4), 86–110. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
11. Rusakova, O. F. (Ed.). (2022). *Oficial'nyj diskurs rossijskoj politiki pamyati o sovetskom proshlom: strategii interpretacii, aktory, kommemorativnye praktiki* [The official discourse of the Russian politics of memory on the Soviet past: Interpretation strategies, actors, commemorative practices]. Ekaterinburg: Izdatel'skij dom «Diskurs-Pi».
12. Scherer, J. (2009). Otnoshenie k istorii v Germanii i Francii: prorabotka proshlogo, istoricheskaya politika, politika pamyati [Attitude to history in Germany and France: Study of the past, historical politics, politics of memory]. *Pro et Contra*, 13(3–4), 89–108.
13. Semenenko, I. (2020). Novye rakursy politiki identichnosti: Trudnaya pamyat' v muzeyax istorii XX veka [New dimensions of identity politics: Contested memories in history museums of the 20th century]. *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 64(5), 16–32. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32>
14. Semenenko, I. S. (2018a). Proshloe na perednem krae politiki identichnosti [History on the frontline of identity politics]. *Mirovaya e'konomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 62(11), 65–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>
15. Semenenko, I. S. (2018b). Nacionalizm, separatizm, demokratiya... Metamorfozy nacional'noj identichnosti v "staroj" Evrope [Nationalism, separatism, ... Metamorphoses of national identity in "old" Europe]

and democracy. New patterns of national identity in “old” Europe]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (5), 70–87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.07>

16. Stoicheva, M. (2018). EU cultural policy and European identity: A way to view their correlation. *Yuzhno-Rossiiskij zhurnal social'nyx nauk*, 19(4), 92–108. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-92-108>

17. Titov, V. V. (2017). *Politika pamyati i formirovanie nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti: rossiiskij opyt i novye tendencii* [The politics of memory and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends]. Moscow: Vash format.

18. Titov, V.V. (2019). Rossijskaya nacional'naya identichnost': vyzovy cifrovoj e'poxi [Russian national identity: The challenges of the digital age]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, (5), 187–193.

Информация об авторе

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Information about the author

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

ОБОЙДЕМСЯ БЕЗ МИССИИ. ПОЧЕМУ ПОСТСОВЕТСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА НЕ МОЖЕТ ВЫРАБОТАТЬ НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕОЛОГИЮ?

Леонид Гершевич Фишман,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
lfishman@yandex.ru

Получена 24.04.2023.

Поступила после рецензирования 24.05.2023.

Принята к публикации 07.06.2023.

Для цитирования: Фишман Л.Г. Обойдемся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 52–67. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_52

Аннотация

В статье рассматривается вопрос, почему в России на протяжении последних лет так и не сложилось ни национальной идеологии, ни хотя бы ясной в плане общезначимых ценностей идейной определенности исторической субъектности, несмотря на имеющиеся для этого предпосылки внутреннего и внешнего характера. Обосновано, что обретение исторической субъектности в первую очередь зависит от природы правящих классов. Показано, что современный российский правящий класс, сочетая черты бюрократии, буржуазии и советской номенклатуры, в силу своего происхождения изначально ориентирован на подражание заимствованным извне канонам и эталонам в самых разных областях общественной жизни, культуры, технологий и т. д. Творчество в сфере идеологии для него, как и для большинства национальных правящих классов эпохи Модерна, является скорее исключением, чем правилом. Этому способствует и объективное качественное сближение правя-

© Фишман Л.Г., 2023

щих элит всего мира, вызванное процессами модернизации и глобализации. Также, в силу доминирования в советском и постсоветском обществе этики добродетели, правящему классу и гражданскому обществу более понятен язык ценностей, чем идеологии. Поэтому для нынешнего поколения российской правящей элиты не стоит вопрос о выдвижении какой-то принципиальной альтернативы западным идеологемам. Его бунт против глобального порядка в идейном плане не менее вторичен, чем цветные революции. В этих условиях для российского правящего класса естественна выжидательная позиция, пока новый мировой порядок, в который можно вписаться, не сложится естественным образом.

Ключевые слова:

идеология, ценности, глобальный порядок, деглобализация, правящий класс, историческая субъектность.

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

UDC 323.3+37.035.4

DOI 10.17506/18179568_2023_20_2_52

WE WILL DO WITHOUT A MISSION. WHY IS THE POST-SOVIET NOMENCLATURE UNABLE TO DEVELOP A NATIONAL IDEOLOGY?

Leonid G. Fishman,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
lfishman@yandex.ru

Received 24.04.2023.

Revised 24.05.2023.

Accepted 07.06.2023.

For citation: Fishman, L.G. (2023). We Will Do Without a Mission. Why Is the Post-Soviet Nomenclature Unable to Develop a National Ideology?. *Discourse-P*, 20(2), 52–67. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_52

Abstract

The article addresses the question of why despite the existing internal and external prerequisites, Russia has not developed in recent years a national ideology, nor at least a clear ideological certainty in historical agency in terms of universally valid values. The author argues that first and foremost the acquisition of historical agency depends on the nature of the ruling classes. It is shown that the modern Russian ruling class, combining features of bureaucracy, bourgeoisie, and the Soviet nomenclature, by virtue of its origin, is initially focused on imitating imported canons and standards in various areas of public life, culture, technology, etc. Creativity in the field of ideology for it, just as for the majority of national ruling classes of the modern era, is the exception rather than the rule. This is also facilitated by the objective qualitative convergence of the ruling elites around the world, caused by the processes of modernization and globalization. Also, due to the dominance of virtue ethics in Soviet and post-Soviet society, the ruling class and civil society understand the language of values more clearly than ideology. Therefore, for the current generation of the Russian ruling elite, there is no need to put forward any fundamental alternative to Western ideologemes. Its rebellion against the global order is ideologically no less secondary than the color revolutions. In these circumstances, a wait-and-see attitude is reasonable for the Russian ruling class until the new world order suitable to fit in evolves naturally.

Keywords:

ideology, values, global order, deglobalization, ruling class, historical agency.

Funding:

the study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

Введение

Цель данного исследования – поиск ответа на вопрос, почему в России на протяжении последних лет не сложилось национальной идеологии, несмотря на то что представители российского правящего класса, а также изрядной части гражданского общества и научных кругов много говорили о ее необходимости. С этой (разделяемой многими) точки зрения ответ на вызовы, перед лицом которых оказалось сейчас российское общество, требует от него обретения мировоззренческой определенности и исторической субъектности. В условиях распада современной версии глобального мира от страны, которая своими действиями вольно или невольно подстегнула данный процесс, следует ожидать хотя бы общего понимания, ради чего это делается и что предлагается взамен. Однако этого не происходит и сейчас, когда, казалось бы, активизации попыток выработки национальной идеологии способствует внешнеполитическая ситуация обострения конфронтации с Западом. Предваряя ответ на по-

ставленный вопрос, уточним, что в буквальном смысле ожидать исторической субъектности от России или ее общества затруднительно. Под исторической субъектностью мы здесь понимаем способность субъекта влиять на ход общественного развития, т. к. он – субъект – не только владеет исторической ситуацией, но и знает методы эффективного преобразования действительности, что означает выработку новых целей и смыслов, определяющих характер этапа мировой истории. Иными словами, в качестве исторических субъектов не могут выступать Россия или общество, поскольку в отличие от элит они не принимают непосредственно судьбоносных политических решений и не формулируют становящихся принятыми на официальном уровне идеологических установок.

Разумеется, мы не собираемся отрицать, что при выработке политической линии огромное влияние имеют объективные экономические и политические факторы, международная обстановка и т. д. Однако было бы удивительно отрицать, что в одной и той обстановке социальные субъекты с различным классовым, культурным, идейным бэкграундом принимают разные решения, особенно если это решения идеологического характера. Поэтому мы будем исходить из того, что осмыслить перспективы формирования исторической субъектности можно, в первую очередь, относительно не общества в целом, а правящих элит, установки которых в данном случае являются определяющими. Иными словами, пытаясь ответить на поставленный вопрос, мы должны исходить из природы российского правящего класса. Тогда станет возможным объяснить, почему этот правящий класс к формированию национальной идеологии как четкой системы общезначимых ориентиров и целей побуждают в основном факторы внешнего давления, а также почему постановку вопроса об идеологии он склонен замещать постановкой вопроса о «традиционных ценностях» и другими паллиативными мерами. С нашей точки зрения, наиболее адекватным является описание постсоветского правящего класса в первую очередь как номенклатуры, классовая специфика которой в определяющей степени обуславливает характер ее ответов на вызовы современности.

Номенклатура и идеология

В парадигме современных наук об обществе российский правящий класс (как, впрочем, и многие другие российские реалии) рассматривается как отклонение от классической бюрократии или буржуазии. Кроме того, используются сословные метафоры феодальной аристократии или служилого дворянства. Наконец, этот же класс описывается и как наследник советской номенклатуры – постсоветская номенклатура. Мы не будем подробно останавливаться на данных подходах к описанию современного российского правящего класса в силу того, что вопрос заслуживает отдельного исследования, которое в данный момент не входит в наши задачи. Тем не менее мы должны указать, что когда правящий класс России описывается как буржуазный, отправным пунктом является тезис о «реставрации капитализма» в России (см., например: Кагарлицкий, 2009). Однако этот капитализм олигархический (Канарш 2016, с. 75), отягощенный институтами власти-собственности, рудиментами социалистического прошлого (Вольчик, 2009, с. 174), корпоративный (Черных,

2021, с. 10–11), кумовской, семейно-клановой и т. д. Правящий класс часто описывается как бюрократия, чьи интересы осознанно противопоставляются интересам общества¹. Бюрократия эта «не-классическая», потому что в разных формах переплелась с буржуазией (Левинсон, 2015, с. 50), владеет одновременно и властью, и собственностью². «Владельческое положение» этого класса позволяет описывать его даже не как класс, а как сословие. Следует заметить, что во вполне «буржуазную» психологию вписывается стремление определенной части государственных служащих позиционировать себя как неодворянство, нефеодалов, пусть даже они пока не могут пользоваться благами формализованного принципа наследования³. Российский правящий класс с равным успехом можно описывать и как интегрировавшуюся в бюрократический аппарат буржуазию, и как «обуржуазившуюся бюрократию» (Акинин, Шевелев, 2012, с. 71–72).

Словом, в рамках отмеченных выше подходов российский правящий класс рассматривается в русле западного обществоведческого мейнстрима. Однако в этом случае он предстает классом «неправильным», отклонением от «нормы», и поэтому не может служить основой для *самоописания*. Есть основания считать, что *объективно российская правящая элита обладает рядом черт буржуазии и бюрократии*, но, по крайней мере, нам неизвестны сколь-нибудь значимые примеры самоописания ее представителей в качестве таковых. Наконец, ни существующие в обыденном сознании образы бюрократии, ни такие же образы буржуазии не пригодны для создания героического имиджа правящего класса во времена глобальных потрясений. Требуется извлечь из истории более подходящий образ. С этой точки зрения парадигма, в которой российский правящий класс рассматривается как наследник или аналог советской номенклатуры (см., например: Мохов, 2005; Нисневич, 2015), имеет для него потенциально большую привлекательность, поскольку данный класс выглядит как обладающий гораздо большей степенью национальной идентичности, чем бюрократия или буржуазия. Косвенно это подтверждается периодическими апелляциями представителей правящего класса к советской символике и истории, которые, как известно, ассоциируются не с бюрократией, и тем более не с буржуазией. Если российский правящий класс в обозримом будущем попытается достигнуть большего влияния на судьбы мира, чем то, которым он довольствовался до сих пор, то для него будет закономерно при- мерить на себя (пусть и в виде фарса) скорее гимнастерку номенклатурного

¹ Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов (аналитический доклад, подготовленный в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации) (2005). *Институт социологии ФНИСЦ РАН*. Взято 18 апреля 2023, с https://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy_11.html

² Третьяков, В. (2010). Класс господ и владельцев. *ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия*. Взято 18 апреля 2023, с http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/50/11.pdf

³ Иноземцев, В. (2018, 4 июня). Аристократы или феодалы? Какой правящий класс формируется в современной России. *Мировой кризис – хроника и комментарии*. Взято 18 апреля 2023, с <http://worldcrisis.ru/crisis/3066358>

работника сталинского периода, чем буржуйский цилиндр. Поэтому в дальнейшем мы будем рассматривать российский правящий класс в том свете, который, как нам представляется, ему самому наиболее выгоден с точки зрения имиджа – преимущественно как наследника советской номенклатуры. Но, как мы постараемся показать, эта преемственность влечет не только выгоды, но и существенные ограничения.

Специфика номенклатуры как правящего класса заключается в том, что она изначально формировалась как обслуживающая нужды советского государства профессиональная группа, как функциональный аналог веберовской рациональной бюрократии, но с претензией быть чем-то большим в силу индоктринированности и причастности к великой преобразующей мир миссии. При этом номенклатура не была ни монополистом миссии, ни вырабатывала сама ее понимание в каждый конкретный исторический момент. Ее претензии были жестко ограничены наличием внешнего «редактора» в лице Сталина и партии, которая с номенклатурой пересекалась, но отнюдь не полностью совпадала. Партия была инструментом «диктатуры пролетариата», потом власти всех трудящихся, у нее была великая цель, однако все это были области смыслов, по отношению к которым номенклатура играла важную, но не самостоятельную роль. Иными словами, она конституировалась как класс, которому привычно «иметь отношение» к некоей миссии и исторической субъектности, но не быть самой производителем мировоззренческих смыслов и историческим субъектом. А. Юрчак не без оснований считает, что когда Сталина не стало, сама номенклатура оказалась способной только вырабатывать идеологические и символические каноны (эталоны), которые опирались на прежнее идейное и символическое наследие (Юрчак, 2014, с. 154).

Отсюда вытекает двойственное отношение номенклатуры к идеологии. С одной стороны, она относится с опаской и скептически (здесь сказывается как память о сталинских временах с их жестким идеологическим контролем, так и наследие времен крушения советского строя, когда к идеологии относились резко критически, что отразилось и в Конституции РФ). С другой стороны, ориентируясь на внешние каноны и эталоны, она признает идеологию в овеществленной форме, т. е. в уже реализованном кем-то виде (Павловский, 2019). Но в любом случае и сама идеология выступает как нечто внешнее, и идеологические авторитеты, к которым обращаются по мере надобности, также привлекаются извне. В. С. Мартьянов, анализируя дискурс высших представителей российского правящего класса, замечает по этому поводу: «...российским элитам свойствен соблазн великодержавной и националистической риторики, связанный с обманчивой легкостью апологии «своего пути» России. В то же время остается неясным, почему для обоснования подобной позиции выбираются либо эмигранты, либо диссиденты, либо зарубежные интеллектуалы, которые наблюдали и наблюдают Россию как раз издали и «извне», не будучи включены в реальные политические процессы» (Мартьянов, 2012, с. 125). Однако эта ситуация всего лишь отражает потребность во внешнем каноне, которая сохранилась и у постсоветской бюрократии. Она вполне естественно приняла стратегию его заимствования за рубежом – в виде либеральной идеологии, культуры, образцов построения социальных и политических инсти-

тутов. Эта тема постоянно педалируется, когда вспоминают 1990-е и отчасти 2000-е гг. с засильем либеральных идеологов, фонда Сороса, заимствованием всего и вся, неолиберальной оптимизацией и пр. Нельзя поэтому сказать, что отечественные социально-политические практики в 1990-е гг. сводились к простой имитации западных, т. е. к воспроизведению одной формы без содержания. Правящий класс отчасти действительно воспроизводил их в той мере, в которой они не мешали ему в осуществлении господства. Потребность в такого рода заимствованиях вполне отвечает природе номенклатуры, по крайней мере до тех пор, пока это не приходит в противоречие с ее более базовыми потребностями.

Постсоветская номенклатура неохотно рвет с Западом, пытаясь тем самым обрести «российскую субъектность» не только потому, что ей не достает «пассионарности», «длинной» политической воли и куража (Гаман-Голутвина, 2012, с. 52). И не только потому, что у нее на Западе зачастую дети, недвижимость и счета в банках. Не менее важной причиной является то, что до сих пор Запад был ей нужен как основной внешний источник идеологических канонов и разного рода эталонных практик⁴. С этой точки зрения некогда популярный концепт «суверенная демократия»⁵ означал одно: мы готовы и дальше заимствовать ваши каноны, но своими делами будем управлять сами. Подстройка под внешний канон и эталоны для номенклатуры в ее бюрократической ипостаси очень комфортна, потому что перекалывает ответственность на внешнего субъекта. Происходит отсылка к своего рода авторитетному «белому» колониатору, стремление подражать ему, чтобы войти в лоно цивилизованного мира и т. д. Кроме того, конкретно для постсоветской номенклатуры, как и для восточноевропейской, ориентация на западный либеральный канон была следствием утвердившегося ощущения, что у нас «ненормальное» общество, государство, отношения и пр., тогда как следует перейти к «нормальным». Быстрое принятие (пусть и имитационное) этих канонов – следствие общих, не только номенклатурных, ожиданий «нормальности». Бюрократия таким образом обретает важнейший источник легитимности как проводник модернизации (поэтому неверно, что бюрократия – тормоз перемен). Опора на внешний эталон становится одним из любимых приемов обосновать непопулярные меры, оправданием укрепления контроля над гражданами: ведь на «Западе», среди многочисленных «мировых практик», всегда можно найти нечто аналогичное.

⁴ Теоретически альтернативный Западу источник канонов и эталонов можно искать на Востоке, условно говоря, в Китае. Но в таком качестве последний представляется пока ощутимо менее привлекательным, чем Запад. Китай при своем экономическом гигантизме в области идеологии выглядит значительно скромнее. Вероятно, потому что там тоже правит номенклатура, которая сама не прочь заимствовать чужие каноны и эталоны, а также поскольку Китай, при всех капиталистических успехах, официально продолжает идти по пути строительства социализма. Социализм же для российского правящего класса – то, от чего он всеми силами дистанцировался в эпоху, когда шел к успеху в перестроечные и ельцинские времена.

⁵ Что на самом деле есть, как точно заметил Г. Дерлугьян, «суверенная бюрократия» (Дерлугьян, 2013, с. 205–206).

Какому бы канону, пусть и сверхлиберальному, номенклатура не следовала, она остается бюрократией. Но бюрократия только себя считает венцом рациональности и разумности, и все отклонения в лучшем случае считает неразумием, в худшем – экстремизмом. Парадоксально, что в этом ей способствует в том числе и либеральный канон, который в своей основе также исходит из постулирования принадлежащей либеральному «центризму» идеологической нормы, а другие области политического спектра расценивает как более или менее чреватые опасностью отклонения. В рамках исходно либерального антиэкстремистского дискурса, позиционирующего себя как дискурс единственно «нормальных» отношений между государством и обществом, оказалось довольно легко подменять одни нормы другими (Фишман, 2016, с. 45). Поэтому в вопросе принятия защищающих ее власть ограничений номенклатура проявляет замечательную идеологическую всеядность, используя и вполне либеральные установки. Это ведет к созданию правового «Франкенштейна», скроенного из норм, аналоги которым без труда обнаруживаются в законодательстве образцовых европейских либеральных демократий, но который подобен им только внешне. Поэтому область «свободы» в обществе, управляемом номенклатурой, существует в промежутке между западным каноном и интересами почвеннической части номенклатуры и гражданского общества.

Само гражданское общество до выработки идеологии или канона номенклатура допускать не склонна. Однако это происходит не в последнюю очередь потому, что она полагает себя достаточно адекватным выразителем его (гражданского общества) интересов. Для этого есть некоторые основания: несмотря на то, что разрыв в богатстве и возможностях между верхушкой российского правящего класса и остальным населением чрезвычайно велик (настолько, что даже не самая богатая его часть в лице депутатов Госдумы и Совета Федерации недавно отказалась от опубликования деклараций о своих доходах), между ними (по крайней мере, если иметь в виду старшее поколение⁶) нет мировоззренческой пропасти. И те и другие родом из позднего СССР. Они изначально ориентированы на достижение в основном материалистических ценностей, т. е. высокого уровня жизни, строительство общества потребления. В области моральной их пределом является этика добродетели, ориентированная на достаточно узкий круг дружеских, семейных, корпоративных связей; этика принципов же, имеющая дело с более универсальными ценностями, далеко не так востребована (см. подробнее: Фишман, 2022). Равным образом эти поколения относятся с изрядным скептицизмом и к идеологии вообще, поскольку, в силу советского бэкграунда, она у них ассоциируется с формализмом и неискренностью. Те же из представителей данных поколений, кто в «неформальной» молодости искренне увлекался какой-нибудь реконструированной по книгам идеологией, приобрели разочаровывающий опыт (Шубин, 2006). Поэтому

⁶ Преимущественное внимание старшим поколениям здесь уделено потому, что они все еще определяют морально-политическое состояние нашего общества в силу сравнительно большей численности относительно более молодых поколений по причине известных демографических тенденций, равно как и потому, что их представители пока занимают ключевые посты в областях политики, экономики, культуры.

признаком личностной зрелости для этого поколения является сугубо прагматическое отношение к идеологии. Несколько иначе обстоит дело с ценностями, в том числе с поднимаемыми в последнее время на щит «традиционными». Именно потому, что в это понятие вкладывается довольно расплывчатое содержание, на уровне субъективного восприятия предлагаемые в качестве общественно значимых ценности могут восприниматься как созвучные составляющим основу этики добродетели. Партикулярные представления о дружбе, верности, чести, родстве можно с большим или меньшим успехом «натянуть» на российский социум, воображаемый как большая семья или корпорация. Если не пытаться чрезмерно придирчиво анализировать «традиционные ценности» на предмет социально-исторической обусловленности, то обращение к ним выглядит вполне приемлемым решением проблемы консолидации общества.

Правящий класс и остальное население имеют также общее мироощущение выживших, что отчасти совпадает с чувством успешности, исходя из того, что выжить в критический период нашей истории – это уже успех. Акцентируя внимание на внешних угрозах, правящий класс может рассчитывать на ценность выживания и вытекающую из нее солидарность выживших. Однако построенное на этом единство требуется подкреплять соответствующей социальной политикой, государственным патернализмом.

Поскольку ценности и цели у народа и российского правящего класса общие, ожидания последнего от общества во многом выражаются в том, чтобы к любым его действиям «относились с пониманием», ведь «у нас умный народ». Советские символы и советские смыслы в этой симфонии взаимного понимания имеют свое значение не в изначальном виде, а в плане ассоциации с социальной общностью, которая в ретроспективе представляется большой семьей, спаянной узлами корпоративной солидарности. Отсюда же вытекает повышенное внимание к семейным ценностям и проблематике разного рода секс-меньшинств и «неблагонамеренных феминисток», подрывающих базовую внутрисемейную солидарность. Риторика, направленная против ЛГБТ, и принимаемые на ее волне меры – легкий и эффективный способ подчеркнуть свою лояльность новейшей общности народа и правящего класса под эгидой объединяющей всех «нормальности». Идеологическая надстройка в таких условиях вторична. Она может быть какой угодно – навязанной сверху или извне, такой, какая в настоящий момент нравится патрону, например, американскому в лице правящих сегодня демократов, или патронам завтрашних республиканских, или послезавтрашних китайских, ожиданиям которых также надо соответствовать.

В связи со сказанным выше может возникнуть впечатление, что склонность нашего правящего класса заимствовать извне каноны и эталоны является чем-то однозначно негативным. В действительности, ни для правящего класса, ни для общества в целом в этом нет ни большой беды, ни чего-то невероятного. Отнюдь не каждый класс любой национальной общности и в любую эпоху действительно нуждается в выработке своей идеологии и сугубо самобытных институтов и практик. Особенно это верно касательно идеологии с мироустроительными претензиями, которая вообще является редким феноменом. По крайней мере, опыт великих революций свидетельствует о том, что будучи выработанной один раз в одной-двух странах, она затем усваивается и копируется другими

государствами. Так, если ранние буржуазные революции обладают значительным национальным своеобразием, то последнее уже менее свойственно, например, европейским буржуазным революциям середины XIX в., и еще менее так называемым цветным революциям начала текущего столетия. Имея перед собой образец успешного развития, революционеры зачастую склонны к его копированию, начиная с лозунгов и заканчивая институтами. В странах же периферии и полупериферии капиталистической миросистемы склонность к копированию и заимствованию идеологий и институтов тем более сильна, что приводило, в частности, к нескольким волнам демократизации и модернизации. Революционеры и правящие классы этих стран, называть ли их буржуазией, бюрократией или номенклатурой, в силу культурных и бытовых причин часто предпочитали ввозить готовое, чем производить и изобретать свое.

Так или иначе, в России или на Западе правящие классы в области идеологии скорее склонны ориентироваться на внешние стандарты в деле революции или модернизации, чем вырабатывать свои. Номенклатуре, бюрократии, буржуазии следовать внешним канонам комфортно. При этом вовсе не обязательно их полностью реализовывать, можно и имитировать с разной степенью успешности⁷, лишь бы это не слишком раздражало гегемона капиталистической миросистемы в лице США. Такова российская постсоветская модель общественно-политического устройства, таковы же и восточноевропейские «демократии», различие между которыми заключается в том, что более «суверенные» из них, такие как Польша и Венгрия (Мадьяр, 2016), осуществляют свою имитацию канонов с более существенными отклонениями. Российский правящий класс сочетает в себе, так сказать, гены принципиально не склонных к идеологическим инновациям, но склонных к подражательству социальных групп (буржуазии, номенклатуры и бюрократии)⁸, поэтому и не может раскрыть свой творческий потенциал в области идеологии. Ему по-прежнему, несмотря ни на какие угодно внешние вызовы, необходимы образцы для подражания, имитации, рекомбинации элементов этих образцов, чтобы в любой удобный момент заявить, что мы делаем то, что делают все.

Проблема нашего правящего класса заключается в том, что ему приходится *пытаться имитировать* в идеологическом плане что-то выходящее за пределы подражания, потому что его бунт происходит под лозунгами глобального изменения миросистемы. К этому побуждает ситуация, в чем-то аналогичная той, в которой СССР оказался после Второй мировой войны, сделавшей его мировой державой. Так же и СВО, проводимая Российской

⁷ Тем более, что становится все труднее найти образцы их полной реализации в мире, в котором чем дальше, тем больше «портятся» и некогда образцовые либеральные демократии (Фишман, 2019).

⁸ При этом, продолжая метафору, гены номенклатуры являются доминирующими. Как минимум с начала 2000-х гг., по мере осуществления политики «равноудаления олигархов», «укрепления вертикали власти» и осуществления «диктатуры закона», равно как и сопутствующей этому трансформации политического режима, нет веских оснований считать, что в России правит буржуазия в классическом понимании этого слова, а ее инструментом служит веберовская рациональная бюрократия.

Федерацией на Украине, не будучи завершенной, уже привела к глобальным переменам. Возникает потребность идейно легитимировать бунт против бывших «уважаемых партнеров»⁹ перед своим населением, побудить его на подвиги и жертвы. Однако как раз тут российский правящий класс оказывается в ловушке вторичности. Бунт против мирового порядка оказывается не менее вторичен в идеологическом плане, чем цветные революции: он опирается на *либерально-консервативные* каноны *вчерашнего* дня. На идейном уровне квинтэссенция ответа нашей бюрократии отражена в новой Концепции внешней политики РФ¹⁰, которая сводится к констатации того, что на самом деле наша страна не желает никаких принципиальных изменений, а все ее претензии исключительно к поведению зарвавшихся западных партнеров (которые по-прежнему «не враги»). «Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет по отношению к нему враждебных намерений». Страны Запада должны осознать «бесперспективность своей конфронтационной политики и гегемонистских амбиций», принять «сложные реалии многополярного мира», вернуться со временем к «прагматичному взаимодействию с Россией, руководствуясь принципами суверенного равенства и уважения интересов». Показательно, что неоднократно говорится о желательности мирового порядка, установленного на «принципе верховенства права». Словом, несмотря на совершающиеся перемены, склонность ориентироваться на некий канон куда не исчезает. Она подпитывается и тем, что, несмотря на всю видимую катастрофичность происходящих событий, в качественном смысле перелома пока нет. При всей риторике деглобализации речь идет о перестановке внутри существующего мирового порядка, но не об его изменении на принципиально иной основе. И даже если в действительности дело обстоит не совсем так, правящие элиты стран, все еще определяющих контуры мирового порядка (прежде всего Китай, США, ЕС) и легитимирующих их политику идеологии, ничего нового в этом отношении не выдвигают¹¹. Напротив, с их стороны идет речь о сохранении прежнего порядка, нарушителем которого выступает Россия. Как и в нашей стране, общественное сознание Запада одержимо прошлым, односторонне сосредоточено на «насилии, преступлениях и вине» (Ассман, 2013, с. 116).

Наконец, сегодня можно говорить о сближении природы правящих элит различных стран. В основе господствующего положения везде оказываются отношения властесобственности, смешение принципов меритократии и передачи

⁹ Поскольку, с точки зрения правящих кругов России, в управляемом Западом глобальном мире они как часть глобальной элиты не занимали положения, соответствующего их объективному значению, их пожелания не учитывались в достаточной степени, их озабоченность национальной безопасностью не воспринималась всерьез, и вообще по отношению к России постоянно применялись двойные стандарты.

¹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации (2023, 31 марта). *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. Взято 18 апреля 2023, с <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

¹¹ «Зеленая повестка» или политика продвижения интересов различных меньшинств на такую роль не годятся.

власти внутри семейных кланов, в то время как на поверхности политической жизни мы становимся свидетелями уже привычного столкновения олигархов и профессиональных политиков-популистов. Когда различия между частями глобального мира сглаживаются в отношении технологий, уровня жизни, социальной структуры, способов управления, политических режимов, характера элит, это означает, что объективно сближаются и области «нормального». При всех признаках происходящей деглобализации, она парадоксальным образом не означает деуниверсализации, напротив, является следствием сближения образов жизни, технологического уровня, бытовых стандартов, политических режимов, ценностей и установок правящих классов.

По всем перечисленным выше причинам и для нынешнего поколения российской правящей элиты не стоит вопрос о выдвигании какой-то принципиальной альтернативы западным идеологиям; в основном речь идет об оппонировании некоторым из них, по разным причинам особо неприемлемым. В текущей ситуации советская риторика и символика нужны исключительно для симуляции наличия альтернативной мироустроительной идеи, которая на самом деле присутствует только в виде смутных ассоциаций. Поэтому в области идеологии преобладают акценты на внешней угрозе, на отклонениях от современной западной морально-политической повестки в сторону западной же, но вчерашней. Можно сказать, что мы имеем дело со становлением своего рода диверсифицированной парадигмы модернизации, которая отсылает оппонентов правящего класса из гражданского общества к неким подобранным *ad hoc* универсальным образцам. Только эти образцы теперь необязательно западные и современные. Возможно и подражание стандартам восточным (вроде условного Китая и, в еще большей степени, менее масштабных площадок экспериментов вроде Южной Кореи, Сингапура или Гонконга), и выработка своих под видом универсальных, и заимствование из прошлого Запада. Давно предсказанный «конец идеологий», или «конец истории», похоже, будет нелиберальным.

Заключение

Главный исторический вызов, который стоит перед нашим правящим классом, заключается в том, что ему, вне зависимости от желаний, придется играть одну из ролей в наступающей глобальной трансформации, исход которой по большому счету от России зависит не в определяющей степени. Ситуация в области идеологии отражает ее объективное положение на мировой арене. В нынешнем состоянии она не способна определить будущее лицо мира позитивным образом, но может оказаться камнем, положенным на ту или другую чашу весов. Поэтому для российского правящего класса объективно естественна выжидательная позиция, пока новый мировой порядок, в который можно будет успешно интегрироваться, не сложится сам собой.

В то же время проводимая российским правящим классом внешняя политика и вызванная ею необходимость идеологического противостояния коллективному Западу, а также объяснения гражданам Российской Федерации предпринимаемых мер во внутренней политике резко актуализируют вопрос

о необходимости выработки национальной идеологии. В этих условиях проявляется номенклатурная природа российского правящего класса, существенной частью которой являются одновременный страх перед навязыванием идеологии, унаследованный из советского прошлого, и понимание ее необходимости при склонности к заимствованию канонов и эталонов извне. Поэтому его противостояние существующему глобальному порядку оказывается так же вторично в идеологическом плане, как и цветные революции, поскольку опирается на либерально-консервативные каноны вчерашнего дня, т. е. либерализм и консерватизм первой половины XX в., еще не обремененный современной леволиберальной интерсекционалистской повесткой. Консервирует ситуацию в области идеологии и то, что между правящим классом и большей частью общества нет значимой мировоззренческой пропасти. По крайней мере, поколения, значимая часть жизненного пути которых пришлась на советский период, скептически относятся к идеологии вообще, поскольку она ассоциируется у них с формализмом и неискренностью. Одновременно, в силу доминирования в советском и постсоветском обществе этики добродетели, и правящему классу, и гражданскому обществу более понятен язык «традиционных ценностей», чем идеологии, что и проявляется в соответствующей риторике и содержании принимаемых официальных документов.

Список литературы

1. Акинин, А. А., Шевелев, А. А. (2012). К вопросу о природе государства и правящего класса в современной России: ответ «Эксперту». *Философия хозяйства*, (6), 61–77.
2. Ассман, А. (2013). *Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна*. М.: Новое литературное обозрение.
3. Вольчик, В. В. (2009). Эволюция российского института власти-собственности. *Политическая концептология*, (1), 154–178.
4. Гаман-Голутвина, О. В. (2012). Метафизические измерения трансформаций российских элит. *Политическая концептология*, (3), 38–53
5. Дерлугьян, Г. (2013). *Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы*. М.: Издательство Института Гайдара.
6. Кагарлицкий, Б. Ю. (2009). *Периферийная империя: циклы русской истории*. М.: Алгоритм: Эксмо.
7. Канарш, Г. Ю. (2016). Современный российский капитализм: социологический, политико-экономический и антропологический аспекты. *Знание. Понимание. Умение*, (4), 70–85. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.4.5>
8. Кордонский, С. Г. (2008). Словная структура постсоветской России (часть 2). *Мир России*, (4), 3–36.
9. Левинсон, А. Г. (2015). Капитализм и социализм как миф и легенда. *Общественные науки и современность*, (1), 37–51.
10. Мадьяр, Б. (2016). *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: на примере Венгрии*. М.: Новое литературное обозрение.
11. Мартьянов, В. С. (2012). Дискурс цитирования в риторике российских

элит. *Политическая лингвистика*, (1), 120–126.

12. Мохов, В. П. (2005). Номенклатура как политический институт в истории советского общества второй половины XX века. *Научно-практический журнал Северо-Западной академии государственной службы*, (1), 94–111.

13. Нисневич, Ю. А. (2015). *Регенерация номенклатуры как правящего социального слоя*. М.: Издательский дом ВШЭ.

14. Павловский, Г. О. (2019). *Ироническая империя. Риск, шанс и догмы Системы РФ*. М.: Европа.

15. Фишман, Л. Г. (2016). Антиэкстремистский дискурс – взбесившийся либерализм? *Свободная мысль*, (4), 39–48.

16. Фишман, Л. Г. (2019). Бумеранг возвращается? *Свободная мысль*, (1), 15–23.

17. Фишман, Л. Г. (2022). *Эпоха добродетелей: после советской морали*. М.: Новое литературное обозрение.

18. Черных, С. (2021). Государственный капитализм в России: теория, практика и современные тенденции. *Общество и экономика*, (2), 5–17. <https://doi.org/10.31857/s020736760013633-5>

19. Шубин, А. В. (2006). *Преданная демократия. СССР и неформалы (1986–1989)*. М.: Европа.

20. Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

References

1. Akinin, A. A., & Shevelev, A. A. (2012). К вопросу о природе государства и правящего класса в современной России: ответ “Е’ксперту” [On the nature of the state and the ruling class in contemporary Russia: Institutional analysis]. *Filosofiya hozyajstva*, (6), 61–77.

2. Assman, A. (2013). *Raspalas’ svyaz’ vremen? Vzlet i padenie temporal’nogo rezhima Moderna* [Is time out of joint? On the rise and fall of the modern time regime]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. Chernyh, S. (2021). Gosudarstvennyj kapitalizm v Rossii: teoriya, praktika i sovremennye tendencii [State capitalism in Russia: Theory, practice and modern trends]. *Obshchestvo i ekonomika*, (2), 5–17. <https://doi.org/10.31857/s020736760013633-5>

4. Derluguian, G. (2013). *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosociologicheskie temy* [How this world works. Sketches on macrosociological topics]. Moscow: Izdatel’stvo Instituta Gajdara.

5. Fishman, L. G. (2016). Antiekstremistskij diskurs – vzbesivshijsya liberalizm? [An anti-extremism discourse – the enraged liberalism?]. *Svobodnaya mysl’*, (4), 39–48.

6. Fishman, L. G. (2019). Бумеранг возвращается? [Boomerang comes around?]. *Svobodnaya mysl’*, (1), 15–23.

7. Fishman, L. G. (2022). *Эпоха добродетелей: после советской морали* [The age of virtue: After Soviet morality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

8. Gaman-Golutvina, O. V. (2012). Metafizicheskie izmereniya transformacij rossijskih elit [Metaphysical dimensions of elite transformations in Russia]. *Politicheskaya konceptologiya*, (3), 38–53.
9. Kagarlitsky, B. Yu. (2009). *Periferijnaya imperiya: cikly russkoj istorii*. [Peripheral empire: Cycles of Russian history.] Moscow: Algoritm & Eksmo.
10. Kanarsh, G. Yu. (2016). Sovremennyj rossijskij kapitalizm: sociologicheskij, politiko-ekonomicheskij i antropologicheskij aspekty [Contemporary Russian capitalism: Sociological, political-economic and anthropological aspects] *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (4), 70–85. <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2016.4.5>
11. Kordonsky, S. G. (2008). Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii (chast' 2) [Estate Structure of Post-Soviet Russia (part 2)]. *Mir Rossii*, (4), 3–36.
12. Levinson, A. G. (2015). Kapitalizm i socializm kak mif i legenda [Capitalism and socialism as myth and legend]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, (1), 37–51.
13. Magyar, B. (2016). *Anatomiya postkommunisticheskogo mafioznogo gosudarstva: Na primere Vengrii* [The anatomy of post-communist mafia state: The case of Hungary]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Martyanov, V. S. (2012). Diskurs citirovaniya v ritorike rossijskih elit [Rhetoric of Russian elites: The citing discourse]. *Politicheskaya lingvistika*, (1), 120–126.
15. Mokhov, V. P. (2005). Nomenklatura kak politicheskij institut v istorii sovetskogo obshchestva vtoroj poloviny HKH veka [Nomenklatura as a political institution in the history of Soviet society in the second half of the 20th century]. *Nauchno-prakticheskij zhurnal Severo-Zapadnoj akademii gosudarstvennoj sluzhby*, (1), 94–111.
16. Nisnevich, Yu. A. (2015). *Regeneraciya nomenklatury kak pravyashchego social'nogo sloya* [Regeneration of the nomenclature as a ruling social stratum in the post-Soviet Russia]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.
17. Pavlovsky, G. O. (2019). *Ironicheskaya imperiya. Risk, shans i dogmy sistemy RF* [The ironic empire. Risk, chance and dogma of the Russian system]. Moscow: Evropa.
18. Shubin, A. V. (2006). *Predannaya demokratiya. SSSR i neformaly (1986–1989)* [Betrayed democracy. The USSR and the informals (1986–1989)]. Moscow: Evropa.
19. Volchik, V. V. (2009). Evolyuciya rossijskogo instituta vlasti-sobstvennosti [Evolution of the Russian power-property institution]. *Politicheskaya konceptologiya*, (1), 154–178.
20. Yurchak, A. (2014). *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Информация об авторе

Леонид Гершевич Фишман, доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5062-8291>, e-mail: lfishman@yandex.ru

Information about the author

Leonid Gershevich Fishman, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5062-8291>, e-mail: lfishman@yandex.ru

СМИ И ЭТНИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ СИМВОЛЫ: МЕЖДУ ЗАКРЕПЛЕНИЕМ И ВЛИЯНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ КРЯШЕНСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТУГАНАЙЛАР»)

Андрей Евгеньевич Денисов,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия,
Count-Denisov@yandex.ru

Получена 10.03.2023.

Поступила после рецензирования 25.04.2023.

Принята к публикации 07.06.2023.

Для цитирования: Денисов А.Е. СМИ и этнически значимые символы: между закреплением и влиянием (на примере кряшенской газеты «Туганайлар») // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 68–85. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_68

Аннотация

Статья посвящена анализу взаимовлияния этнических средств массовой информации и национального движения. Актуальность исследования обусловлена особенностями современного индивидуализированного общества, где из-за чрезмерного динамизма жизни и развития технологий утрачивается опыт непосредственного межличностного общения. Для этнических групп это может иметь крайне негативные последствия, поскольку возникает угроза ассимиляции со стороны более крупного сообщества. По мнению автора статьи, этнические средства массовой информации способны смягчить данные тенденции. Теоретико-методологической основой исследования выступает этносимволический подход, в котором ключевая роль в понимании развития нации отводится ее символической проекции. В статье дано определение этнически значимых символов как нарративов, вокруг которых формируется дискурс внутри сообщества. Их главная цель – сформировать этниче-

© Денисов А.Е., 2023

ское самоопределение. Охарактеризованы наиболее значимые символы кряшенского национального движения. Выделены модели их использования в газете «Туганайлар» с целью оказания влияния на самосознание кряшенского сообщества и развитие национального движения в целом. Это такие модели, как идентификация, соотнесение и мобилизация. Первые две модели направлены на формирование личного самосознания и групповой идентичности соответственно. Третья модель имеет иной механизм действия. Ее символы порождают дискуссии внутри сообщества и тем самым мобилизуют его. Также в статье выявлена корреляция между публикациями в газете «Туганайлар» за 2018–2022 гг. и моделями использования этнически значимых символов.

Ключевые слова:

средства массовой информации, печатный капитализм, этническая газета, идентичность, кряшенский приход, кряшенский язык, кряшены, православие.

UDC 323.1

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_68

MASS MEDIA AND ETHNICALLY SIGNIFICANT SYMBOLS: BETWEEN REINFORCEMENT AND INFLUENCE (ON THE EXAMPLE OF THE KRYASHEN NEWSPAPER “TUGANAYLAR”)

Andrew E. Denisov,

Kazan Federal University,
Kazan, Russia,
Count-Denisov@yandex.ru

Received 10.03.2023.

Revised 25.04.2023.

Accepted 07.06.2023.

For citation: Denisov, A. E. (2023). Mass Media and Ethnically Significant Symbols: Between Reinforcement and Influence (On the Example of the Kryashen Newspaper “Tuganaylar”). *Discourse-P*, 20(2), 68–85. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_68

Abstract

The article analyzes the mutual influence of ethnic mass media and the national movement. The relevance of the research is determined by the peculiarities of modern individualized society, where due to the excessive dynamism of life and technological development,

the experience of direct interpersonal communication is being lost. For ethnic groups, this can have extremely negative consequences, as there is a threat of assimilation from a larger community. The author of the article believes that ethnic mass media are able to mitigate these trends. The ethnosymbolic approach serves as a theoretical and methodological basis of the research, so the key point in understanding the development of a nation is assigned to its symbolic projection. The article defines ethnically significant symbols as narratives around which the discourse within the community is formed. Their main goal is to build ethnic identity. The most important symbols of the Kryashen national movement are characterized. The models of their use in the newspaper “Tuganaylar” are highlighted in order to influence the self-consciousness of the Kryashen community and the development of the national movement as a whole. These are such models as identification, correlation and mobilization. The first two models are aimed at the formation of personal identity and group identity respectively. The third model has a different mechanism. Its symbols generate discussions within the community and thereby mobilize it. The article also reveals a correlation between publications in the newspaper “Tuganaylar” over the period 2018–2022 and models of the use of ethnically significant symbols.

Keywords:

mass media, print capitalism, ethnic newspaper, identity, Kryashen parish, Kryashen language, Kryashens, Orthodoxy.

Введение

По мере развития технологий общество утрачивает опыт непосредственного межличностного общения. Конечно, это происходит постепенно, но уже можно наблюдать сведение взаимодействий людей только к рабочим отношениям или отношениям, непосредственно связанным с конкретной социальной ролью (например, родитель – ребенок). Известный социолог З. Бауман в книге «Индивидуализированное общество» описывает данный феномен. Он утверждает, что из-за повышения скорости общественных отношений, чрезмерно высокого динамизма обстановки, в которой живет человек, его жизнь фрагментируется, дробится на функции, теряет свою целостность (Бауман, 2005, с. 160). Поскольку человек отдаляется от общества, его жизнь становится индивидуализированной, что порождает проблемы социальной адаптации (к любому виду общности – от рабочего коллектива до взаимоотношений со своей этнической группой), а это в свою очередь ведет к развитию недоверия к себе и окружающим.

Средства массовой информации прочно вошли в жизнь общества, без них трудно представить повседневность. Они помогают человеку разобраться в окружающей действительности, т. к. общество сильно усложнилось, и знаний конкретной личности недостаточно для его понимания. Особую роль в этом играют этнические СМИ. В зарубежной и отечественной науке существует большое количество социологических и политологических работ, которые посвящены взаимному влиянию этнических СМИ и национальных движений. Эти публикации можно разделить на несколько направлений. Некоторые авторы рас-

смаатривают этнические СМИ как инструмент общественного и политического участия этнических групп (Будаев и др., 2022; Tsai, 2022). Другие изучают их как своеобразную площадку для формирования гражданской и этнической идентичности (Gladkova et al., 2019; Yu, 2017). Третье направление совмещает первые два и направлено на исследование участия этнических СМИ в политических, экономических, социокультурных дискуссиях по непосредственно касающимся этнического сообщества вопросам с целью их решения (Авксентьев и др., 2020; Yu & Daniels, 2022).

Цель настоящей статьи – выявить взаимовлияние этнических СМИ и национального движения через использование этнически значимых символов. Посредством этносимволического подхода будут выделены наиболее значимые символы крышенского движения и модели их использования в газете «Туганайлар». На этой основе будет проведен корреляционный анализ использования данных моделей на практике и выделены наиболее эффективные их соотношения в национальном движении.

Закрепление или изменение?

Роль СМИ в формировании общественного мнения у большинства исследователей не вызывает сомнений. Однако во второй половине XX в. стали высказываться мнения, что их значимость существенно преувеличена (подробнее см.: Gitlin, 1978). В частности, с такой идеей выступил Дж. Клаппер, используя термин «закрепление»/«подкрепление» (reinforcement): СМИ подкрепляют существующие в обществе мнения, а не изменяют их, тем самым они выполняют роль проводников между установкой и действием. И хотя, по мнению Дж. Клаппера, функционал СМИ значительно ограничен, они могут усиливать общественное мнение, закреплять его на уровне сознания и тем самым стимулировать к действиям (Klapper, 1960).

Возникает вопрос, во всех ли случаях можно использовать концепцию закрепления для анализа роли СМИ в формировании общественного мнения и сознания. На наш взгляд, у нее достаточно узкие рамки применения. Не всегда у людей есть определенное мнение по поводу какого-то аспекта общественных отношений или происходящих событий. В частности, можно представить, что у людей может не быть непосредственного опыта столкновения с похожей ситуацией и не будет сформулированного паттерна поведения. В этой связи СМИ вполне могут повлиять на формирование мнения. Это касается не только обычных граждан, но и специалистов. Например, политологов или конфликтологов, которые вынуждены оценивать тот или иной политический конфликт только через СМИ, если нет более достоверной информации. В общественных науках данная концепция получила название «медиазависимость» (Gavin, 2018, p. 828).

Однако вышесказанное не исключает того, что люди, находясь в зависимости от СМИ, могут использовать полученную информацию для закрепления своих установок по отношению к той или иной проблеме в целом. Это доказывают и современные исследования. Так, например, Л. Мертен отмечает, что сейчас люди могут подбирать информационные источники «под себя», тем самым осуществляя контроль над тем, с какой информацией знакомятся (Merten, 2021,

р. 1019). Отслеживание новостей из-за обилия информационных источников становится целенаправленным и избирательным.

Таким образом, складывается противоречивая ситуация. С одной стороны, никто не отрицает важную роль СМИ в формировании общественного сознания, с другой – эта роль оказывается далеко не первостепенной, поскольку накладывается на уже существующие установки, стереотипы и паттерны поведения. Получается, что СМИ просто как источники информации существенно ограничены в воздействии на общество, но при этом могут использоваться как политический инструмент с четко определенными целями.

Печатный капитализм

В связи с вышесказанным стоит остановиться на концепции печатного капитализма. Этот термин ввел Б. Андерсон в книге «Воображаемые сообщества», впервые изданной в 1983 г. и посвященной распространению национализма в современном мире. Согласно его теории, печатный капитализм, чьим основным источником доходов выступает книгопечатание, является одним из самых важных социальных механизмов, через которые формируется общее пространство ценностей для достаточно разрозненных групп, а сами эти группы эволюционируют в единое сообщество (Андерсон, 2016). Несмотря на популярность данной концепции, следует признать небезосновательность критики конструктивистского подхода, которого придерживается Б. Андерсон. В частности, нельзя согласиться с его тезисом о том, что «нации имеют рукотворный характер». На наш взгляд, это является видом крайнего конструктивизма, который может быть основой для разного рода политических манипуляций с этническими группами.

Тем не менее не вызывает сомнений, что книгопечатание является прорывной технологией, способствующей быстрому и сравнительно дешевому распространению информации. Можно привести множество примеров того, как это происходило. Точкой отсчета истории книгопечатания в Европе считается Библия Гутенберга, которая была издана на латыни в середине XV столетия. Прошло чуть более полувека, и книгопечатание поспособствовало расколу в западном христианстве: протестантская идея отсутствия посредника между Богом и человеком прекрасно дополнялась широким распространением печатного Священного Писания на родных языках, а не на латинице. М. Лютер почти с самого начала Реформации задумался о переводе Священного Писания на немецкий язык, что способствовало расширению социальной базы протестантизма. В этом его поддержали и немецкие феодалы, стремившиеся выйти из-под власти папы римского. Как отмечают современные исследователи, во многом благодаря переводу Библии Лютером на немецкий язык разрозненные немецкие земли получили зачатки духовного и социокультурного единства (Горохов, 2022, с. 21).

Именно в этом значении идентичность понимается как краеугольный камень цельного сообщества, способного на коллективные действия. Как отмечается в современной политологической и социологической литературе, это означает достижение общего определения «мы», включая взаимное понимание целей, стратегий и среды, в которой действуют участники сообщества (Gawerc, 2020, pp. 6–7). Как видно из определения, феномен печатного капитализма может

соединить разрозненные группы в единое сообщество, но для этого должны быть серьезные исторические, политические, экономические и социокультурные предпосылки. Действительно, если бы у населения феодальных германских земель не было общей истории, культуры, территории, происхождения, веры и языка, то протестантизм не смог бы так быстро распространиться и укорениться в раздробленном немецком обществе.

В изучении данного феномена может помочь этносимволический подход к изучению нации. Один из основоположников этносимволизма Э. Смит определил его главную задачу как понимание развития нации через ее символическую проекцию, своеобразное субъективное измерение (Smith, 2009, p. 23). Под нацией в данном случае понимается некоторое сообщество, которое идентифицирует себя во внешнем окружении, имеет отличные от соседей общие символы, историю, территорию и представление о своем происхождении (Smith, 1986, pp. 21–22). Это как раз подходит под описываемый нами случай с немецким раздробленным обществом: население германских земель проживало в разных государствах, но понимало близость своего происхождения.

Очевидно, что печатный капитализм не создает нации с чистого листа, не изменяет существующие в обществе мнения, а лишь закрепляет их. Получается, что феномены печатного капитализма и СМИ в этом контексте схожи. Однако для успешного закрепления нужны символы, значимые для конкретной социальной группы. Если мы говорим об этнических группах и национальных движениях, то это будут этнически значимые символы.

Успешный трансфер таких символов в широкие слои населения, ведущий к становлению устойчивого этнического самосознания, придает национальному движению определенную легитимность не только в глазах населения, но и государственных структур. Национальные движения приобретают массовый характер, если ценность этнически значимых символов разделяют широкие массы населения.

Этнически значимые символы кряшен и модели их использования в СМИ

Перед тем как перейти к вопросу, как кряшенская газета «Туганайлар» осуществляет трансфер этнически значимых символов в широкие слои кряшенского сообщества, стоит немного остановиться на самих символах.

Все современные этнически значимые символы кряшен можно разделить на две большие группы – первичные и вторичные. Под первичными мы понимаем непосредственное наследие миссионерской деятельности Н.И. Ильминского второй половины XIX в. К ним можно отнести символ православия (как в контексте маркера кряшенской идентичности, так и в контексте некоторых особенностей православия в кряшенском сообществе) и символ кряшенского языка¹. Вторичные символы производны от первичных. Это вопрос о происхождении,

¹ Письменный церковнокряшенский язык на кириллице, который был создан Н.И. Ильминским на основе кряшенских народных говоров для перевода Священного Писания и совершения богослужений.

вопрос о времени принятия христианства и символ кряшенского прихода. Сами по себе эти символы мало отличаются от слов, если с ними не работать. Чтобы этнически значимые символы приносили пользу национальному движению и способствовали подкреплению этнического самосознания, необходимо их трансформировать в форму нарратива, который будет постоянно присутствовать в публичном пространстве. Если этот механизм запустить, нарративы сами начнут генерировать актуальные контексты и тем самым направлять на них внимание членов сообщества (Barassi & Zamponi, 2020, p. 593).

Также стоит кратко объяснить, что мы понимаем под этнически значимыми символами. В первую очередь это основа, на которую опирается любое национальное движение (в нашем случае кряшенское) в формировании своей идентичности. Этнически значимые символы – это нарративы, вокруг которых формируется дискурс внутри сообщества. Их главная цель – сформировать первоначальное внутреннее признание этнической группы, создать внутреннее самосознание. Также подобные символы нужны и как форма позиционирования своей этничности во внешней среде, перед другими этническими группами и государством, на их основе формируется внешнее признание (Денисов, 2019, с. 90).

Посредством этнически значимых символов происходит этнополитическая мобилизация населения для достижения целей национального движения. Эти цели могут быть объективными (например, предотвращение ассимиляции и расширение политического участия) и субъективными (в том числе личные цели лидеров движений под прикрытием этничности). Этнически значимые символы могут быть созданы искусственно, а могут сложиться с течением времени сами. Конечно, это зависит от целей движения, но чаще всего данные символы имеют двойственное происхождение. Так, например, у символа православия были исторические предпосылки еще со времен языческого состояния кряшен. И православие у них имеет этнокультурные особенности, в том числе почитание природы (ручьев, источников, деревьев) и бескровные жертвоприношения ей (каша). Однако миссионерская деятельность Н.И. Ильминского дополнила этот нарратив и дала толчок формированию новых символов, например, кряшенского языка и кряшенского прихода. Есть и другой вариант – символ вопроса о происхождении, который отсутствовал в середине XIX в., на заре кряшенского движения. Он сформировался в 1910–1930-е гг. на волне политического этапа развития движения, когда кряшены стали стремиться обособиться от татар и легитимировать себя как отдельную нацию.

Мы в своих работах уже предпринимали попытки выделить модели использования этнически значимых символов (Денисов, 2021, с. 171–174). Целью настоящей статьи является изучение того, как эти модели коррелируют с местом и ролью этнически значимых символов в национальном движении.

Первую модель можно назвать идентификацией. В качестве примера приведем ряд хештегов, построенных на идентификации, например, #кряшен или #мыкряшены. Здесь подключаются первичные этнически значимые символы, такие как православие и кряшенский язык. Нарратив построен таким образом, что если человек называет себя кряшеном, то он автоматически разделяет эти два символа. Конечно, далеко не все кряшены являются православными христианами, но на уровне идентичности это выступает важным маркером. Похожая

ситуация и с языком. Созданный Н. И. Ильминским церковнокряшенский язык фактически остался только в богослужебных кряшенских книгах и церковных службах (ситуация близка к латыни и церковнославянскому языку). Однако представители кряшенского сообщества считают свой язык отличным от татарского. В данном случае он выполняет наряду с символом православия важные символические и идентификационные функции с целью недопущения ассимиляции татарами (Denisov, 2019, p. 7470).

Вторую модель можно определить как соотнесение. В качестве примера может быть приведен символ кряшенского прихода. В отличие от модели идентификации этот символ напрямую не связан с каким-либо конкретным представителем кряшенского сообщества и не участвует в формировании его личной идентичности. Однако он относится уже не к первичным, а вторичным символам, эволюционировав из первых с усложнением функциональной нагрузки. Символ кряшенского прихода включает в себя набор других, более простых символов. В частности, кряшенский приход непосредственно связан с православием и богослужением на родном (кряшенском) языке. Есть и политическая составляющая. Так, в конце 1990-х гг. кряшенской общине в Казани передали большой храм практически в центре города, который был отреставрирован силами сообщества. Этот и другие кряшенские приходы стали нейтральной площадкой, где разрешались противоречия и споры между представителями общины. Во время второго кряшенского религиозного возрождения священнослужители из кряшен стали неформальными лидерами кряшенской общины, к мнению и авторитету которых прислушиваются все группы внутри движения (Денисов, 2020, с. 181). Символ кряшенского прихода формирует границу этнической и в более широком плане социокультурной идентичности не отдельно взятого человека, а группы в целом, поскольку создает защиту от ассимиляции со стороны доминирующего православного русского большинства.

Третью модель можно назвать мобилизацией. Сюда можно отнести такие этнически значимые символы, как вопрос о происхождении и вопрос о времени принятия христианства. В отличие от предыдущих моделей здесь совершенно иной механизм действия. Эти символы не идентифицируют определенного человека и не соотносят символические границы группы, а порождают дискуссии внутри сообщества и сплачивают его даже на фоне внутренних разногласий. Например, по вопросу происхождения и времени принятия христианства у большинства кряшен сложился консенсус. Именно эта модель, на наш взгляд, обладает наибольшим потенциалом в продвижении кряшенской идентичности через СМИ.

Газета «Туганайлар» как эмпирическая база исследования

Кряшенской периодической печати уже более 100 лет: первые газеты стали выходить еще до 1917 г. В этом отношении кряшены значительно выделяются среди других малых народов. Такие газеты, как «Дус», «Керешен», «Киняш» и «Керешен сузе», создали печатную традицию кряшенского народа, на которую опирается современное поколение, внося изменения, соответствующие духу времени. Можно с уверенностью сказать, что кряшены уже давно стали полноценным «печатным народом». Однако на сегодняшний день единственным

культурно-просветительским изданием кряшен является газета «Туганайлар», что объясняет ее выбор в качестве эмпирической базы исследования. Одна из ее целей – объединение разных территориальных групп кряшен, поддержание взаимосвязи между разными слоями кряшенского сообщества вне зависимости от материального положения, уровня образования, религиозного вероисповедания и политических предпочтений.

Газета появилась в год первой в истории современной России Всероссийской переписи населения в результате объединения более мелких кряшенских газет муниципальных районов Татарстана в республиканское издание. Это имело прямое отношение к кризису, связанному с дискуссиями по поводу так называемого кряшенского вопроса – стремления кряшен дистанцироваться от татар и записываться как отдельная этническая группа. 11 апреля 2002 г. между кряшенскими лидерами и органами государственной власти Татарстана было достигнуто компромиссное решение о выполнении требований кряшен в обмен на то, что данная этнографическая группа будет обозначаться в переписи как субэтнос, с итоговым суммированием в переписную категорию «татары» (Денисов, 2018, с. 330). Одним из требований как раз и было создание централизованного республиканского кряшенского издания.

Издателем газеты является «Татмедиа» – крупнейшая медиаконпания Татарстана, принадлежащая государству. Газета выходит преимущественно на татарском языке, но встречаются и русскоязычные публикации². В первую очередь газета ориентирована на представителей кряшенского сообщества. Однако среди ее читателей есть и другие народы Татарстана. В частности, на страницах газеты печатаются русскоязычные авторы, которые изучают данную этническую группу и вносят свой вклад в национальное движение. Тираж газеты не очень большой, распространяется преимущественно на территории Казани, а также в муниципальных районах и населенных пунктах, где компактно проживают кряшены. Газета распространяется и за пределами Татарстана, где есть кряшенское население: Граховский район Удмуртии, Бакалинский район Башкирии, Нагайбакский район Челябинской области.

Особо следует отметить, что газете удалось избежать печальной участи многочисленных малотиражных изданий узкой этнической или районной тематики, представляющих интерес только для представителей одного народа или односельчан. «Туганайлар» пользуется поддержкой государства, входит в один из самых крупных региональных медиахолдингов и представляет интерес для широкого круга читателей, а не только для кряшен. Это связано с тем, что в ней печатают материалы разного характера: и освещение событий в кряшенской общине, и материалы на религиозную, общественно-политическую, культурную тематику. Отдельного внимания заслуживают статьи по краеведению, истории кряшенских населенных пунктов, традиций и обычаев.

Далее мы обратимся к использованию газетой этнически значимых символов, чтобы прояснить, к какой модели она тяготеет. С этой целью нами был проведен корреляционный анализ частоты публикаций по трем показателям:

² Издание выходит два раза в месяц: первый выпуск на татарском языке, во втором присутствуют русскоязычные статьи.

1) символы православия и кряшенского языка (модель идентификации); 2) символ кряшенского прихода (модель соотнесения); 3) символы происхождения и времени принятия христианства. Было проанализировано 120 выпусков газеты и 28 115 публикаций, размещенных с 2018 по 2022 г. на сайте³ и в официальной группе в социальной сети «ВКонтакте». Это обусловлено тем, что далеко не все материалы, порой очень важные, попадают в печатный вариант. Причина – объем материала (большие статьи выходят только на сайте) и язык, на котором он написан (русскоязычные статьи публикуются преимущественно в цифровом формате).

Количество записей, связанных с этнически значимыми символами, рассчитывалось нами на основе ограниченного контент-анализа всех статей и записей, которые были опубликованы в газете (в печатном и электронном виде). Контент-анализ использовался как некоторый фильтр, на основании которого выявлялись материалы по присутствию маркирующих слов и выражений, связанных с определенными этнически значимыми символами. После этого были вручную проанализированы материалы на предмет действительного наличия в них нарративов этнически значимых символов, которые могут оказать влияние на самосознание кряшен как этнической группы. Данный шаг был сделан, поскольку в большом количестве публикаций содержатся искомые слова и выражения, но это могут быть, например, поздравления с юбилеем, заметки о венчаниях или какая-то исключительно бытовая информация.

Таблица 1 – Количество публикаций, связанных с этнически значимыми символами, за 2018–2022 гг. (составлено автором на основании контент-анализа)

Table 1 – The number of publications associated with ethnically significant symbols over the period 2018–2022 (compiled by the author based on content analysis)

Год	Символ православия и символ кряшенского языка	Символ кряшенского прихода	Символ происхождения и символ времени принятия христианства
2018	7	6	1
2019	79	25	56
2020	61	35	35
2021	23	22	14
2022	27	11	5
Всего	197	99	107

На основе данных, приведенных в таблице, нами были выявлены корреляции между постами, связанные с моделями идентификации, соотнесения

³ Сайт газеты (<https://tuganaylar.ru/>) функционирует с 2011 г.

и мобилизации. Это проводилось на основании массивов количества постов как в целом, так и по отдельным годам в соответствии с той или иной моделью. Цель – нахождение взаимосвязи между моделями, т.к. предполагалось, что некоторые из них будут иметь между собой близкую связь из-за родственных этнически значимых символов, которые со временем трансформировались из первичных во вторичные.

На основе корреляционного анализа получены следующие результаты:

1) корреляция количества записей, связанных с символами православия и кряшенского языка (модель идентификации), и постов, посвященных символу кряшенского прихода (модель соотнесения), составляет 97,04 % (0,9704);

2) корреляция количества записей, связанных с символами православия и кряшенского языка (модель идентификации), и постов, посвященных символам происхождения и времени принятия христианства (модель мобилизации), составляет 98,39 % (0,9839);

3) корреляция количества записей, посвященных символу кряшенского прихода (модель соотнесения), и постов, связанных с символами происхождения и времени принятия христианства (модель мобилизации), составляет 93,55 % (0,9355).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что газета «Туганайлар» сбалансированно работает с кряшенским сообществом. Нет перекосов в сторону той или иной модели использования этнически значимых символов.

Практика использования моделей в газете «Туганайлар»

Отметим некоторые нюансы практического использования моделей. Первый – это градация. Лидирующей моделью в практике газеты «Туганайлар» является идентификация, которая направлена на отдельно взятого представителя кряшенского сообщества. Вторая по значимости модель (не сильно уступает первой) – мобилизация. Газета поднимает много вопросов по происхождению, этногенезу кряшен и темам, связанным с принятием христианства. В меньшей степени, чем предыдущие две модели, проявляется символ кряшенского прихода. Это не означает, что в газете не затрагиваются вопросы церковной жизни кряшенской общины. Проблема заключается в общей картине постсоветской ситуации. С одной стороны, далеко не все представители кряшенского сообщества отказались от атеистических и материалистических взглядов (наследие советского прошлого), с другой стороны, как отметил Д. Узланер, наступил «конец православного консенсуса» (негативная оценка усиления присутствия религиозных институтов в публичном пространстве) (Узланер, 2020, с. 345).

Второй нюанс – практические связки моделей. Конечно, нельзя говорить о том, что какие-то определенные статьи и посты в газете влияют или не влияют на массовое сознание населения, даже если мы предположим, что «Туганайлар» читают все представители кряшенского сообщества. Однако мы исходим из предпосылки, что газета⁴ и национальное движение оказывают

⁴ Фактически она является официальным СМИ Общественной организации кряшен Республики Татарстан.

друг на друга взаимное влияние. Статьи, которые размещаются в газете, непосредственным образом связаны с общественно-политической ситуацией внутри движения и вокруг него. Верно и обратное утверждение, что газета оказывает корректирующее влияние на умонастроения кряшенского сообщества. Поэтому на основании частоты использования моделей в газете «Туганайлар» можно говорить о потенциальном влиянии на население. Опираясь на корреляционный анализ моделей с высокой степенью взаимосвязи родственными этнически значимых символов, можно предположить и прямо пропорционально возрастающее потенциальное влияние.

В подтверждение данного тезиса, используя ивент-анализ, приведем примеры из общественной жизни кряшенского движения и их отражение в газете «Туганайлар».

1. Модель идентификации и модель мобилизации (корреляция 98,39%). В качестве примера можно привести случай с общиной православных татар Москвы, которая в январе 2017 г. на XXV Рождественских чтениях организовала секцию «Православные татары (крещеные татары, крещены, кряшены, нагайбаки). История. Миссия. Будущее Православия среди татарского народа». Тем самым кряшены автоматически оказались включены в группу православных татар, что было сделано без предварительного обсуждения с ними и вызвало негативную реакцию. Для кряшенского сообщества вопрос отделения себя от «просто» крещеных татар является одним из ключевых, поскольку позволяет избежать ассимиляции. Газета «Туганайлар» решила выступить площадкой для прояснения ситуации. Так, например, в ней вышла статья тогдашнего руководителя Кряшенской духовной миссии протоиерея Димитрия Сизова, заявившего, что «...большинство кряшен не разделяет сознательного смешения таких понятий, как «православные татары» и «кряшены». <...> Уважайте традиции и обычаи кряшен, а также считайтесь с самоназванием народа»⁵.

Примерно в то же время некоторые лидеры православной татарской общины Москвы предложили использовать кряшен для христианизации татар, исповедующих ислам. Это было сделано с посылом, что кряшены – православные татары, и вызвало негативную реакцию как непосредственно в кряшенском сообществе, так и среди татарских националистов. Представители кряшенского движения выразили недовольство грубым вторжением в жизнь кряшен и игнорированием самобытного этнического самосознания (Sibgatullina, 2020, p. 141). В итоге кряшенским лидерам пришлось выступить со специальным заявлением, что кряшены не имеют никакого отношения к православным татарам Москвы, которые провоцируют как самих кряшен Татарстана, так и татар-мусульман.

Из приведенных примеров видно, как газета стремилась воздействовать, с одной стороны, на свое сообщество, чтобы смягчить ситуацию, с другой – отправляла четкие сигналы внешнему окружению, что кряшены не связаны с этими этнополитическими авантюрами. Здесь наблюдается гармоничное сочетание

⁵ Сизов, Д. (2017, 24 января). «Между нами не может быть братской любви». Кряшены Татарстана обратились к православным татарам Москвы. *Туганайлар*. Взято 5 марта 2023, с <http://tuganaylar.ru/news/novosti/mezhdu-nami-ne-mozhet-byit-bratskoy-lyubvi>

модели идентификации (символы православия и кряшенского языка) с моделью мобилизации (символы происхождения и времени принятия христианства).

2. Модель идентификации и модель соотнесения (корреляция 97,04%). В качестве примера можно привести трагедию 2013 г., когда были сожжены три кряшенских православных храма. Уже на следующее утро после поджогов, которые произошли в ночь с 28 на 29 ноября, в газете появилось несколько заметок с освещением ситуации. Поджоги кряшенских храмов были признаны терактом, направленным на расшатывание этноконфессионального мира в Татарстане, виновные были найдены и наказаны. Что касается газеты «Туганайлар», то частота обращения к теме кряшенских храмов после этих событий значительно повысилась. Тема поджогов храмов подвергла ревизии основы кряшенской идентичности, фактически соединив этническую и религиозную идентичность. Особенно ярко стала транслироваться следующая формула: «Кряшен, который принял ислам, перестает быть кряшеном». Как отмечают сами представители кряшенской общественности, народ словно проснулся, сплотился и принялся восстанавливать уничтоженные храмы (Мулина, 2016, с. 140).

3. Модель соотнесения и модель мобилизации (корреляция 93,55%). Отметим один неочевидный на первый взгляд момент. Мобилизация этнической идентичности на основе символа кряшенского прихода совершенно не означает, что у кряшен после этих событий качественно изменилась практика церковной жизни. По данным социологических опросов, 96,2% кряшен считают себя православными христианами (Денисов, 2020, с. 185), что, безусловно, является очень высоким показателем. В газете «Туганайлар» на постоянной основе публикуются материалы, посвященные жизни кряшенской православной общины, интервью со священниками, подробные объяснения церковных праздников и основ православного вероучения. Параллельно с активизацией с конца 1980-х гг. кряшенского национального движения происходило и второе кряшенское религиозное возрождение⁶. Важнейшую роль в этом процессе сыграл протоиерей Павел Павлов, на протяжении многих лет бывший духовником Казанской епархии. В конце 1980-х гг. на волне всеобщего возрождения православия в стране он взялся за восстановление православных традиций в кряшенской среде. Под его руководством был восстановлен храм Тихвинской иконы Божией Матери в Казани, ставший духовным центром кряшенской общины. В это же время Павел Павлов организовал и возглавил группу по переводу на кряшенский язык тех книг Священного Писания, которые не были переведены до революции.

Однако второе кряшенское религиозное возрождение не добилось значимых успехов в воцерковлении кряшен. Кряшенские приходы стали местом встреч, обсуждения насущных проблем, изучения церковнокряшенского языка, культурным центром и т. д., но не местом и центром полноценной церковной жизни. Этому способствовало крайне малое число священнослужителей из числа кряшен и незначительное количество храмов. Так, например, на 2021 г. только в шести приходах Татарстанской митрополии на постоянной основе совершались богослужения на церковнокряшенском языке (Кун, 2021, с. 69). Ситуация такова,

⁶ Первое возрождение было во второй половине XIX в., во время миссионерской деятельности Н. И. Ильминского.

что большой пласт материала в газете «Туганайлар», посвященный церковной жизни, не влияет напрямую на возрастание религиозности в кряшенском сообществе, а только подкрепляет религиозный маркер в этнокультурной идентичности.

Заклучение

СМИ не могут создать идентичность социальной группы (в нашем случае этнической) с чистого листа, они подкрепляют существующие в обществе мнения, а не изменяют их. Однако для успешного закрепления нужны этнически значимые символы, которые ведут к становлению устойчивого этнического самосознания. В настоящей статье на основе анализа этнически значимых символов в кряшенской газете «Туганайлар» были выделены три модели их использования: идентификация, соотнесение, мобилизация. Была выявлена корреляция между ними и публикациями в газете за 2018–2022 гг., что позволило получить следующие результаты:

1) Установлено, что в практике газеты «Туганайлар» лидирует модель идентификации. Второй по значимости является модель мобилизации. В меньшей степени, чем предыдущие две модели, проявляется модель соотнесения.

2) На основе частоты использования моделей в газете «Туганайлар» выявлено их потенциальное влияние на кряшенское население. Опираясь на корреляционный анализ моделей с высокой степенью взаимосвязи родственных этнически значимых символов, можно предположить и прямо пропорционально возрастающее потенциальное влияние: модель идентификации и мобилизации (корреляция 98,39%), модель идентификации и соотнесения (97,04%), модель соотнесения и мобилизации (93,55%).

3) Посредством примеров из жизни кряшенского сообщества показано, что этнические СМИ ограничены во влиянии на национальное движение. Они могут лишь закреплять с помощью этнически значимых символов те нарративы, которые уже присутствуют в сообществе.

Список литературы

1. Авксентьев, В. А., Аксюмов, Б. В., Гриценко, Г. Д. (2020). Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности. *Политическая наука*, (3), 74–97. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>
2. Андерсон, Б. (2016). *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Кучково поле.
3. Бауман, З. (2005). *Индивидуализированное общество*. М.: Логос.
4. Будаев, Э. В., Кушнерук, С. Л., Курочкина, Э. В. (2022). *Коммуникативное сопровождение массовых протестов в СМИ*. СПб.: Научное общество технологий.
5. Горохов, П. А. (2022). Религиозно-философские аспекты протестантизма в ранних работах Мартина Лютера. *Общество: философия, история, культура*, (1), 13–22. <https://doi.org/10.24158/fk.2022.1.1>
6. Денисов, А. Е. (2018). «Кряшенский вопрос» во Всероссийской переписи населения 2002 года: попытка политизации этничности. *Вестник*

Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 20(3), 323–333. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-323-333>

7. Денисов, А. Е. (2019). Символы кряшенского национального движения в контексте политики признания Чарльза Тейлора. *Вестник Пермского университета. Политология*, 13(3), 88–98. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-88-98>

8. Денисов, А. Е. (2020). Религиозное возрождение как основа современного кряшенского национального движения. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, (4), 176–191. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-99-4-176-191>

9. Денисов, А. Е. (2021). Хештеги, нарративы и банальный национализм (на примере кряшенского движения). *Политическая наука*, (3), 161–182. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.07>

10. Кун, В. А. (2021). Современное положение духовной миссии в кряшенском народе в республиках Башкортостан и Татарстан. *Вестник Оренбургской духовной семинарии*, (3), 65–78.

11. Мулина, И. А. (2016). Освещение православной жизни кряшен на страницах газеты «Туганайлар». *Кряшенское историческое обозрение*, (2), 139–142.

12. Узланер, Д. (2020). *Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке*. М.: Издательство Института Гайдара.

13. Barassi, V., & Zamponi L. (2020). Social media time, identity narratives and the construction of political biographies. *Social Movement Studies*, 19(5–6), 592–608. <https://doi.org/10.1080/14742837.2020.1718489>

14. Denisov, A. (2019). “Kryashen language” as one of the symbols of Kryashen’s front. *International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT)*, 9(1), 7468–7471. <https://doi.org/10.35940/ijeat.A3118.109119>

15. Gavin, N. (2018). Media definitely do matter: Brexit, immigration, climate change and beyond. *The British Journal of Politics and International Relations*, 20(4), 827–845. <https://doi.org/10.1177/1369148118799260>

16. Gawerc, M. I. (2020). Diverse social movement coalitions: Prospects and challenges. *Sociology Compass*, 14(1), 1–15. <https://doi.org/10.1111/soc4.12760>

17. Gitlin, T. (1978). Media sociology: The dominant paradigm. *Theory and Society*, 6(2), 205–253.

18. Gladkova, A., Aslanov, I., Danilov, A., Garifullin, V. & Magadeeva, R. (2019). Ethnic media in Russia: Between state model and alternative voices. *Russian Journal of Communication*, 11(1), 53–70. <https://doi.org/10.1080/19409419.2018.1564355>

19. Klapper, J. T. (1960). *The effects of mass communication*. Glencoe: Free Press.

20. Merten, L. (2021). Block, hide or follow – personal news curation practices on social media. *Digital Journalism*, 9(8), 1018–1022. <https://doi.org/10.1080/21670811.2020.1829978>

21. Sibgatullina, G. (2020). *Languages of Islam and Christianity in post-Soviet Russia*. Amsterdam: Brill.

22. Smith, A. (1986). *The ethnic origins of nations*. Oxford: Basil Blackwell.

23. Smith, A. (2009). *Ethno-symbolism and nationalism: A cultural approach*. New York: Routledge, 2009.
24. Tsai, H. (2022) Minority ethnic media: Challenges for the future. *Asian Journal of Communication*, 32(1), 21–40. <https://doi.org/10.1080/01292986.2021.2007275>
25. Yu, Sh.S. (2017). Ethnic media as communities of practice: The cultural and institutional identities. *Journalism*, 18(10), 1309–1326. <https://doi.org/10.1177/1464884916667133>
26. Yu, Sh.S., & Daniels, G.L. (2022). Journalism and ethnoracial minorities. In S. Allan (Ed.), *The Routledge companion to news and journalism* (pp. 426–434). London: Routledge.

References

1. Anderson, B. (2016). *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.
2. Avksentev, V.A., Aksiumov, B.V., & Gritsenko, G.D. (2020). Etnichnost' v politicheskikh konfliktah: etnizaciya politiki i politizaciya etnichnosti [Ethnicity in political conflicts: Ethnicization of politics and politicization of ethnicity]. *Politicheskaja nauka*, (3), 74–97. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.03.04>
3. Barassi, V., & Zamponi L. (2020). Social media time, identity narratives and the construction of political biographies. *Social Movement Studies*, 19(5–6), 592–608. <https://doi.org/10.1080/14742837.2020.1718489>
4. Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo* [The individualized society]. Moscow: Logos.
5. Budaev, E. V., Kushneruk, S.L. & Kurochkina, E. V. (2022). *Kommunikativnoe soprovozhdenie massovykh protestov v SMI* [Communicative support of mass protests in the media]. Saint Petersburg: Naukoemkie tekhnologii.
6. Denisov, A. (2019). “Kryashen language” as one of the symbols of Kryashen’s front. *International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT)*, 9(1), 7468–7471. <https://doi.org/10.35940/ijeat.A3118.109119>
7. Denisov, A.E. (2018). “Kryashenskij vopros” vo Vserossijskoj perepisi naseleniya 2002 goda: popytka politizacii etnichnosti [“Kryashen question” in the All-Russian census of 2002: The attempt to politicize ethnicity]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 20(3), 323–333. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-323-333>
8. Denisov, A.E. (2019). Simvoly krjashenskogo natsional'nogo dvizhenija v kontekste politiki priznanija Charl'za Tejlora [Symbols of the Kryashen national movement in the context of Charles Taylor’s politics of recognition]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 13(3), 88–98. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-88-98>
9. Denisov, A.E. (2021). Heshtegi, narrativy i banal'nyj nacionalizm (na primere Kryashenskogo dvizheniya) [Hashtags, narratives and banal nationalism (a case study of the Kryashens’ movement)]. *Politicheskaja nauka*, (3), 161–182. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.04>

org/10.31249/poln/2021.03.07

10. Denisov, A.E. (2020). Religioznoe vozrozhdenie kak osnova sovremennogo kryashenskogo nacional'nogo dvizheniya [Religious revival as basis of the modern Kryashen national movement]. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (ZHurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, (4), 176–191. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-99-4-176-191>

11. Gavin, N. (2018). Media definitely do matter: Brexit, immigration, climate change and beyond. *The British Journal of Politics and International Relations*, 20(4), 827–845. <https://doi.org/10.1177/1369148118799260>

12. Gawerc, M.I. (2020). Diverse social movement coalitions: Prospects and challenges. *Sociology Compass*, 14(1), 1–15. <https://doi.org/10.1111/soc4.12760>

13. Gitlin, T. (1978). Media sociology: The dominant paradigm. *Theory and Society*, 6(2), 205–253.

14. Gladkova, A., Aslanov, I., Danilov, A., Garifullin, V. & Magadeeva, R. (2019). Ethnic media in Russia: Between state model and alternative voices. *Russian Journal of Communication*, 11(1), 53–70. <https://doi.org/10.1080/19409419.2018.1564355>

15. Gorohov, P.A. (2022). Religiozno-filosofskie aspekty protestantizma v rannih rabotah Martina Lyutera [Religious and philosophical aspects of Protestantism in the early works of Martin Luther]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, (1), 13–22. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.1.1>

16. Klapper, J.T. (1960). *The effects of mass communication*. Glencoe: Free Press.

17. Kun, V.A. (2021). Sovremennoe polozhenie duhovnoj missii v kryashenskom narode v respublikah Bashkortostan i Tatarstan [The current state of the spiritual mission in the Kryashen people in the republics of Bashkortostan and Tatarstan]. *Vestnik Orenburgskoy duhovnoj seminarii*, (3), 65–78.

18. Merten, L. (2021). Block, hide or follow – personal news curation practices on social media. *Digital Journalism*, 9(8), 1018–1022. <https://doi.org/10.1080/21670811.2020.1829978>

19. Mullina, I. A. (2016). Osveshchenie pravoslavnoj zhizni kryashen na stranicah gazety “Tuganajlar” [Coverage of the orthodox life of Kryashens in the newspaper “Tuganaylar”]. *Kryashenskoe istoricheskoe obozrenie*, (2), 139–142.

20. Sibgatullina, G. (2020). *Languages of Islam and Christianity in post-Soviet Russia*. Amsterdam: Brill.

21. Smith, A. (1986). *The ethnic origins of nations*. Oxford: Basil Blackwell.

22. Smith, A. (2009). *Ethno-symbolism and nationalism: A cultural approach*. New York: Routledge, 2009.

23. Tsai, H. (2022) Minority ethnic media: Challenges for the future. *Asian Journal of Communication*, 32(1), 21–40. <https://doi.org/10.1080/01292986.2021.2007275>

24. Uzlaner, D. (2020). *Postsekulyarnyj povorot. Kak myslit' o religii v XXI veke* [Postsecular turn. How to think about religion in the 21st century?]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara.

25. Yu, Sh.S. (2017). Ethnic media as communities of practice: The cultural and institutional identities. *Journalism*, 18(10), 1309–1326. <https://doi.org/10.1080/14616748.2017.1381111>

org/10.1177/1464884916667133

26. Yu, Sh.S., & Daniels, G.L. (2022). Journalism and ethnoracial minorities. In S. Allan (Ed.), *The Routledge companion to news and journalism* (pp. 426–434). London: Routledge.

Информация об авторе

Андрей Евгеньевич Денисов, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры конфликтологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8616-6006>, e-mail: Count-Denisov@yandex.ru

Information about the author

Andrew Evgenyevich Denisov, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Conflictology, Kazan Federal University, Kazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8616-6006>, e-mail: Count-Denisov@yandex.ru

ПОЛИТИКА РОССИИ В СФЕРЕ СМЯГЧЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА

Дарья Николаевна Веселова,

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия,
daria-voronchikhina@mail.ru

Получена 16.02.2023.

Поступила после рецензирования 30.05.2023.

Принята к публикации 07.06.2023.

Для цитирования: Веселова Д.Н. Политика России в сфере смягчения последствий изменения климата // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 86–105. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_86

Аннотация

Изменение климата и его последствия непосредственным образом влияют на социально-экономическую сферу России, которая является одним из крупнейших в мире эмитентов парниковых газов. В связи с этим введена должность специального представителя Президента Российской Федерации по вопросам климата, принимаются важные документы, направленные на митигацию и предусматривающие проведение соответствующих мероприятий. Целью настоящей статьи является рассмотрение российской политики в сфере смягчения последствий изменения климата и анализ сложившихся трендов в данной области. Характеризуется правовая и институциональная база климатической политики. Выделяются тренды в смягчении последствий изменения климата, в основе которых лежат реализуемые мероприятия по снижению эмиссии парниковых газов. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что российское законодательство в сфере митигации носит «мягкий» характер. Отсутствуют штрафные санкции и климатические налоги. Многие нормативные правовые акты утверждаются с нарушением запланированных

© Веселова Д.Н., 2023

сроков. Не все выявленные тренды направлены на снижение эмиссии парниковых газов. Так, строительство карбоновых полигонов и торговля квотами на выбросы парниковых газов лишь переносят углеродный след с одной территории на другую. В статье отмечаются замедленные темпы перехода России на «низкоуглеродные рельсы», что связано с энергоемкостью экономики. Подчеркивается необходимость использования в промышленности и сельском хозяйстве климатически нейтральных технологий для достижения поставленной цели по обеспечению углеродной нейтральности российской экономики к 2060 г..

Ключевые слова:

климатические изменения, смягчение последствий изменения климата, парниковые газы, климатическая политика, возобновляемые источники энергии, карбоновые полигоны, торговля эмиссионными квотами, лесовосстановление.

UDC 323

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_86

RUSSIA'S POLICY IN THE FIELD OF CLIMATE CHANGE MITIGATION

Darya N. Veselova,

University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC,
North-West Institute of Management, branch of RANEPА,
Saint Petersburg, Russia,
daria-voronchikhina@mail.ru

Received 16.02.2023.

Revised 30.05.2023.

Accepted 07.06.2023.

For citation: Veselova, D.N. (2023). Russia's Policy in the Field of Climate Change Mitigation. *Discourse-P*, 20(2), 86-105. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_86

Abstract

Climate change and its consequences directly affect the socio-economic sphere of Russia, which is one of the largest emitters of greenhouse gases in the world. In this regard, the position of the Special Presidential Representative on Climate Issues has been introduced, and important documents aimed at mitigation and implementation of appropriate activities are being adopted. The purpose of this article is to review the Russian policy in the field of climate change mitigation and analyze the current trends in this area. The legal and institutional framework for climate policy is characterized. The trends

in mitigating the effects of climate change, which are based on ongoing measures to reduce greenhouse gas emissions, are highlighted. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that the Russian legislation in the field of mitigation is of “soft” nature. There are no penalties or climate taxes. Many regulatory legal acts are approved in violation of the planned deadlines. Not all the identified trends are aimed at reducing greenhouse gas emissions. Thus, constructing carbon polygons and emissions trading only transfer the carbon footprint from one territory to another. The article notes the slow pace of Russia’s transition to “low-carbon rails”, which is associated with the energy intensity of the economy. It emphasizes the necessity of using climate-neutral technologies in industry and agriculture to achieve the set goal of ensuring carbon neutrality of the Russian economy by 2060.

Keywords:

climate change, climate change mitigation, greenhouse gases, climate policy, renewable energy sources, carbon polygons, emissions trading, reforestation.

Введение

Изменение климата – глобальная проблема, которая, по оценкам большинства ученых, носит антропогенный характер. Россия является одним из крупнейших эмитентов парниковых газов в мире, наряду с США, Китаем, Индией. С 2009 г., года принятия Климатической доктрины, начинается формирование основ климатической политики России. Доктрина акцентирует внимание на двух направлениях в реализации климатической политики: смягчении (митигации) последствий изменения климата и адаптации к ним. В данной работе мы остановимся на митигации, поскольку большее внимание в нашей стране уделяется именно снижению эмиссии парниковых газов, о чем свидетельствуют принятые документы и осуществляемые мероприятия.

Говорить о конкретных действиях в области смягчения последствий изменения климата можно лишь с 2018–2020 гг. (Веселова, 2021). В 2020 г. был подписан Указ Президента РФ «О сокращении выбросов парниковых газов»¹, входящий в так называемый климатический пакет. После его утверждения разработаны и приняты важные нормативные правовые акты, регулирующие вопрос смягчения последствий изменения климата. На их основе проводятся конкретные мероприятия, ориентированные на снижение эмиссии парниковых газов. В октябре 2021 г. В.В. Путин в ходе пленарного заседания Российской энергетической недели заявил о планах достигнуть углеродной нейтральности экономики к 2060 г.² Также он отметил, что в ближайшее десятилетие Россия

¹ Указ Президента РФ № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» (2020, 4 ноября). *Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации*. Взято 1 февраля 2023, с <https://docs.cntd.ru/document/566191878>

² РФ планирует достичь углеродной нейтральности экономики к 2060 году (2021, 13 октября). *Интерфакс*. Взято 1 февраля 2023, с <https://www.interfax.ru/business/797029>

рассчитывает обеспечить накопленный объем чистой эмиссии парниковых газов ниже, чем в Евросоюзе (Лукьянец, Брагин, 2021, с. 204). Тем самым был сформулирован послыл международному сообществу, что наша страна стала уделять значительно больше внимания проблеме климатических изменений, наравне с европейскими странами и США.

Однако, несмотря на заявления российского руководства, некоторые исследователи считают, что на сегодняшний день наша страна предпринимает недостаточно усилий по борьбе с изменением климата и его последствиями (Кошкина, 2020, с. 449). В связи с этим представляет интерес фактическая ситуация, характеризующая политику России в области смягчения последствий изменения климата.

Целью данной работы является рассмотрение российской политики в сфере смягчения последствий изменения климата и выявление сложившихся трендов в указанной области.

В последние годы научный интерес к климатической политике России в целом и политике в сфере смягчения последствий изменения климата в частности вырос, однако количество политологических исследований по данному вопросу остается незначительным. Большое внимание ученые уделяют исследованию климатических рисков и углеродоемкости российской экономики. Среди ученых, занимающихся в настоящее время изучением политики России в области изменения климата, выделим А.С. Лукьянца и А.Д. Брагина (Лукьянец, Брагин, 2021), Б.Н. Порфирьева, А.А. Широва и А.Ю. Колпакова (Порфирьев и др., 2021; Широ́в, 2021), Н.Р. Кошкину (Кошкина, 2020), Е.В. Махмутову и Т.Г. Чачуа (Махмутова, Чачуа, 2022), И.Ю. Юргенса и К.Е. Турбину (Юргенс, Турбина, 2022), Е.Н. Яковлеву (Яковлева, 2021).

В качестве методологической основы исследования выступают системный подход и метод анализа документов. Среди использованных источников следует выделить соответствующие нормативные правовые акты, доклады, данные государственных органов РФ, Росстата, публикации в средствах массовой информации.

Результаты исследования

Смягчение последствий изменения климата – действия, предпринимаемые в целях снижения количества выбрасываемых в атмосферу парниковых газов, удаления их из атмосферы и увеличения их поглощения (Веселова, 2021, с. 102). Правовая база по данному направлению представлена рядом документов. Прежде всего выделим Указ Президента РФ от 30 сентября 2013 г. «О сокращении выбросов парниковых газов»³, подписанный в целях реализации Климатической доктрины 2009 г. Документ ставил задачу обеспечить к 2020 г. сокращение выбросов парниковых газов до уровня не более 75 % их объема в 1990 г. В этой

³ Указ Президента РФ № 752 «О сокращении выбросов парниковых газов» (2013, 30 сентября). *Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации*. Взято 1 февраля 2023, с <https://docs.cntd.ru/document/499047060>; <http://ivo.garant.ru/#/document/70990594>

связи в апреле 2014 г. Распоряжением Правительства РФ⁴ утвержден план мероприятий. Среди них значилась разработка к октябрю 2014 г. Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов. С нарушением сроков в апреле 2015 г. Концепция была принята⁵. Документ закрепляет обязанность организаций представлять с 2019 г. отчеты по выбросам парниковых газов в уполномоченные государственные органы. Однако фактически данная мера введена лишь с 1 января 2023 г.

В ноябре 2020 г. подписан Указ Президента РФ «О сокращении выбросов парниковых газов»⁶ в целях реализации Россией Парижского соглашения от 12 декабря 2015 г. Во исполнение Указа в октябре 2021 г. Правительство РФ утвердило Стратегию социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов⁷, где предусматривается два сценария социально-экономического развития – инерционный и целевой. Реализация целевого сценария позволит России достичь не позднее 2060 г. баланса между антропогенными выбросами парниковых газов и их поглощением. Именно этот сценарий является приоритетным, однако углеродная зависимость нашей страны затрудняет его реализацию.

Среди ключевых нормативных правовых актов в рамках климатического пакета отметим принятый в 2021 г. Федеральный закон № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»⁸ (проект такого закона должны были разработать до конца 2015 г.). Документ закрепляет порядок создания и ведения реестра выбросов парниковых газов, а также представления регулируемыми организациями в уполномоченный орган отчетов о выбросах парниковых газов с 1 января 2023 г.⁹ При этом предусматривается лишь отчетность определенных

⁴ Распоряжение Правительства РФ № 504-р «Об утверждении плана мероприятий по обеспечению к 2020 году сокращения объема выбросов парниковых газов до уровня не более 75 процентов объема указанных выбросов в 1990 году» (2014, 2 апреля). *Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации*. Взято 1 февраля 2023, с <https://docs.cntd.ru/document/499087950>

⁵ Распоряжение Правительства РФ № 716-р «Об утверждении Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов в Российской Федерации» (2015, 22 апреля). *Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации*. Взято 1 февраля 2023, с <https://docs.cntd.ru/document/420270305>

⁶ Указ Президента РФ № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» (2020, 4 ноября). *Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации*. Взято 1 февраля 2023, с <https://docs.cntd.ru/document/566191878>

⁷ Распоряжение Правительства РФ № 3052-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» (2021, 29 октября). *Гарант: справочно-правовая система*. Взято 1 февраля 2023, с <http://ivo.garant.ru/#/document/402994476>

⁸ Федеральный закон № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» (2021, 2 июля). *Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации*. Взято 1 февраля 2023, с <https://docs.cntd.ru/document/607142402>

⁹ Бекетова, А. (2022, 30 ноября). Отчетность по парниковым газам: новое

лиц по эмиссии ими парниковых газов, ведение на основании такой отчетности реестра выбросов парниковых газов. Каких-либо дополнительных налогов, сборов, пошлин документ не вводит. Меры ответственности за несвоевременное представление отчета, а также за недостоверную информацию, предусмотренные ст. 7, пока не внесены в соответствующие кодексы. По сути, данный Федеральный закон еще не функционирует.

В 2019 г. Минэкономразвития России разработало проект Федерального закона «О государственном регулировании выбросов и поглощений парниковых газов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁰, который так и не был внесен в Государственную Думу. Если сравнивать данный законопроект с Федеральным законом № 296-ФЗ, можно отметить, что последний предусматривает более «мягкое» регулирование. Так, законопроект предписывает Правительству РФ утвердить ставки сбора за прямые выбросы парниковых газов в случае превышения регулируемые организациями фактической массы выбросов парниковых газов, установленной в разрешении, а также порядок взимания такого сбора неналогового характера. Проект также вводит понятие мониторинга прямых выбросов парниковых газов и предусматривает систему льгот, в том числе налоговых, для регулируемых организаций при осуществлении ими деятельности по сокращению выбросов парниковых газов и увеличению их поглощения. Очевидно, что принятие данного законопроекта с поправками в сторону предоставления льгот и определенных субсидий стимулировало бы частный бизнес осуществлять хозяйственную деятельность на принципах энергоэффективности и низкоуглеродности, а также реализовывать мероприятия по сокращению выбросов парниковых газов и увеличению их поглощения.

Особо отметим эксперимент по ограничению выбросов парниковых газов, который проводится в Сахалинской области с сентября 2022 г. по декабрь 2028 г. Его задачами являются стимулирование внедрения технологий сокращения выбросов парниковых газов и увеличения их поглощения; создание системы обращения углеродных единиц и единиц выполнения квоты¹¹. В последующем планируется перенести опыт реализации данного эксперимента на другие субъекты РФ.

Таким образом, можно констатировать наличие перечня нормативных правовых актов, положения которых непосредственным образом регулируют отношения в области смягчения последствий изменения климата на территории

в 2023 году. *EcoStandard.journal*. Взято 1 февраля 2023, с <https://journal.ecostandard.ru/eco/praktikum/otchetnost-po-parnikovym-gazam-novoe-v-2023-godu/>

¹⁰ Проект Федерального закона «О государственном регулировании выбросов и поглощений парниковых газов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (по состоянию на 27 марта 2019 г.). *Гарант: справочно-правовая система*. Взято 1 февраля 2023, с <http://ivo.garant.ru/#/document/56796125>

¹¹ Федеральный закон № 34-ФЗ О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации» (2022, 6 марта). *Гарант: справочно-правовая система*. Взято 1 февраля 2023, с <http://ivo.garant.ru/#/document/403536928>

России. Конечно, нами отмечены не все документы, а лишь наиболее значимые и существенно, на наш взгляд, влияющие на проводимую климатическую политику.

Анализируя институциональную основу по рассматриваемому вопросу, отметим должность специального представителя Президента по вопросам климата. С июля 2018 г. ее занимает Р. С.-Х. Эдельгериев. С 2012 г. функционирует Межведомственная рабочая группа при Администрации Президента РФ по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития. В 2019 г. Комитет Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию провозглашен органом, отвечающим за мониторинг реализации климатической политики. В феврале 2021 г. образован Совет по реализации Федеральной научно-технической программы в области экологического развития РФ и климатических изменений на 2021–2030 гг. Его функции сводятся к координационной деятельности и подготовке различных предложений. Определенные полномочия, связанные с регулированием вопросов по смягчению последствий изменения климата, имеют Минэкономразвития России, МИД России, Росгидромет (Веселова, 2021).

В процесс принятия решений вовлечено и бизнес-сообщество. Так, например, образованы экспертные группы по вопросам изменения климата в Российском союзе промышленников и предпринимателей, Деловой России и при Торгово-промышленной палате РФ. Опосредованно на формирование и реализацию климатической политики влияют научные и образовательные учреждения путем разъяснений и консультаций на основе проводимых научных исследований в данной области.

Таким образом, к реализации митигационной политики в России привлечены как исполнительные, так и законодательные органы власти. Определенные полномочия, главным образом в научной сфере, имеются у Российской академии наук, образовательных учреждений, научных центров и институтов. Представители бизнес-кругов также заинтересованы в продвижении своих идей в указанной области для их непосредственной реализации руководством страны.

Для формирования более полного представления о проводимой политике в области смягчения последствий изменения климата рассмотрим выделяемые исследователями тенденции в рамках данного направления.

В. И. Ефимов пишет о снижении эмиссии парниковых газов за счет улавливания углекислого газа в атмосфере, в том числе посредством изменения методов землепользования и восстановления лесов (Ефимов, 2021).

А. А. Шилов выделяет такие тенденции, как повышение энергоэффективности всех сфер экономики, технологическую трансформацию отраслей в сторону низкоуглеродных решений, максимизацию поглощающей способности природных экосистем. Среди мер в рамках указанных направлений исследователь отмечает следующие: использование наилучших доступных технологий; повышение степени переработки сырья; лесопосадки; ликвидация утечек загрязняющих веществ в ТЭК; применение технологий улавливания выбросов; развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и умных сетей; использование электровыплавов, электромобилей, электрических плит, современных систем обращения с коммунальными отходами, почвосберегающих технологий. Также

А. А. Широ́в анализирует, какие из указанных мероприятий следует применять в России, а какие затруднительно или невозможно (Широ́в, 2021).

Авторы экспертного доклада «Битва за климат: карбоновое земледелие как ставка России» анализируют карбоновое земледелие и систему торговли углеродными единицами. Они отмечают, что Россия обладает огромным природным потенциалом для сокращения карбонового следа и «озеленения» российского экспорта за счет развития регенеративного сельского и лесного хозяйства (Иванов, Дурманов, 2021).

Е. Н. Яковлева характеризует изменения в налоговой политике и пишет о достаточности налоговых льгот для экономической заинтересованности предприятий во внедрении наилучших доступных технологий, проведении научных исследований и реализации инновационных решений в сфере природоохраны, в том числе климатосбережения. При этом автор заявляет о необходимости двух совокупных условий для введения в России специального климатического налога, которые на данный момент невыполнимы (Яковлева, 2021).

На основе анализа точек зрения указанных исследователей, а также нормативной правовой и институциональной составляющих выделим ряд трендов в реализации политики по смягчению последствий изменения климата.

Применение технологии микрогенерации в электроэнергетике. В конце 2019 г. принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электроэнергетике» в части развития микрогенерации». Законодатель предоставил возможность домохозяйствам вырабатывать электроэнергию на основе использования ВИЭ, как для личного потребления, так и для продажи излишков энергии гарантирующим поставщикам и иным энергосбытовым компаниям¹². Однако микрогенерация пока не получила широкого распространения в России. На данный момент по этим показателям лидирует Московская область. С марта 2021 г. по июнь 2022 г. «Россети» получили только 118 заявок на технологическое присоединение объектов микрогенерации суммарной мощностью 1,23 МВт, хотя, по оценкам экспертов, в стране ежегодно устанавливают по 30 МВт солнечных панелей. У владельцев микрогенерации как минимум две причины использования таких объектов исключительно для собственных нужд. Во-первых, низкая цена. Сбытовые компании покупают излишки в среднем по 2,5 руб. за 1 кВт*ч. Во-вторых, слишком сложная и долгая процедура оформления¹³.

В связи с этим мы полагаем, что в ближайшие лет 10 микрогенерация как инструмент для продажи излишков энергии не будет пользоваться спросом у населения. Для исправления ситуации следовало бы повысить покупную цену излишков (хотя бы до 3,0 руб. за 1 кВт*ч) и закрепить данную цену на уровне субъектов РФ в качестве тарифа с последующей индексацией при повышении цен на электроэнергию в конкретном регионе, а также определить в указанном законе путем внесения в него изменений или в новом федеральном законе, ре-

¹² Вступил в силу федеральный закон о развитии микрогенерации (2019, 30 декабря). *Министерство энергетики РФ*. Взято 1 февраля 2023, с <https://minenergo.gov.ru/node/16763>

¹³ Смертина, П. (2022, 30 июня). Рынку недокадывают солнца. *Коммерсантъ*. Взято 1 февраля 2023, с <https://www.kommersant.ru/doc/5436161>

гулирующем данный вопрос непосредственным образом, срок рассмотрения заявки и начала отпуска электроэнергии в один месяц (на данный момент такой срок не установлен).

Повышение доли использования возобновляемых источников энергии.

В России основным видом энергетики на основе использования ВИЭ является гидроэнергетика, которая вносит заметный вклад в деятельность электроэнергетической отрасли. Выработка энергии гидроэлектростанциями с 2008 по 2018 г. увеличилась на 15,8%¹⁴. Если не брать в расчет гидроэнергетику, доля генерации от возобновляемых источников энергии (ВИЭ-генерация) от общего объема выработки электроэнергии в России составляет лишь около 0,5%. Однако, несмотря на такие низкие показатели, в стране идет процесс развития альтернативной энергетики. Так, на 2022 г. в эксплуатацию введено 2,9 ГВт объектов ВИЭ-генерации: 1,5 ГВт солнечных электростанций, 1,4 ГВт ветроэлектростанций, 21 МВт малых гидроэлектростанций¹⁵.

К началу 2022 г. в России функционировали 83 солнечных, 40 ветряных, 4 биогазовых, 4 геотермальных, 1 приливная (экспериментальная) и 78 малых гидроэлектростанций. Планируется, что к 2024 г. появится еще несколько объектов с большей общей мощностью, а к 2030 г. производство «зеленой» электроэнергии вырастет в 5 раз. В некоторых регионах страны возобновляемая энергетика развивается активно. Так, в Ульяновской области ветроэнергетика обеспечивает около 10% электроэнергии. В Кабардино-Балкарской Республике с помощью малой гидроэнергетики покрывается до 20% региональных нужд. В Оренбургской области 18 промышленных солнечных электростанций составляют около 10% от общей установленной мощности электростанций в региональной энергосистеме¹⁶. Очевидно, что развитие возобновляемых источников энергии в нашей стране находится на начальном этапе и вырабатываемой ими мощности недостаточно для покрытия больших объемов. Однако у большинства регионов имеется огромный потенциал в развитии того или иного вида ВИЭ. Например, в южных регионах можно устанавливать солнечные электростанции, на Дальнем Востоке – приливные электростанции. Таким образом, в России происходит постепенное увеличение доли генерации энергии из возобновляемых источников в общей доле мощностей. Говорить о покрытии больших объемов вырабатываемой мощности альтернативной энергетикой на данный момент не приходится. В то же время Россия – огромная страна, обладающая различными запасами ВИЭ, поэтому в каждом субъекте Федерации имеются ресурсы

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года: (2020, 9 июня). *Гарант: справочно-правовая система*. Взято 1 февраля 2023, с <http://ivo.garant.ru/#/document/74248810>

¹⁵ Героева, А. (2022, 29 апреля). ВИЭ в России: медленный рост. *Ведомости*. Взято 1 февраля 2023, с https://www.vedomosti.ru/ecology/science_and_technology/articles/2022/04/29/920410-vie-v-rossii-medlennii-rost

¹⁶ Елфимова, А. (2022, 22 февраля). В России работает более 200 объектов ВИЭ. *EnergyLand.info*. Взято 1 февраля 2023, с <http://energyland.info/news-show-tek-alternate-225071>

для развития такой электроэнергетики и возможности строительства подобных электростанций. Для достижения цели углеродной нейтральности страны к 2060 г. следует воспользоваться имеющимся потенциалом ВИЭ и наращивать темпы строительства таких электростанций.

Использование ядерной энергии. Весной 2023 г. в Ямало-Ненецком автономном округе началось строительство международной арктической станции «Снежинка». Предполагается, что этот круглогодичный автономный комплекс будет работать на базе ВИЭ и водородной энергетики. На станции планируют изучать изменение климата и технологии декарбонизации – процесса удаления углерода из различных материалов¹⁷. Также в России строятся новые АЭС. В 2022–2023 гг. Росатом сооружает три новых энергоблока. До 2035 г. должны быть введены в эксплуатацию Курская АЭС-2, Ленинградская АЭС-2, Смоленская АЭС-2 и БРЕСТ-ОД-300¹⁸. Последний представляет собой атомный энергоблок с инновационным реактором на быстрых нейтронах, строительство которого началось в июне 2021 г. Согласно планам, впервые в мировой практике на одной площадке будут построены АЭС с быстрым реактором и пристанционный замкнутый ядерный топливный цикл. Облученное топливо после переработки будет направляться на повторное изготовление свежего топлива. Иными словами, система станет фактически возобновляемой и практически безотходной в производственной цепочке¹⁹.

Таким образом, в России вводятся в эксплуатацию новые атомные энергоблоки, в том числе строятся АЭС с практически безотходным циклом производства. Однако, на наш взгляд, одних только электростанций, работающих на ВИЭ, для покрытия потребностей хозяйствующих субъектов и домохозяйств недостаточно. Следует учитывать и то, что АЭС оказывают негативное влияние на природу. Например, в пределах санитарно-защитной зоны выделяются смог и радиация, которые отрицательно воздействуют на обитающие там живые организмы, вызывая у них различные заболевания и преждевременную смерть. Кроме того, возникает проблема захоронения радиоактивных отходов. Отсутствует возможность строительства АЭС на приграничных территориях из-за угроз геополитического характера, а также на Сахалине, Камчатке, Курилах, в районе озера Байкал, Кавказских гор и в Крыму в связи с их сейсмической нестабильностью. Однако считается, что АЭС более экологичны, чем ТЭС и ГЭС, потому при правильной эксплуатации, выборе местоположения и использовании технологии безотходного цикла производства ядерного топлива они вполне могли бы заменить электростанции, работающие на ископаемом топливе.

¹⁷ Шарапов, В. (2022, 24 ноября). «Прообраз города будущего». В России построят уникальную арктическую станцию. Что известно об этом проекте? *Lenta.ru*. Взято 1 февраля 2023, с <https://lenta.ru/articles/2022/11/24/snejinka/>

¹⁸ Строящиеся АЭС (без даты). *Росатом*. Взято 1 февраля 2023, с <https://www.rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/>

¹⁹ Росатом начал строительство уникального энергоблока с реактором на быстрых нейтронах БРЕСТ-ОД-300 (2021, 9 июня). *Портал машиностроения*. Взято 1 февраля 2023, с https://www.mashportal.ru/news/company/company_news-61059.aspx

Переход к углеродной нейтральности транспортного комплекса.

Транспортный комплекс занимает вторую строчку после ТЭК по эмиссии парниковых газов. В этой связи предпринимаются шаги по увеличению парка электрических автобусов и легковых автомобилей с аккумуляторами. Одним из лидеров в этом направлении выступает Москва. Так, в декабре 2022 г. Правительство Москвы приняло решение увеличить в 2023 г. парк эксплуатируемых электрических автобусов в 1,5 раза. Запланирована поставка более 500 новых единиц. При этом число зарядных станций для электрического транспорта планируют увеличить почти вдвое. В июне 2022 г. в столице работало более 1000 электробусов, в том числе 750 электробусов КамАЗа²⁰.

Однако идею перехода на электрический транспорт воплотить в жизнь достаточно сложно, учитывая климатикогеографическое разнообразие нашей страны. Во-первых, территория России огромна, в каждом субъекте свои географические особенности, ландшафт, рельеф, климат; проблемой будет отсутствие надлежащей инфраструктуры, для электромобилей нужны качественные дороги и станции обслуживания, поэтому переход на такие транспортные средства возможен лишь в мегаполисах. Во-вторых, возникнут сложности эксплуатации электрокаров при низких температурах. К тому же для их работы нужна энергия. Она генерируется ТЭС, АЭС, ГЭС и электростанциями на ВИЭ. В настоящее время в России преобладает выработка энергии на ТЭС (около 50%), а значит, при зарядке электрического транспорта используется энергия, полученная от сжигания угля, нефтепродуктов, природного газа, которые увеличивают эмиссию парниковых газов, что приводит к повышению температуры воздуха. Поэтому повсеместное внедрение электрокаров без вреда для окружающей среды и стабильности климата будет возможно лишь тогда, когда большая часть энергии будет генерироваться из ВИЭ.

Лесовосстановление. Россия является лесной державой. Именно на поглощающей способности лесов (естественной абсорбции) заостряется внимание при реализации политики митигации. Б. Н. Порфирьев, А. А. Широ и А. Ю. Колпаков отмечают, что лишь 50% необходимого снижения выбросов для достижения углеродной нейтральности в 2050 г. могут быть достигнуты за счет повышения эффективности использования энергоресурсов и иных действий в экономической сфере. Остальные 50% должны быть обеспечены ростом поглощающей способности российских экосистем (Порфирьев и др., с. 6).

При этом для увеличения поглощающей способности лесов следует проводить мероприятия по восстановлению лесного фонда (Schepaschenko, 2021). Примером может служить алтайский проект, в рамках которого АНО «Центр экологических инноваций» взяла в аренду на 49 лет сельскохозяйственные угодья в Залесовском районе Алтайского края площадью 10 тыс. га для лесных насаждений в целях поглощения парниковых газов²¹. В идеале темпы восстанов-

²⁰ Москва увеличивает парк электробусов в 1,5 раза (без даты). *TAdviser*. Взято 1 февраля 2023, с https://www.tadviser.ru/index.php/Проект:Электробусы_в_Москве

²¹ Обзор по природным климатическим решениям (2022, 27 октября). *Министерство экономического развития РФ*. Взято 1 февраля 2023, с https://www.economy.gov.ru/material/departments/d30/obzory_i_analitika/obzor_po_prirodnym_

ления лесов должны превышать темпы их уничтожения. По данным Рослесхоза, в 2021 г. восстановление российских лесов впервые за 10 лет превысило их исчезновение (на 6%)²². Как заявил министр природных ресурсов и экологии А. А. Козлов, в 2022 г. площадь лесовосстановления превысила площадь вырубленных лесов на 18%²³.

Таким образом, мероприятия по лесовосстановлению в России проводятся, темпы восстановления лесных насаждений опережают темпы их уничтожения по естественным (пожары) и антропогенным (вырубка, пожары) причинам. Чем больше лесного фонда будет насчитываться на балансе страны, тем больше поглощающей способности лесов можно будет учитывать для достижения поставленной цели по сокращению выбросов парниковых газов до 75 % относительно уровня 1990 г. Также увеличение лесного фонда является одним из основных условий достижения цели перехода к полной углеродной нейтральности страны к 2060 г.

Строительство карбоновых полигонов и ферм. В начале 2021 г. Министерство науки и высшего образования запустило пилотный проект по созданию на территории восьми регионов России карбоновых полигонов для разработки и испытаний технологий контроля углеродного баланса²⁴. Они представляют собой территории с уникальной экосистемой, созданные с участием университетов и научных организаций для реализации мер контроля климатически активных газов. Основная задача – разработка и проведение испытаний технологий измерения, мониторинга и контроля парниковых газов. При каждом таком полигоне должны быть созданы карбоновые фермы (Лукьянец, Брагин, 2021, с. 204) – густо засаженные участки, где растения поглощают парниковые газы в больших объемах. Владелец земли должен получить аттестацию и после этого может продавать компенсационные квоты – ценные бумаги с номиналом в тоннах утилизированного CO₂, которые освобождают импортера от уплаты углеродного налога²⁵.

В ноябре 2022 г. начал работу официальный сайт проекта Минобрнауки России «Карбоновые полигоны». На нем размещены информационные и аналитические материалы по полигонам, созданным в рамках пилотного проекта²⁶.

klimaticheskimresheniyam.html

²² Восстановление лесов в России заметно выросло (2022, 28 октября). *Метеовести*. Взято 1 февраля 2023, с <https://www.meteovesti.ru/news/1666956878702-vosstanovlenie-lesov-v-rossii-zametno-vyroslo>

²³ Минприроды: Площадь лесовосстановления в РФ превысила площадь вырубленных лесов на 18 % (2023, 6 марта). *Российская газета*. Взято 11 апреля 2023, с <https://rg.ru/2023/03/06/minprirody-ploshchad-lesovosstanovleniia-v-rf-prevysila-ploshchad-vybyvshih-lesov-na-18.html>

²⁴ Карбоновые полигоны (без даты). *Министерство науки и высшего образования РФ*. Взято 1 февраля 2023, с <https://minobrnauki.gov.ru/action/poligony/>

²⁵ Демина, Е. (2021, 5 апреля). Десятки компаний предложат свои площадки под карбоновые полигоны на Урале. *РБК*. Взято 1 февраля 2023, с <https://ekb.rbc.ru/ekb/05/04/2021/606aacb29a7947399e298952/>

²⁶ Заработал сайт по карбоновым полигонам (2022, 17 ноября). *Министерство*

На май 2023 г. создано 17 карбоновых полигонов общей площадью 39 157,3 га на территории 17 регионов страны²⁷. Так, в Вологодской области ПАО «ФосАгро» в рамках частной инициативы создало углеродный полигон. До 2027 г. планируется создать полигоны на всей территории области и охватить мониторингом весь регион²⁸.

Создание карбоновых ферм требует значительных финансовых вложений, часть из которых можно получить от государства. В будущем они окупятся, т. к. создание и содержание карбоновых полигонов и ферм представляет собой перспективную сферу предпринимательской деятельности, прибыль от которой, по мнению экспертов, будет высокой, а сам бизнес будет на втором месте по доходности после добычи углеводородного сырья. Следует отметить, что карбоновые полигоны помогают в исследовании технологий измерения, оценки, мониторинга парниковых газов, контроля за их эмиссией, их основное назначение связано с наукой, появлением и развитием новых знаний. Конечная цель карбоновых ферм – извлечение прибыли за счет связывания углерода в процессе жизнедеятельности растений и водорослей и продажи углеродных единиц нуждающимся в них предприятиям. По сути, весь углерод, поглощенный растениями, произрастающими на определенной карбоновой ферме, пересчитывается на углеродные единицы, и говорить об уменьшении эмиссии парниковых газов мы не можем. Выбросы остаются на одном уровне.

Торговля квотами на выбросы парниковых газов. С 2019 г. российские компании приобрели на зарубежных рынках около 700 000 углеродных единиц. Крупнейшими покупателями стали ПАО «Газпром» и ООО «Сахалинская Энергия»²⁹. Планируется сформировать и развивать систему торговли углеродными единицами и на внутреннем рынке с постепенным переходом на мировой. Ожидается, что мировой рынок выбросов к 2030 г. вырастет с 1 млрд до 30 млрд долл.³⁰

Как уже отмечалось, с сентября 2022 г. по декабрь 2028 г. в Сахалинской области проводится эксперимент по ограничению выбросов парниковых газов. В систему квотирования выбросов парниковых газов войдут предприятия-эмитенты от 20 тыс. т CO₂ в год³¹. Также в регионе планируется создать систе-

науки и высшего образования РФ. Взято 1 февраля 2023, с <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/42649/>

²⁷ Карбоновые полигоны (без даты). *Карбоновые полигоны Российской Федерации*. Взято 1 февраля 2023, с <https://carbon-polygons.ru/polygons/>

²⁸ Карбоновые полигоны создадут в Вологодской области (2022, 21 октября). *Newsvo.ru*. Взято 1 февраля 2023, с <https://newsvo.ru/news/148204>

²⁹ Дмитракова, Т. (2022, 28 сентября). На Сахалине подтвердили первую сделку по продаже углеродных единиц. *Российская газета*. Взято 1 февраля 2023, с <https://rg.ru/2022/09/28/reg-dfo/na-sahaline-podtverdili-pervuiu-sdelku-po-prodazhe-uglerodnyh-edinic.html>

³⁰ Выпуск углеродных единиц на Сахалине позволит РФ стать участником мирового рынка выбросов (2022, 27 сентября). *SakhalinMedia*. Взято 1 февраля 2023, с <https://sakhalinmedia.ru/news/1365889/>

³¹ Дмитракова, Т. (2022, 28 сентября). На Сахалине подтвердили первую сделку

му торговли углеродными единицами. Ожидается, что к 2025 г. на Сахалине будет обеспечена углеродная нейтральность (Иванов, Дурманов, 2021). Первые торги углеродными единицами сокращенных выбросов в CO₂ эквиваленте (из расчета одна единица за 1 т) прошли на Мосбирже 26 сентября 2022 г. ООО «ДальЭнергоИнвест» продало 20 единиц по 1000 руб. каждая. Компания сокращает выбросы за счет замены традиционной электрогенерации на острове Итуруп солнечной электростанцией³².

Запущенная в рамках одного региона система торговли углеродными единицами будет повышать престиж России в глазах мирового сообщества, подтвердит ее приверженность глобальной климатической повестке. В последующем система торговли квотами распространится на всю территорию РФ и выйдет на внешние рынки, в первую очередь азиатские. В то же время рассматривать торговлю углеродными единицами следует как коммерческий проект, который не сокращает эмиссию парниковых газов в целом по стране, а лишь переносит углеродный след на другие территории.

Льготы в системе налогообложения. В настоящее время в российском налоговом законодательстве отсутствует специализированный климатический налог. При этом компании платят за негативное воздействие на окружающую среду. Но, как отмечает Е. Н. Яковлева, низкие ставки экологических платежей обладают слабым стимулирующим и компенсационным эффектом, а их статус не подразумевает исполнение фискальной функции (Яковлева, 2021, с. 1033).

В российском налоговом законодательстве предусмотрены определенные налоговые льготы для организаций, проводящих научно-исследовательские или опытно-конструкторские работы в области охраны окружающей среды. В их число входит предоставление инвестиционного налогового кредита, освобождение природоохранного оборудования от таможенных пошлин, освобождение от уплаты НДС, пониженные тарифы страховых взносов (Яковлева, 2021, с. 1033) и т. д.

Мы разделяем точку зрения некоторых экспертов (Лукьянец, Брагин, 2021; Яковлева, 2021), что для стимулирования организаций на применение энергоэффективных и углероднейтральных технологий и на реализацию ими инновационных решений в сфере климатосбережения установленных Налоговым кодексом РФ льгот достаточно, а введение специального климатического налога будет эффективным лишь в случае отмены платы за негативное воздействие на окружающую среду касательно парниковых газов, т. к. введение налога одновременно с сохранением экологического платежа даст двойную нагрузку на бизнес, что негативно скажется на национальной экономике в целом. Кроме того, ставка такого налога при его введении должна быть достаточно высокой для стимулирования компаний реально снижать выбросы парниковых газов.

по продаже углеродных единиц. *Российская газета*. Взято 1 февраля 2023, с <https://rg.ru/2022/09/28/reg-dfo/na-sahaline-podtverdili-pervuiu-sdelku-po-prodazhe-uglerodnyh-edinic.html>

³² Выпуск углеродных единиц на Сахалине позволит РФ стать участником мирового рынка выбросов (2022, 27 сентября). *SakhalinMedia*. Взято 1 февраля 2023, с <https://sakhalinmedia.ru/news/1365889/>

Международное сотрудничество. Россия входит в число государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В октябре 2021 г. было принято Заявление об экономическом сотрудничестве в рамках климатической повестки. Кроме того, Россия стремится наладить контакты по вопросам борьбы с изменением климата с членами СНГ, ШОС, АСЕАН. Среди стран-партнеров, в первую очередь торговых, следует выделить Китай, Сингапур, Вьетнам, с которыми наша страна планирует выработать общую позицию по развернутой климатической повестке, в том числе по вопросам торговли углеродными единицами и установления льготных экспортных пошлин (Юргенс, Турбина, 2022, с. 24).

Осенью 2021 г. в Глазго прошла Конференция участников Рамочной конвенции ООН об изменении климата. По ее итогам были подписаны соглашения по трем основным направлениям: уголь, метан, вырубка лесов. Россия подписала лишь соглашение по вырубке лесов (Махмутова, Чачуа, 2022, с. 33), поскольку одним из основных национальных трендов является лесовосстановление, следовательно, выполнение данного обязательства не вызовет больших сложностей. К обязательству по сокращению выбросов метана на 30 % к 2030 г. наша страна не присоединилась, указав на необходимость тщательного предварительного анализа практической целесообразности и социально-экономических последствий такого шага (Юргенс, Турбина, 2022, с. 17). Россия отказалась подписывать данное соглашение, поскольку является одной из стран, где выбросы метана достаточно велики из-за газовой отрасли, которую следовало бы модернизировать при подписании соглашения (Махмутова, Чачуа, 2022, с. 33). На данный момент Россия не готова подписывать такое соглашение, т.к. обязательства по нему трудно выполнить; добыча углеводородного сырья составляет большую долю ВВП, а само сырье идет на экспорт. Кроме того, Россия не приняла Заявление о глобальном переходе от угля к чистой энергии, наряду с такими крупнейшими производителями угля в мире, как Китай, США, Австралия и Индия. Подобное решение негативным образом сказалось бы на ТЭК и «связало бы руки» России, а не подписавшие документ страны имели бы преимущества в добыче, использовании и продаже угля.

Таким образом, подписание соглашений по метану и углю могло бы изменить политическое положение России (невыполнение обязательств, зависимость от других стран) и повлиять на экономическую ситуацию, поскольку на данный момент активно добываются природный газ и уголь, используемые как внутри страны, так и идущие на экспорт. В связи с тем, что последний год многие товары поступают по параллельному импорту, а некоторые страны отказались от политического и экономического сотрудничества с РФ, неподписание данных договоров можно рассматривать как стратегически правильное решение. В ноябре 2022 г. в Египте состоялась Конференция участников Рамочной конвенции ООН об изменении климата (Юргенс, Турбина, 2022, с. 24), но ее итоги не повлекли за собой какие-либо серьезные изменения в российской климатической политике.

Россия, несмотря на обвинения, планирует и дальше содействовать развивающимся странам в достижении целей Парижского соглашения 2015 г. и выполнять международные обязательства в рамках совместных климатических

проектов и договоров. Также наша страна продолжает поиск партнеров, прежде всего среди азиатских стран, для осуществления совместной политики по вопросам борьбы с изменением климата.

Закключение

По результатам анализа политики России в сфере смягчения последствий изменения климата можно сделать ряд выводов.

В нашей стране практически полностью сформирована правовая база по рассматриваемому направлению. Начало было положено в 2009 г., основные документы, на основе которых в настоящее время реализуется политика, были приняты после 2020 г. При этом нормативные правовые документы представлены преимущественно подзаконными актами, а последующие документы принимаются с нарушением установленных сроков. Законодательным упущением является непринятие Федерального закона «О государственном регулировании выбросов и поглощений парниковых газов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», который предусматривал как систему льгот для организаций, осуществляющих деятельность по сокращению выбросов парниковых газов и увеличению их поглощения, так и утверждение ставки сбора за прямые выбросы парниковых газов³³. Очевидно, что Россия идет по пути «мягкого» регулирования. До сих пор не установлены меры ответственности за нарушение климатического законодательства. Отсутствуют специализированные климатические налоги.

В целом, в процессе формирования климатического законодательства РФ наблюдается положительная динамика с видимыми недостатками, которые следует проработать и устранить в ближайшее время. В качестве меры рекомендательного характера в статье предлагается разработать и принять закон, регулирующий порядок, сроки, тарифы, условия для становления и развития микрогенерации в стране.

Институциональная составляющая климатической политики России представлена как исполнительными, так и законодательными органами власти. Кроме государственных структур, в изучении и регулировании вопросов сохранения климата участвуют научные центры и институты. Бизнес-сообщество также проявляет интерес и выдвигает собственные проекты, направленные на решение экологических проблем в целом и осуществление митигационных мероприятий в частности.

В ходе исследования нами были выделены девять трендов российской политики в области смягчения последствий изменения климата. При этом не все из них направлены на снижение эмиссии парниковых газов, некоторые связаны с коммерческими проектами, целью которых является извлечение прибыли. К таким относятся, например, строительство карбоновых ферм

³³ Доработанный текст проекта Федерального закона «О государственном регулировании выбросов парниковых газов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2019, 3 февраля). *Гарант: справочно-правовая система*. Взято 1 февраля 2023, с <http://ivo.garant.ru/#/document/56796125>

и торговля квотами на выбросы парниковых газов. С одной стороны, эти меры благоприятным образом скажутся на экономике страны, с другой – не уменьшат выбросы парниковых газов, т. к. углеродный след просто будет перенесен из одного региона в другой.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время мы наблюдаем постепенный переход России к низкоуглеродному развитию. Осуществляются мероприятия в различных сферах хозяйствования и жизнедеятельности. Поставлена цель углеродной нейтральности экономики к 2060 г. Однако принимаемых мер недостаточно для ее достижения и преодоления отставания страны от мирового темпа декарбонизации. Связано это в первую очередь с высокой зависимостью российской экономики и ВВП от добычи и экспорта углеводородов. В Энергетической стратегии и Программе развития угольной промышленности на период до 2035 г. добыче нефти, газа и угля отводится первостепенная роль. Их использование предполагается не только в ТЭК России, но и ожидается увеличение продаж ископаемого топлива за рубеж. В связи с этим торموжится процесс перехода на возобновляемые источники энергии.

В настоящее время основная часть российской электроэнергии генерируется на ТЭС. Доля выработки энергии из альтернативных источников энергии составляет лишь 0,5%. Представляется, что для достижения к 2060 г. углеродной нейтральности экономики нужно увеличивать темпы получения энергии от ВИЭ, в том числе совершенствовать условия для развития микрогенерации. Но резкий переход на ВИЭ опасен для экономики. Связано это как с экономической нестабильностью и геополитическими причинами, так и с изменением климата. Меняется соотношение солнечных и пасмурных, ветреных и безветренных дней, поэтому для прогнозирования успеха строительства электростанций, работающих на ВИЭ в том или ином субъекте Федерации, требуются определенные знания, умения и технологии, в том числе в сфере оценки климатических рисков. Однако благоприятным вариантом развития событий видится переход в промышленности, транспортной сфере, строительстве, сельском хозяйстве к климатически нейтральным технологиям, которые стали бы мощным стимулом для модернизации национальной экономики, ее перехода на «зеленые» рельсы.

Список литературы

1. Веселова, Д. Н. (2021). Климатическая политика Российской Федерации: законодательные и институциональные аспекты. *Научный журнал «Дискурс-Пи»*, 18(3), 96–111. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_96
2. Ефимов, В. И. (2021). Мифы и реальности углеродного следа. В Д. А. Козяева (Ред.), *Ресурсная экономика, изменение климата и рациональное природопользование: материалы XVI Международной научно-практической конференции Российского общества экологической экономики* (с. 60–62). Красноярск: Сибирский федеральный университет.
3. Иванов, А. Ю., Дурманов, Н. Д. (Ред.). (2021). *Битва за климат: карбоновое земледелие как ставка России*. М.: Издательский дом ВШЭ.

4. Кошкина, Н. Р. (2020). Государственная политика Российской Федерации в области борьбы с изменением климата. *Ars Administrandi*, 12(3), 441–454. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-3-441-454>
5. Лукьянец, А. С., Брагин, А. Д. (2021). Оценка масштабов и перспектив влияния климатических рисков на социально-экономическое развитие России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*, 14(6), 197–209. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.11>
6. Махмутова, Е. В., Чачуа, Т. Г. (2022). Анализ итогов климатической конференции в Глазго в контексте энергетической политики России. *Власть*, 30(2), 31–38. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8928>
7. Порфирьев, Б. Н., Широ́в, А. А., Колпаков, А. Ю. (2021). Комплексный подход к стратегии низкоуглеродного социально-экономического развития России. *Георесурсы*, 23(3), 3–7. <https://doi.org/10.18599/grs.2021.3.1>
8. Широ́в, А. А. (2021). Климатическая политика и долгосрочное развитие российской экономики. В Д. А. Козяева (Ред.), *Ресурсная экономика, изменение климата и рациональное природопользование: материалы XVI Международной научно-практической конференции Российского общества экологической экономики* (с. 196–197). Красноярск: Сибирский федеральный университет.
9. Юргенс, И. Ю., Турбина, К. Е. (2022). Климатический саммит в Глазго: обновление мироустройства и задачи России. *Власть*, 30(2), 9–30. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8926>
10. Яковлева, Е. Н. (2021). Финансовое обеспечение управления климатической безопасностью. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*, 31(6), 1032–1040. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-6-1032-1040>
11. Schepaschenko, D. et. al. (2021). Russian forest sequesters substantially more carbon than previously reported. *Scientific Reports*, 11. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-92152-9>

References

1. Efimov, V. I. (2021). Mify i real'nosti uglerodnogo sleda [Myths and realities of the carbon footprint]. In D. A. Kozyaeva (Ed.), *Resursnaya e'konomika, izmenenie klimata i racional'noe prirodoopol'zovanie: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Rossijskogo obshhestva e'kologicheskoy e'konomiki* (pp. 60–62). Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet.
2. Ivanov, A. Yu., & Durmanov, N. D. (Eds.). (2021). *Bitva za klimat: karbonovoe zemledelie kak stavka Rossii* [The battle for the climate: Carbon farming as a Russia's stake]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.
3. Koshkina, N. R. (2020). Gosudarstvennaya politika Rossijskoj Federacii v oblasti bor'by s izmeneniem klimata [The Russian Federation state policy in combating climate change]. *Ars Administrandi*, 12(3), 441–454. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-3-441-454>
4. Lukyanets, A. S., & Bragin, A. D. (2021). Ocenka masshtabov i perspektiv vliyaniya klimaticheskix riskov na social'no-e'konomicheskoe razvitie

Rossii [Assessing the scale and prospects of the impact of climate-related risks on Russia's socio-economic development]. *E'konomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 14(6), 197–209. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.6.78.11>

5. Makhmutova, E. V., & Chachua, T. G. (2022). Analiz itogov klimaticheskoy konferencii v Glazko v kontekste e'nergeticheskoy politiki Rossii [Analysis of the results of the climate conference in Glasgow in the field of Russian energy politics]. *Vlast'*, 30(2), 31–38. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8928>

6. Porfiriev, B. N., Shirov, A. A., & Kolpakov, A. Yu. (2021). Kompleksnyj podxod k strategii nizkouglerodnogo social'no-e'konomicheskogo razvitiya Rossii [Comprehensive approach to the strategy of low-carbon socio-economic development of Russia]. *Georesursy*, 23(3), 3–7. <https://doi.org/10.18599/grs.2021.3.1>

7. Schepaschenko, D. et al. (2021). Russian forest sequesters substantially more carbon than previously reported. *Scientific Reports*, 11. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-92152-9>

8. Shirov, A. A. (2021). Klimaticheskaya politika i dolgosrochnoe razvitie rossijskoj e'konomiki [Climate policy and long-term development of the Russian economy]. In D. A. Kozyaeva (Ed.), *Resurnaya e'konomika, izmenenie klimata i racional'noe prirodopol'zovanie: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Rossijskogo obshhestva e'kologicheskoy e'konomiki* (pp. 196–197). Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet.

9. Veselova, D. N. (2021). Klimaticheskaya politika Rossijskoj Federacii: zakonodatel'nye i institucional'nye aspekty [Climate policy of the Russian Federation: Legislative and institutional aspects]. *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»*, 18(3), 96–111. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_96

10. Yakovleva, E. N. (2021). Finansovoe obespechenie upravleniya klimaticheskoy bezopasnost'y [Financial support for climate security management]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: E'konomika i pravo*, 31(6), 1032–1040. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-6-1032-1040>

11. Yurgens, I. Yu., & Tourbina, K. E. (2022). Klimaticheskij sammit v Glazgo: obnovlenie miroustrojstva i zadachi Rossii [Climate summit in Glasgow: Renovation of the world order and Russia's agenda]. *Vlast'*, 30(2), 9–30. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8926>

Информация об авторе

Дарья Николаевна Веселова, кандидат политических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС; преподаватель факультета среднего профессионального образования, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6674-0357>, e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

Information about the author

Darya Nikolaevna Veselova, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, University under the Inter-Parliamentary Assembly of EurAsEC; Lecturer, Faculty of Secondary Professional Education, North-West Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6674-0357>, e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

УДК 325.14+349.2

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_106

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Константин Викторович Корсаков,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
korsakovekb@yandex.ru

Алена Вадимовна Серова,

Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия,
a.v.serova@usla.ru

Получена 27.04.2023.

Поступила после рецензирования 26.05.2023.

Принята к публикации 07.06.2023.

Для цитирования: Корсаков К.В., Серова А.В. Национальная политика России по регулированию отношений в сфере внешней трудовой миграции // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 106–126. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_106

Аннотация

Миграционная политика России основывается на идее ее миграционной привлекательности, что позволяет решать ряд важных социальных, демографических и экономических проблем. В то же время большой поток внешних мигрантов создает определенные угрозы национальной безопасности. Настоящее исследование фоку-

© Корсаков К.В., Серова А.В., 2023

сируется на изучении потенциала инструментов национальной политики в сфере труда и содействия занятости населения для решения проблемы декриминализации и демаргинализации сообщества трудящихся-мигрантов. Выявлена необходимость деятельности государственной службы занятости населения в трех основных направлениях: повышение уровня информированности иностранных граждан об основах трудового законодательства, видах, порядке и способах получения соответствующих государственных услуг; адаптация отдельных государственных услуг под потребности и возможности внешних трудовых мигрантов; совершенствование межведомственного взаимодействия. По мнению авторов статьи, для каждого направления требуется развитие функционала единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России» и ее интеграция с аналогичными цифровыми ресурсами в других странах. Механизм защиты трудовых прав и свобод иностранных граждан также нуждается в совершенствовании. Отмечена особая роль профсоюзов и государственной инспекции труда в снижении уровня преступности среди мигрантов. Сделан вывод, что профсоюзы могут существенно влиять на содержание принимаемых работодателями локальных нормативных актов и на решение отдельных кадровых вопросов в отношении иностранных работников, осуществлять контрольные и иные функции, участвовать в формировании и реализации внутренней государственной политики в сфере труда и содействия занятости населения.

Ключевые слова:

национальная политика, миграционная политика, внешняя трудовая миграция, трудовые мигранты, национальная безопасность, профилактика правонарушений, содействие занятости.

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00032, <https://rscf.ru/project/23-28-00032/>

RUSSIA'S NATIONAL POLICY ON REGULATING RELATIONS IN THE FIELD OF EXTERNAL LABOR MIGRATION

Konstantin V. Korsakov,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
korsakovekb@yandex.ru

Alena V. Serova,

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev,
Ekaterinburg, Russia,
a.v.serova@usla.ru

Received 27.04.2023.

Revised 26.05.2023.

Accepted 07.06.2023.

For citation: Korsakov, K.V., Serova, A.V. (2023). Russia's National Policy on Regulating Relations in the Field of External Labor Migration. *Discourse-P*, 20(2), 106–126. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_106

Abstract

Russia's migration policy is based on the idea of its migration attractiveness, which makes it possible to solve a number of important social, demographic, and economic problems. At the same time, the large flow of external migrants creates certain threats to national security. This article focuses on studying the potential of national labor policy instruments and employment promotion to solve the problem of decriminalization and demarginalization of the migrant workers' community. It exposes the need in improving the performance of the state employment service in three main directions: raising the awareness of foreign citizens about the basics of labor legislation, types, procedures, and methods of obtaining public services; adaptation of individual public services to the demands and capabilities of external labor migrants; and interdepartmental interaction advancement. According to the authors of the article, each direction requires the development of the functionality of a single digital platform in the field of employment and labor relations "Work in Russia" and its integration with similar digital resources in other countries. The mechanism for protecting the labor rights and freedoms of foreign citizens also requires enhancement. The special role of trade unions and the State Labor Inspectorate in reducing the crime rate among migrants is noted. It is concluded that trade unions can significantly influence the content of local regulations adopted by employers and the resolution of certain

personnel issues in relation to foreign workers, exercise control and other functions, and participate in the formation and implementation of internal state policy in the field of labor and employment promotion.

Keywords:

national policy, migration policy, external labor migration, labor migrants, national security, prevention of offenses, employment promotion.

Funding:

the study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00032, <https://rscf.ru/project/23-28-00032/>

Введение

Осуществляемая в настоящее время либеральная национальная политика в области внешней миграции делает нашу страну одной из наиболее привлекательных для внешних трудовых мигрантов. Согласно статистическим данным ООН, Российская Федерация на протяжении многих лет находится в первой пятёрке стран по числу внешних трудовых мигрантов¹. В 2022 г. для осуществления трудовой деятельности на ее территории въехало около 308 тыс. человек из стран СНГ. Лидерами являются Таджикистан (42,3%), Кыргызстан (34,8%) и Узбекистан (28,7%)².

Концепция государственной миграционной политики РФ³ постоянно дополняется и совершенствуется, приобретая все более социальный характер и гуманитарную направленность. В п. 7 особо подчеркивается заинтересованность нашего государства во внешнем миграционном потоке трудовых ресурсов с точки зрения компенсации естественной убыли населения и нехватки рабочих кадров в отдельных отраслях экономики. В связи с происходящими в последние годы геополитическими и экономическими процессами роль внешней трудовой миграции становится все более значимой. Так, например, в Свердловской области ощущается острая нехватка кадров во многих отраслях, включая предприятия

¹ Россия входит в пятерку лидеров как по числу мигрантов, так и по числу граждан страны, проживающих за рубежом (2021, 15 января). *Новости ООН – Глобальный взгляд. Человеческие судьбы*. Взято 10 апреля 2023, с <https://news.un.org/ru/story/2021/01/1394392>

² Состояние условий труда работников организаций Российской Федерации по отдельным видам экономической деятельности 2022 (2023, 26 апреля). *Федеральная служба государственной статистики*. Взято 10 апреля 2023, с <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13264>

³ Указ Президента РФ № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (2018, 31 октября). *КонсультантПлюс*. Взято 10 апреля 2023, с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/

оборонно-промышленного комплекса, в связи с чем в экономику региона требуется дополнительно привлечь порядка 6300 работников⁴. Если на подготовку новых кадров требуется значительное количество времени, а у отечественных работодателей нет достаточного темпорального ресурса, то использование иностранной рабочей силы, уже обладающей необходимым уровнем квалификации, способно своевременно разрешить остро вставшую кадровую проблему.

Между тем, как подчеркивает политолог А. А. Кокошин, большой и плохо контролируемый приток внешних мигрантов создает существенные угрозы национальной безопасности России (Кокошин, 2014, с. 28). В этой связи в политических актах и документах, определяющих стратегические направления развития национальной политики, отдельное внимание уделяется вопросам миграционной безопасности, под которой понимается «состояние защищенности интересов личности, общества и государства, которые могут быть подвержены угрозам в результате въезда в страну, выезда из нее, пребывания и проживания на территории страны как иностранных граждан и лиц без гражданства, так и своих граждан, институционально предполагающее систему правовых норм, обеспечивающих доминанту национальных интересов в сфере регулирования миграционных процессов» (Гриняев и др., 2021, с. 47). Среди актуальных проблем в этой сфере выделяют высокий уровень нелегальной (незаконной) миграции (Корсаков, 2017, с. 29) и преступности среди внешних мигрантов (Черепашкин, 2015, с. 15–16). Причем реальные, точные масштабы незаконной миграции в современной России определить весьма непросто ввиду неупорядоченности и разнородности разработанных и применяемых в текущий период исследовательских методик (Чудиновских, 2020, с. 8). Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2022 г. иностранными гражданами было совершено 36993 преступления, из них 30353 преступления совершено мигрантами из стран СНГ⁵. По этим причинам в Стратегии национальной безопасности РФ (подп. 16 п. 47) особо важное значение придается решению задачи по противодействию незаконной миграции, усилению контроля за миграционными потоками, социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов⁶.

Взаимосвязь между нарушениями прав иностранных граждан, в том числе трудовых, неудовлетворительными условиями их труда и совершением ими преступных деяний очевидна и интенсивно изучается как в России, так и в других странах мира (Корсаков, 2014, с. 121–122; 2019, с. 456–457). Результаты социологических исследований эффективнее, чем имеющаяся официальная

⁴ Состоялось заседание Координационного совета Правительства Свердловской области по кадровому обеспечению экономики (2023, 29 марта). *Федерация профсоюзов Свердловской области*. Взято 10 апреля 2023, с <https://new.fnpr.org/news/20386/>

⁵ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России (2022). *Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. Взято 10 апреля 2023, с <http://crimestat.ru/analytics>

⁶ Указ Президента РФ № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021, 2 июля). *КонсультантПлюс*. Взято 10 апреля 2023, с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/

статистика, способны помочь установить истинные масштабы нарушений трудовых прав иностранных граждан. Насущную проблему дискриминации иностранных работников в различных ее проявлениях подробно рассматривает В. И. Мукомель (Мукомель, 2008). Е. Вакуленко и Р. Леухин приводят данные, что заработная плата трудовых мигрантов в среднем на 40 % ниже, чем у российских граждан (Вакуленко, Леухин, 2016, с. 131). Итоги социологических опросов, проведенных в Свердловской области в 2017–2018 гг., показывают, что средняя зарплата трудящихся-мигрантов в Екатеринбурге составляла около 29000 руб., в то время как средняя зарплата в регионе находилась на уровне 34339 руб.⁷, что вполне можно расценивать как одно из проявлений дискриминации. Также в ходе эмпирических исследований было выявлено, что 48 % мигрантов в области трудится с грубыми нарушениями законодательства, без оформления в письменной форме трудового договора (Корсаков, 2018, с. 40–41).

Если проанализировать, какие преступления чаще всего совершают трудящиеся-мигранты, и характер допускаемых работодателями нарушений, то вполне легко можно заметить, что одним из детерминантов является низкий уровень защищенности внешних трудовых мигрантов в области труда. Решение этой проблемы в научной литературе вслед за логикой Стратегии национальной безопасности и Концепции миграционной политики видится в усилении акцента миграционной политики на социальной адаптации, интеграции и аккультурации, поскольку по мере этого трудящиеся-мигранты становятся более законопослушными. В качестве возможной меры по их социальной адаптации российскими авторами называется, в частности, улучшение культуры и качества трудовой деятельности, а также уровня социальной защищенности трудящихся-мигрантов (Корсаков, 2019, с. 461).

Социальная интеграция и адаптация как одни из важных направлений миграционной политики государства обладают большим потенциалом в решении острых проблем внешней трудовой миграции. Причем в этой сфере важное значение имеет именно тот инструментарий, которым оперирует наше государство при реализации внутренней политики в сфере труда и содействия занятости населения. Неслучайно в Концепции миграционной политики отдельно выделяются направления, которые касаются развития механизмов организованного привлечения иностранных работников (п. 22), развития инструментов государственной политики в области занятости населения, обеспечения полноты, качества и доступности сведений о возможностях трудоустройства на территории России (п. 25), обеспечения эффективного контроля за соблюдением требований трудового законодательства работодателями, привлекающими и использующими труд иностранных работников, а также обеспечения возможности участия институтов гражданского общества в осуществлении общественного контроля за исполнением миграционного законодательства (п. 26).

Как верно отмечает Е. И. Янгирова, гуманитарный подход, экономический прагматизм и обеспечение национальной безопасности – «три кита, на ко-

⁷ Среднемесячная начисленная зарплата наемных работников в организациях, у ИП и физических лиц (2022). *Федеральная служба государственной статистики*. Взято 10 апреля 2023, с https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

торых должна строиться современная миграционная политика» (Янгирова, 2019, с. 6). Поэтому управление миграционными процессами должно носить интегративный характер, объединяющий инструментарий разных направлений государственной политики: социальной политики, экономической политики и политики обеспечения национальной безопасности. Причем социально ориентированная повестка должна быть «лейтмотивом и рефреном» их корреляции. В этой связи наиболее значимыми для научного изучения представляются вопросы содействия занятости внешних трудовых мигрантов, предупреждение совершения в отношении них нарушений трудового законодательства и гарантирование действенных способов защиты трудовых прав и свобод, учитывающих специфику их правового положения, на чем и сфокусировано настоящее исследование.

Стоит подчеркнуть, что качество правового регулирования – один из факторов, влияющих на эффективность любого полюса внутренней политики государства. Миграционная политика не является исключением. Неслучайно среди условий формирования и реализации миграционной политики в Концепции подробно перечисляются успехи государственной деятельности в период действия предыдущей Концепции 2012 г. в той части, что было усовершенствовано значительное количество инструментов правового регулирования в сфере миграции (п. 11), а в качестве вывода подчеркивается, что «эффективность миграционной политики зависит от качества правового регулирования» (п. 12). Ученые-политологи, занимающиеся в настоящее время вопросами российской миграционной политики, выделяют эти изменения в числе существенных отличий между документами 2012 г. и 2018 г., которые позволяют говорить о качественно новом этапе в развитии национальной политики России в сфере миграции (Неймарк, 2020, с. 503).

Правовая политика является неотъемлемой частью государственной политики, а совершенствование правовых основ в конкретной предметной области непременно становится одной из задач деятельности государства. Д. Ю. Знаменский, применяя системно-динамический подход к исследованию национальной политики, выделяет три ее измерения: пространственное, временное и технологическое. Говоря о пространственном измерении, автор справедливо отмечает принципиальное значение нормативно-правовых и концептуальных основ национальной политики, «поскольку они задают ее основные направления и методы их реализации» (Знаменский, 2014, с. 104).

Вышесказанное обуславливает необходимость определения такого вектора научных исследований, который будет интегрировать рассмотрение не только проблемных вопросов, возникающих при реализации конкретных мероприятий в рамках миграционной политики, но и качества и полноты их нормативного (юридического) регулирования.

Потенциал инструментов национальной политики в области содействия занятости населения

Совершенствование государственной политики в области содействия занятости населения в отношении иностранных граждан в контексте разраба-

тываемой нами концепции управления миграционными процессами следует рассматривать в качестве одного из обязательных компонентов, имеющих превентивную функцию по предупреждению возникновения социальных конфликтов внешних трудовых мигрантов и созданию условий для профилактики преступного поведения как с их стороны, так и в отношении них со стороны работодателей. Тем более, о тесном взаимодействии данного направления социальной политики и миграционной политики не раз упоминается в Концепции 2018 г.

Основные проблемы, которые возникают в этой области, включают наличие безработных иностранных граждан, проживающих в России (уровень безработицы среди мигрантов из стран СНГ составляет 5,1 %⁸); неосведомленность приезжающих с целью заработка относительно того, как можно найти работу и легально трудоустроиться, каковы особенности трудовых отношений (Скачкова, 2013, с. 116); подтверждение квалификации.

Отечественное законодательство в сфере занятости населения позволяет всем категориям иностранных граждан вставать на учет в государственную службу занятости населения (ГСЗН) с целью поиска подходящей работы, а постоянно или временно проживающим на территории РФ иностранцам получить статус безработных и пособие по временной нетрудоспособности. Они могут пользоваться такой услугой, как информирование о положении на рынке труда в РФ, правах и гарантиях в области занятости населения и защиты от безработицы. Им доступны и иные мероприятия, реализуемые в сфере содействия занятости населения. Однако основная проблема заключается не столько в нехватке каких-либо специально созданных для них видов государственных услуг, сколько в том, что процедура их оказания не адаптирована для того, чтобы ими беспрепятственно могли воспользоваться мигранты.

Популяризировать и расширить масштаб охвата услуг ГСЗН среди внешних трудовых мигрантов можно в нескольких направлениях, взаимно дополняющих друг друга. Первое касается повышения уровня информированности иностранных граждан о видах государственных услуг, условиях, порядке и способах их получения, в том числе о цифровых сервисах, с помощью которых ими можно воспользоваться, и об основах трудового законодательства. Второе направление – организационное – предполагает совершенствование межведомственного взаимодействия относительно внешних трудовых мигрантов. В рамках обоих направлений представляется необходимым максимально использовать возможности тех цифровых сервисов и ресурсов, которые уже сейчас применяются в деятельности ГСЗН. К тому же сейчас это является трендом развития любой области государственной политики: практически все документы стратегического планирования фиксируют необходимость поддержания и развития государственных информационных систем, как это сделано, например, в Концепции миграционной политики (пп. 13 и 26).

⁸ Состояние условий труда работников организаций Российской Федерации по отдельным видам экономической деятельности 2022 (2023, 26 апреля). Федеральная служба государственной статистики. Взято 10 апреля 2023, с <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13264>

Базовое значение в этом аспекте имеет единая цифровая платформа (ЕЦП) в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», которая на сегодняшний день уже обладает весьма значительным функционалом и разнообразными сервисами: «Поиск работы», «Справочник востребованных профессий», «Справочная информация», «Опросы и тесты», где есть отдельная вкладка по профессиональной ориентации, и др. В целях решения проблем внешней трудовой миграции следует развивать данный ресурс таким образом, чтобы иностранные граждане, еще находясь на территории своей страны, заблаговременно могли четко определиться с выбором подходящего для них варианта работы и конкретного работодателя, к которому они в дальнейшем целенаправленно поедут. Тем самым будут снижены риски их нетрудоустройства после приезда в Россию, что может побудить к совершению противоправных действий. В этом смысле очень важно проработать момент информирования иностранцев о существовании ЕЦП «Работа в России», ее функционале, в том числе о том, какие услуги могут быть получены иностранными гражданами, когда они еще находятся у себя дома. Как следствие, в рамках совершенствования инструментов государственной политики в области содействия занятости населения стоит определить случаи и условия получения в дистанционном формате государственных услуг иностранными гражданами, которые территориально находятся за границей. Технические возможности для этого уже созданы, поскольку с 2020 г. ЕЦП «Работа в России» используется для регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных.

Саму платформу следует интегрировать с аналогичными базами вакансий, созданными на территории других стран, что автоматически прорекламирует ее среди граждан, проживающих за рубежом. Апробировать такую модель целесообразно внутри государств-участников ЕАЭС и СНГ. К слову, такая идея уже приобрела объективированное воплощение благодаря совместным усилиям представителей сторон социального партнерства (п. 3.1.5 Соглашения между объединениями профсоюзов, работодателей и Правительством⁹). Сейчас на ЕЦП «Работа в России» есть сервис «Иностранная рабочая сила», в котором содержится справочная информация об организованном наборе граждан Узбекистана и Таджикистана. Между правительствами достигнута договоренность использования ЕЦП «Работа в России» в качестве информационного ресурса для размещения определенных в соглашениях об организованном наборе сведений о работодателях, вакансиях, требованиях к соискателям и условиях труда. Вместе с тем интеграция российской платформы с базами вакансий данных государств пока не осуществляется.

В целях повышения уровня информированности иностранцев содержательное наполнение ЕЦП «Работа в России» нуждается в дополнении той информацией, которая имеет значение для легального и гарантированного

⁹ Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ на 2021–2023 годы (2021, 31 марта). *КонсультантПлюс*. Взято 10 апреля 2023, с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381237/aa78541801a1cf8867fe174d1c15c212b7d47720/

трудоустройства мигрантов, в том числе следует усовершенствовать возможности поиска вакансий по заданным фильтрам.

Для решения обозначенной задачи может использоваться и другая государственная информационная система – [Онлайнинспекция.рф](https://onlineinspektion.ru/). У нее также есть полезные для иностранных граждан сервисы: памятки с разъяснением действующего трудового законодательства; бланки трудовых документов; сервис по самостоятельной проверке работодателем требований трудового законодательства; сервис для направления жалоб в государственную инспекцию труда и др.

Для получения разрешения на работу (патента) мигранты должны подтвердить владение русским языком, знание истории России и основ российского законодательства¹⁰. В части последнего основной акцент сделан на требованиях миграционного законодательства. В целях совершенствования информационного сегмента миграционной политики полагаем необходимым для лиц, желающих работать в России, усилить компонент знаний об основных правах, свободах и обязанностях иностранных граждан углубленными знаниями о трудовом законодательстве, в том числе способах защиты трудовых прав и свобод работников, о государственных информационных ресурсах в сфере содействия занятости населения и их функционале. В качестве альтернативы данному предложению можно задуматься о создании на ЕЦП «Работа в России» специального образовательного ресурса.

Еще одним направлением развития инструментов государственной политики в области содействия занятости населения в отношении внешних трудовых мигрантов должно стать усиление возможности использования ЕЦП «Работа в России» как информационной системы для осуществления электронного кадрового документооборота. В настоящее время использование такой формы документооборота является добровольным для российских работодателей. Однако целесообразно сделать это обязательным для случаев использования работодателем иностранной рабочей силы. Причем это должно касаться не только трудовых, но и гражданско-правовых договоров, опосредующих применение труда мигрантов. Такой переход позволит усовершенствовать межведомственное взаимодействие между различными органами государственной власти в целях осуществления контроля за соблюдением требований миграционного и трудового законодательства работодателями, использующими труд иностранцев.

Региональная политика в области содействия занятости населения также нуждается в совершенствовании. Серьезным упущением следует считать отсутствие в документах стратегического планирования субъектов РФ, заин-

¹⁰ Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (2002, 25 июля). *КонсультантПлюс*. Взято 10 апреля 2023, с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/; Постановление Правительства РФ № 840 «Об утверждении требований к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации» (2021, 31 мая). *КонсультантПлюс*. Взято 10 апреля 2023, с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385626/

тересованных в привлечении иностранной рабочей силы, таких индикаторов, с помощью которых можно было бы проводить мониторинг обеспечения достойных условий труда для привлекаемых на территорию региона иностранных граждан: осуществление ГСЗН деятельности по информированию о положении на рынке труда, правах и гарантиях в области занятости населения и защиты от безработицы, по организации профессиональной ориентации в целях выбора сферы деятельности (профессии), по поиску подходящей работы; отсутствие допущенных в отношении мигрантов нарушений трудового законодательства, отсутствие с их стороны правонарушений по причинам, связанным с нарушением их трудовых прав и свобод. В противном случае такие индикаторы не объективируются в документах стратегического планирования, а значит, на их решение не выделяются бюджетные средства, их выполнение не контролируется. В Свердловской области в настоящее время предусмотрен только один такой индикатор – численность иностранных граждан, обратившихся за информацией о возможностях трудоустройства на предприятиях области.

**Роль профессиональных союзов
в реализации направлений национальной политики
по декриминализации и демаргинализации сообщества
внешних трудовых мигрантов**

Профсоюзы как институт гражданского общества обладают большим потенциалом в деле профилактики правонарушающего поведения со стороны внешних трудовых мигрантов. Отмечается, что общество возлагает большие надежды на профсоюзы как на один из наиболее организованных институтов гражданского общества в ситуациях, когда политические партии не могут эффективно решить проблемы, возникающие между властными структурами и институтами гражданского общества (Шмарион, 2019, с. 78). Политолог В. А. Волох подчеркивает, что «важнейшим приоритетом стратегии развития миграционной политики должно быть именно формирование и развитие институтов гражданского общества» (Волох, 2021, с. 13). Российские профсоюзы, хотя и не позиционируют себя как часть политической системы, де-факто имеют необходимый ресурс, позволяющий быть активными участниками, акторами политического процесса (Гревцова, 2014, с. 69).

Роль профсоюзов в реализации миграционной политики и политики по обеспечению национальной безопасности в части профилактики преступного поведения трудящихся-мигрантов и совершения в отношении них противоправных деяний в сфере труда раскрывается в следующих аспектах. Во-первых, они имеют право активно участвовать в формировании политики в сфере труда и содействия занятости населения на разных уровнях (начиная с федерального и заканчивая локальным, т. е. уровнем конкретного работодателя). Это означает, что у профсоюзов, особенно тех, которые создаются самими внешними трудовыми мигрантами, есть возможность лоббировать их интересы и содействовать принятию выгодных для них политических решений. Во-вторых, профсоюзы обладают специфическим функционалом и на сле-

дующих стадиях развития политики, осуществляя защитные, контрольные, просветительские и иные функции. Рассмотрим данные положения подробнее.

Первичная профсоюзная организация на локальном уровне социального партнерства может влиять на решения, принимаемые работодателем в отношении иностранного работника, ставшего ее членом: высказывать свое мнение относительно увольнения мигранта по пп. 2, 3 и 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ¹¹, а в некоторых случаях даже давать или нет свое согласие на его увольнение, что имеет для работодателя обязательную силу; профсоюзы могут осуществлять в отношении мигрантов текущий профсоюзный контроль, в том числе со стороны своих правовых и технических инспекций; такие работники могут помочь профсоюзу обеспечить объединение большинства работников у конкретного работодателя, ввиду чего работодатель будет обязан учитывать его мнение при принятии локальных нормативных актов и решении ряда кадровых вопросов. Тем самым профсоюз сможет влиять на содержание принимаемых работодателем правовых решений, обеспечивающих достойный уровень условий труда для иностранных граждан. Профсоюз может обратиться от имени работника-мигранта в орган по рассмотрению индивидуального трудового спора, причем такой работник может не быть членом профсоюза (ст. 23 Федерального закона № 10-ФЗ¹²). К сожалению, судебная практика пока не признает возможность обращения профсоюза в защиту неопределенного круга работников, на что неоднократно указывалось исследователями (см., например: Сошникова, 2014, с. 98). Многие профсоюзы, помимо защитных и представительских полномочий, активно занимаются культурно-массовой, физкультурно-оздоровительной работой, правовым просвещением своих членов, оказанием им юридической и материальной помощи.

На иных уровнях социального партнерства профсоюзы, членами которых являются мигранты, разными способами могут влиять на принятие политико-правовых решений. Чаще всего это происходит в рамках формирования государственной политики в сфере труда и содействия занятости населения. Они могут рассматривать проекты нормативных правовых актов, программ социально-экономического развития и иных актов в сфере труда федерального, регионального и местного уровня в соответствующих комиссиях по регулированию социально-трудовых отношений; предлагать органам государственной власти и местного самоуправления принять нормативные правовые акты в сфере труда и участвовать в их обсуждении (но при этом у них нет права самостоятельной законодательной инициативы); участвовать в осуществлении задач координационных комитетов содействия занятости населения или межведомственных комиссий; инициировать проведение с органами исполнительной власти и работодателями взаимных консультаций по проблемам занятости

¹¹ Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ (2001, 30 декабря). *КонсультантПлюс*. Взято 10 апреля 2023, с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

¹² Федеральный закон № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (1996, 12 января). *КонсультантПлюс*. Взято 10 апреля 2023, с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/

населения, включая иностранных работников, а по итогам таких консультаций заключать соглашения, предусматривающие мероприятия, направленные на содействие занятости населения; представлять интересы работников при заключении коллективных договоров и соглашений.

Возникает закономерный вопрос, в чем заключается интерес профсоюзов в распространении своей деятельности на мигрантов, ведь многие профсоюзы, наоборот, настроены против из-за боязни ущемить российских граждан на рынке труда. К слову, такие настроения носят универсальный характер и характерны для профсоюзного движения в государствах, входящих в число лидеров по внешней трудовой миграции (Бурда и др., 2020, с. 42). Ранее уже говорилось о проблеме дискриминации внешних трудовых мигрантов, особенно в части размера заработной платы. Отстаивая трудовые права иностранных работников, российские профсоюзы могли бы помочь решить проблему социального демпинга. Иными словами, благотворно влияя на условия труда мигрантов, они одновременно способствуют поддержанию достойного уровня условий труда непосредственно российских работников. В аспекте профсоюзной защиты иностранных граждане не должны рассматриваться как конкуренты для российских граждан. Попутно отметим, что в России идея создания профсоюзов среди мигрантов достаточно активно реализуется на практике. Так, в Свердловской области с 2019 г. успешно действует профсоюзная организация «Независимый межрегиональный профсоюз трудовых мигрантов».

В целях совершенствования правовых механизмов реализации социальной и миграционной политики государству необходимо разрешить обнаружившуюся неопределенность в том, все ли категории иностранных работников могут быть членами российских профсоюзов и пользоваться их защитой. В п. 4 ст. 2 Федерального закона № 10-ФЗ указано, что иностранные граждане и лица без гражданства, проживающие на территории России, могут состоять в российских профсоюзах, за исключением случаев, установленных федеральными законами или международными договорами РФ. Возникает вопрос относительно толкования того, каких лиц следует относить к числу проживающих на территории России. Можно ли к ним относить временно пребывающих иностранцев?

С точки зрения буквы международных договоров, отсутствие возможности у мигрантов, временно пребывающих на территории России, вступать в профсоюзы является нарушением их основополагающих трудовых прав. Вместе с тем в научной литературе обоснованно указывается, что в отсутствии разрешения таким мигрантам вступать в профсоюзы есть своя логика. Прежде всего она кроется в необходимости обеспечения национальной безопасности, поддержании оптимального баланса трудовых ресурсов, содействию в приоритетном порядке трудоустройству российских граждан и решении других задач внутренней и внешней политики государства (Кузнецов, 2014, с. 453). В.В. Коробченко и В.А. Сафонов выделяют также «отсутствие у данных лиц длительной связи с Россией, сиюминутный характер их интересов в сфере труда» (Коробченко, Сафонов, 2019, с. 36).

Стоит также отметить, что в правовой политике поддерживается подход, согласно которому временно пребывающие иностранцы не могут вступать

в российские профсоюзы. Но и деятельность иностранных профсоюзов, членами которых они могут быть, на территории нашего государства юридически практически невозможна (Сафонов, Коробченко, 2019, с. 168–169). В такой ситуации эта категория внешних трудовых мигрантов может реализовать свои коллективные трудовые права посредством избрания иного представителя, о чем говорится в ст. 31 ТК РФ. Однако его права значительно урезаны в сравнении с тем, что могут делать профсоюзы, особенно если они объединяют более половины работников. К тому же иной представитель может функционировать только на локальном уровне социального партнерства. Таким образом, он не может быть полноценным актором политического процесса. Поэтому особого смысла в его создании для внешних трудовых мигрантов, временно пребывающих в России, думается, нет.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что в полном объеме закрывать мигрантам доступ к вступлению в профсоюзы нецелесообразно. Допустимо установить разумные ограничения в тех аспектах, которые могут быть использованы иностранными гражданами в случае выступления их в роли проводников для реализации интересов других государств с целью осуществления политической борьбы, дестабилизации экономической ситуации и социального спокойствия в российском обществе, а также деятельности конкретного работодателя и рисков затягивания процедуры увольнения самого иностранного гражданина. Например, запретить создавать профсоюз исключительно временно пребывающими иностранными гражданами, установить максимально допустимую долю членства в составе действующего профсоюза с одновременным недопущением их в состав выборного органа первичной профсоюзной организации, запретить участвовать в проводимой забастовке и т. п.

Эффективной деятельности профсоюзов мешает множество факторов, среди которых особую озабоченность вызывает отсутствие у них согласительных полномочий. Однако сегодня они сохраняют статус института, посредством которого, с одной стороны, может быть решен ряд задач государственной политики без привлечения органов государственной власти, с другой – выявляется мнение целевой аудитории, которое транслируется органам государственной власти. Тем самым профсоюз становится одной из форм политического участия внешних трудовых мигрантов, также создаются условия для обеспечения конструктивного взаимодействия между государством и гражданским обществом в политическом процессе. Решение вопросов социально-трудовой защищенности мигрантов с помощью инструментов социального партнерства благотворно повлияет на реализацию политики миграционной безопасности.

Обеспечение эффективного государственного контроля за соблюдением трудового законодательства работодателями, использующими труд иностранных работников

Организационный механизм взаимодействия социальной политики, миграционной политики и политики по обеспечению национальной безопасности требует рассмотрения особенностей деятельности специальных органов, наделенных контрольно-надзорными полномочиями. На сегодняшний день

федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства¹³ является более надежным и доступным инструментом реализации государственной политики в части решения проблемы криминального поведения трудящихся-мигрантов.

Во-первых, проводимые государственными инспекциями труда (ГИТ) по субъектам РФ плановые и внеплановые проверки деятельности работодателей могут осуществляться без жалобы от конкретного работника (например, на основании требования прокуратуры). Во-вторых, государство в последние годы заметно смещает курс в сторону превентивной функции в осуществлении контрольно-надзорной деятельности. Именно она выходит на первый план как наиболее эффективная в решении проблемы профилактики противоправного поведения в отношении трудовых мигрантов со стороны работодателей и, как следствие, снижения уровня преступности среди данной группы населения. В этой связи повышается значение профилактических мероприятий, осуществляемых ГИТ, особенно в части объявления предостережения и профилактического визита.

Вместе с тем эффективная реализация миграционной политики и политики по обеспечению национальной безопасности в части декриминализации поведения мигрантов требует совершенствования порядка осуществления ГИТ контрольных полномочий. Так, среди критериев отнесения подконтрольных объектов к определенной категории риска отсутствует критерий использования труда иностранной рабочей силы. Как следствие, если работодатель относится к категории низкого риска, то в отношении него вообще не проводятся плановые контрольные (надзорные) мероприятия. Данное основание также не является самостоятельным для обязательного профилактического визита в отношении работодателей, использующих труд иностранных граждан. Кроме того, с марта 2022 г. и до 2030 г. в России действует мораторий на плановые проверки в отношении работодателей. Внеплановые проверки могут быть проведены только по определенному перечню оснований и при условии согласования с прокуратурой. Таким основанием может быть, например, непосредственная угроза причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан или факты причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью. Вместе с тем конкретные критерии, что к этому может быть отнесено, не установлены. Очевидно, что это нарушения требований охраны труда. Но ограничивается ли данное основание только указанными случаями? Роструд считает, что оценка обоснованности внеплановой проверки по данному основанию должна проводиться прокуратурой индивидуально. Это значит, что ответ на сформулированный вопрос остается открытым. Мы полагаем необходимым учитывать факт использования иностранной рабочей силы как в рамках риск-ориентированного подхода при организации контрольно-надзорных мероприятий в отношении работодателей, так и в период действия моратория на осуществление проверок.

¹³ Постановление Правительства РФ № 1230 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» (2021, 21 июля). *КонсультантПлюс*. Взято 10 апреля 2023, с https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_391463/

Структуры институционального обеспечения социальной политики, миграционной политики и политики по обеспечению национальной безопасности достаточно автономны. Однако решение вопросов профилактики криминального поведения внешних трудовых мигрантов предполагает налаживание механизма взаимодействия между различными отраслевыми ведомствами и четкого разграничения между ними полномочий. Ранее было установлено сотрудничество между ГИТ и Федеральной миграционной службой. Несмотря на расформирование данной службы такое межведомственное взаимодействие должно развиваться и далее, а в рамках формирования правовых основ реализации социальной политики, миграционной политики и политики по обеспечению национальной безопасности необходимо обеспечивать четкое разграничение полномочий компетентных органов. При этом усиление роли ГИТ в реализации миграционной политики необходимо, что будет подчеркивать ее социально ориентированный характер.

Заключение

Конструируемая сегодня российской властью при содействии научного сообщества новая концепция национальной политики в области внешней трудовой миграции требует комплексного и системного подхода. Особое значение имеют вопросы социальной адаптации и интеграции внешних трудовых мигрантов в России, а также предупреждения их конфликтов с представителями местного населения и профилактики преступного поведения как со стороны самих трудящихся-мигрантов, так и со стороны автохтонов в отношении первых. Следует согласиться с мнением, что нарушение трудовых прав и свобод иностранных граждан является одним из факторов, детерминирующих совершение ими противоправных деяний. Выход из сложившейся проблемной ситуации может состоять в совершенствовании институтов внутренней государственной политики в области содействия занятости населения в отношении иностранных граждан, желающих работать на территории России, а также в усилении роли профсоюзов в реализации социальной политики по вопросам, сопряженным с целями и задачами миграционной политики, в модернизации деятельности контрольно-надзорных органов (особенно в части профилактики нарушений трудового законодательства работодателями, использующими иностранную рабочую силу). При разработке в выбранном направлении конкретных мероприятий должна учитываться не только специфика правового статуса внешних трудовых мигрантов, но и их демографические и социологические характеристики, что позволит заранее учесть риски, возникающие в области миграционной безопасности, и тем самым их минимизировать. В большей степени данная задача сводится к необходимости усиления роли превентивной функции правовой политики в сфере труда и содействия занятости населения в отношении трудящихся-мигрантов.

Результаты проведенного исследования демонстрируют несовершенство проводящейся сегодня государственной политики в сфере труда и содействия занятости населения с точки зрения способности положительно повлиять на декриминализацию общественных отношений, субъектами которых явля-

ются трудящиеся-мигранты. Весь комплекс сформулированных рекомендаций образует сложную систему, состоящую из нескольких уровней: программно-стратегический – корректировка действующих документов стратегического планирования в области содействия занятости населения и сфере труда; законодательный – модернизация законодательства о занятости населения, трудового и административного законодательства; правоприменительный – изменение подходов в применении норм трудового права; институциональный – создание специальных координационных органов для более эффективной организации межведомственного взаимодействия, развитие социального партнерства, включая профсоюзное движение; организационный – совершенствование технического обеспечения деятельности уполномоченных субъектов и порядка осуществления отдельных процедур за счет внедрения цифровых технологий.

Подводя итог, отметим, что, помимо рассмотренных проблемных аспектов содействия занятости населения и защиты трудовых прав и свобод иностранных граждан, перспективными направлениями исследований в изучаемой области являются также организованный набор иностранных граждан, использование труда иностранных работников в дистанционном формате, социальная ответственность работодателей, концепция социального инвестирования и ряд других компонентов, которые наравне с другими могут быть гармонично встроены в разрабатываемую сегодня новую концепцию национальной политики в области миграционных отношений.

Список литературы

1. Бурда, М. А., Михайлова, Н. В., Гришин, О. Е. (2020). Инициативы президента Д. Трампа в контексте формирования и реализации иммиграционной политики США. *Этносоциум и межнациональная культура*, (6), 40–49.
2. Вакуленко, Е., Леухин, Р. (2016). Дискриминируются ли иностранные работники на российском рынке труда? *Экономическая политика*, 11(1), 121–142. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-1-08>
3. Волох, В. А. (2021). Связь с общественностью: развитие институтов гражданского общества. *Вестник Института мировых цивилизаций*, 12(1), 11–16.
4. Гревцова, Д. В. (2014). Участие профсоюзов в политическом процессе современной России. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, (2), 69–74.
5. Гриняев, С. Н., Мареев, П. Л., Медведев, Д. А. (2021). *Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат*. М.: АНО ЦСОиП.
6. Знаменский, Д. Ю. (2014). Системно-динамический подход к исследованию процесса формирования и реализации государственной политики. *Теория и практика общественного развития*, (12), 104–106.
7. Кокошин, А. А. (2014). *Методологические проблемы прогнозирования в интересах национальной безопасности России*. М.: Институт востоковедения РАН.
8. Коробченко, В. В., Сафонов, В. А. (2019). Реализация иностранными гражданами права на объединение в профессиональные союзы: проблемы

и пути решения. *Сибирское юридическое обозрение*, 16(1), 36–42. <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2019-16-1-36-42>

9. Корсаков, К.В. (2014). Парадигмальный фон дискурса об абсолютном и утилитарном в уголовном наказании. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*, 14(1), 119–132.

10. Корсаков, К.В. (2017). О государственной политике в отношении трудящихся-мигрантов в современной России. *Российское право: образование, практика, наука*, (3), 29–32.

11. Корсаков, К.В. (2018). Трудящиеся-мигранты на рынке труда Уральского региона: неочевидные плюсы и очевидные минусы. В С.А. Маковкина (Ред.), *Экономика счастья в формате ABLE: искусство, бизнес, право, экономика: Сборник научных трудов по итогам XIV Международной научно-практической конференции (27–28 ноября 2018 г., Екатеринбург)* (с. 40–42). Екатеринбург: Уральский институт управления – филиал РАНХиГС.

12. Корсаков, К.В. (2019). Эффективные формы и средства предупреждения криминальной активности трудящихся-мигрантов в России. *Всероссийский криминологический журнал*, 13(3), 455–464. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(3\).455-464](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(3).455-464)

13. Кузнецов, Г.А. (2014). Права временно пребывающих иностранных граждан на участие в российских профессиональных союзах. *Ежегодник трудового права*, (9), 446–454.

14. Мукомель, В.И. (2008). Миграционная политика и политика интеграции: социальное измерение. *Россия реформирующаяся*, (7), 250–272.

15. Неймарк, М.А. (2020). Миграционная политика России: новые точки отсчета. *Проблемы постсоветского пространства*, 7(4), 495–507. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-495-507>

16. Сафонов, В.А. (2019). Реализация коллективных трудовых прав иностранными гражданами. В Е.Б. Хохлов, Е.В. Сыченко (Ред.), *Правовое регулирование социально-трудовых отношений с иностранными гражданами: междисциплинарный подход*. (с. 154–180). М.: Юстицинформ.

17. Скачкова, Г.С. (2013). Труд иностранцев в России: проблемы и перспективы правового регулирования (обзор научно-практической конференции). *Государство и право*, (5), 113–119.

18. Сошникова, Т.А. (2014). *Пути повышения роли профессиональных союзов в современной России*. М.: Издательство Московского гуманитарного университета.

19. Черепашкин, А.С. (2015). Криминологическая характеристика преступности трудовых мигрантов. *Виктимология*, (4), 15–18.

20. Чудиновских, О.С. (2020). Оценки масштабов нелегальной миграции в России: возможные подходы и источники информации. *Вопросы статистики*, 27(1), 8–28. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-8-28>

21. Шмарион, Ю.В. (2019). Особенности профсоюза как института гражданского общества. *Гуманитарные исследования центральной России*, (4), 72–81. <https://doi.org/10.24411/2541-9056-2019-00009>

22. Янгирова, Е.И. (2019). Направления совершенствования социально

ориентированной политики в отношении мигрантов в РФ. *Экономика и управление: научно-практический журнал*, (2), 6–9.

References

1. Burda, M. A., Mixajlova, N. V., & Grishin, O. E. (2020). Iniciativy prezidenta D. Trampa v kontekste formirovaniya i realizacii immigracionnoj politiki SSH [President's initiative D. Trump in the context of the formation and implementation of US immigration policy]. *E'tnosocium i mezhnacional'naya kul'tura*, (6), 40–49.
2. Cherepashkin, A. S. (2015). Kriminologicheskaya xarakteristika prestupnosti trudovyx migrantov [Criminological characteristic of crime of labor migrants]. *Viktimologiya*, (4), 15–18.
3. Chudinovskikh, O. S. (2020). Ocenki masshtabov nelegal'noj migracii v Rossii: vozmozhnye podxody i istochniki informacii [Assessing the scale of illegal migration in Russia: Possible approaches and sources of information]. *Voprosy statistiki*, 27(1), 8–28. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-1-8-28>
4. Grevtsova, D. V. (2014). Uchastie profsoyuzov v politicheskom processe sovremennoj Rossii [Participation of trade unions in the political process of modern Russia]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, (2), 69–74.
5. Grinyaev, S. N., Mareev, P. L., & Medvedev, D. A. (2021). *Nacional'naya bezopasnost' Rossii: sushhnost', vidy, ponyatijnyj apparat* [National security of Russia: Essence, types, conceptual apparatus]. Moscow: ANO CSOIP.
6. Kokoshin, A. A. (2014). *Metodologicheskie problemy prognozirovaniya v interesah nacional'noj bezopasnosti Rossii* [Methodological problems of forecasting in the interests of national security of Russia]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN.
7. Korobchenko, V. V., & Safonov, V. A. (2019). Realizaciya inostrannymi grazhdanami prava na ob»edinenie v professional'nye soyuzy: problemy i puti resheniya [The realization by foreign citizens of the right to unite in labor unions: Problems and solutions]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 16(1), 36–42. <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2019-16-1-36-42>
8. Korsakov, K. V. (2014). Paradigmalnyj fon diskursa ob absolyutnom i utilitarnom v ugovnom nakazanii [Paradigmatic background of the discourse on the absolute and utilitarian in criminal punishment]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, 14(1), 119–132.
9. Korsakov, K. V. (2017). O gosudarstvennoj politike v otnoshenii trudyashhixsya-migrantov v sovremennoj Rossii [About the state policy in respect of migrant workers in contemporary Russia]. *Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, (3), 29–32.
10. Korsakov, K. V. (2018). Trudyashhiesya-migranty na rynke truda Ural'skogo regiona: neochevidnye plyusy i ochevidnye minusy [Migrant workers in the labor market of the Ural region: Non-obvious advantages and obvious disadvantages]. In S. A. Makovkina (Ed.), *E'konomika schast'ya v formate ABLE: iskusstvo, biznes, pravo, e'konomika: Sbornik nauchnyx trudov po itogam XIV Mezhdunarodnoj*

nauchno-prakticheskoy konferencii (27–28 noyabrya 2018 g., Ekaterinburg) (pp. 40–42). Ekaterinburg: Ural'skij institut upravleniya – filial RANXiGS.

11. Korsakov, K. V. (2019). E'ffektivnye formy i sredstva preduprezhdeniya kriminal'noj aktivnosti trudyashixsya-migrantov v Rossii [Effective forms and means of preventing criminal activity of migrant workers in Russia]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, 13(3), 455–464. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13\(3\).455-464](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2019.13(3).455-464)

12. Kuznetsov, G. A. (2014). Prava vremenno prebyvayushhix inostrannyx grazhdan na uchastie v rossijskix professional'nyx soyuzax [Rights of temporarily staying foreign citizens to participate in the Russian trade unions]. *Ezhegodnik trudovogo prava*, (9), 446–454.

13. Mukomel, V. I. (2008). Migracionnaya politika i politika integracii: social'noe izmerenie [Migration policy and integration policy: Social dimension]. *Rossiia reformiruyushhayasya*, (7), 250–272.

14. Neimark, M. A. (2020). Migracionnaya politika Rossii: novye tochki otscheta [Russian migration policy: New starting points]. *Problemy postsovet'skogo prostranstva*, 7(4), 495–507. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-495-507>

15. Safonov, V. A. (2019). Realizaciya kollektivnyx trudovyx prav inostrannymi grazhdanami [Implementation of collective labor rights by foreign citizens]. In E. B. Xoxlov, & E. V. Sychenko (Eds.), *Pravovoe regulirovanie social'no-trudovyx otnoshenij s inostrannymi grazhdanami: mezhdisciplinarnyj podxod* (pp. 154–180). Moscow: Yusticinform.

16. Shmarion, Yu. V. (2019). Osobennosti profsoyuza kak instituta grazhdanskogo obshhestva [Peculiar features of the trade union as an institution of civil society]. *Gumanitarnye issledovaniya central'noj Rossii*, (4), 72–81. <https://doi.org/10.24411/2541-9056-2019-00009>

17. Skachkova, G. S. (2013). Trud inostrancev v Rossii: problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya (obzor nauchno-prakticheskoy konferencii) [Work of foreign employees in the Russian Federation: Problems and perspectives of legal regulation (survey of the scientific and practice conference)]. *Gosudarstvo i pravo*, (5), 113–119.

18. Soshnikova, T. A. (2014). *Puti povysheniya roli professional'nyx soyuzov v sovremennoj Rossii* [Ways to increase the role of trade unions in modern Russia]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta.

19. Vakulenko, E., & Leukhin, R. (2016). Diskriminiruyutsya li inostrannye rabotniki na rossijskom rynke truda? [Wage discrimination against foreign workers in Russia]. *E'konomicheskaya politika*, 11(1), 121–142. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2016-1-08>

20. Volokh, V. A. (2021). Svyaz' s obshhestvennost'yu: razvitie institutov grazhdanskogo obshhestva [Public relations: Development of civil society institutions]. *Vestnik Instituta mirovyx civilizacij*, 12(1), 11–16.

21. Yangirova, E. I. (2019). Napravleniya sovershenstvovaniya social'no orientirovannoj politiki v otnoshenii migrantov v RF [Directions of the improvement of the socially-oriented policy in relation to the migrants in Russia]. *E'konomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal*, (2), 6–9.

22. Znamenskij, D. Yu. (2014). Sistemno-dinamicheskij podxod k issledovaniyu

processa formirovaniya i realizacii gosudarstvennoj politiki [Dynamic system approach to the process of elaboration and implementation of state policy]. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*, (12), 104–106.

Информация об авторах

Константин Викторович Корсаков, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

Алена Вадимовна Серова, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7444-9690>, e-mail: a.v.serova@usla.ru

Information about the authors

Konstantin Viktorovich Korsakov, Candidate of Juridical Sciences, Senior Researcher, Department of Law, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

Alena Vadimovna Serova, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Departments of Labor Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7444-9690>, e-mail: a.v.serova@usla.ru

УДК 327.8+341.23

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_127

ОБ ИТОГАХ КРУГЛОГО СТОЛА «МЯГКАЯ СИЛА» РОССИИ И ИНДИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ»

Александр Олегович Наумов,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
naumovao@my.msu.ru

Наталья Вадимовна Андреева,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
andreevanv@spa.msu.ru

Получена 10.05.2023.

Поступила после рецензирования 25.05.2023.

Принята к публикации 07.06.2023.

Для цитирования: Наумов А.О., Андреева Н.В. Об итогах круглого стола «Мягкая сила» России и Индии: общее и особенное» // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 127–141. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_127

© Наумов А.О., Андреева Н.В., 2023

Аннотация

Статья представляет собой обзор круглого стола «Мягкая сила» России и Индии: общее и особенное», прошедшего на факультете государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова в феврале 2023 г. и собравшего представителей различных российских научно-образовательных центров. Российская Федерация и Республика Индия являются уникальными государствами-цивилизациями с богатейшим культурно-историческим наследием. В настоящее время, в эпоху масштабной геополитической перестройки, динамичное развитие российско-индийских отношений представляет большую ценность для обеих стран и приобретает особую актуальность. В ходе выступлений на круглом столе были проанализированы ключевые параметры измерений «мягкой силы» ведущих государств, включая Россию и Индию, определены приоритеты «мягкосиловой» политики Индии в Центральной Азии, освещены вопросы, связанные с цифровой и медийной дипломатией Москвы и Нью-Дели, обозначены основные институты и направления индийской стратегии «мягкой силы» и публичной дипломатии в России. Докладчики обратили внимание и на ряд трудностей, с которыми сталкиваются Россия и Индия при реализации политики в данной области, включая сравнительно недавнее начало ее полноценного использования на международной арене и связанные с этим проблемы институционального характера. Участники круглого стола пришли к выводу, что, несмотря на множество цивилизационных различий, Российская Федерация и Республика Индия обладают огромным потенциалом «мягкой силы», который они пытаются реализовывать по схожим направлениям как на международной арене, так и в рамках двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова:

Россия, Индия, «мягкая сила», публичная дипломатия, цифровая дипломатия, медийная дипломатия, межкультурное сотрудничество.

Благодарности:

исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

UDC 327.8+341.23

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_127

THE RESULTS OF THE ROUND TABLE “SOFT POWER OF RUSSIA AND INDIA: COMMONALITIES AND DIFFERENCES”

Aleksandr O. Naumov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
naumovao@my.msu.ru

Natalia V. Andreeva,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
andreevanv@spa.msu.ru

Received 10.05.2023.

Revised 25.05.2023.

Accepted 07.06.2023.

For citation: Naumov, A.O., Andreeva, N.V. (2023). The Results of the Round Table “Soft Power of Russia and India: Commonalities and Differences”. *Discourse-P*, 20(2), 127–141. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_127

Abstract

The article is an overview of the round table “Soft power of Russia and India: Commonalities and differences”, held at the Faculty of Public Administration of Lomonosov Moscow State University in February 2023. This event brought together representatives from various Russian scientific and educational centers. The Russian Federation and the Republic of India are unique civilization states with rich cultural and historical heritage. In the current era of massive geopolitical restructuring, the dynamic development of Russian-Indian relations is of great value for both countries and is becoming particularly relevant. The speakers analyzed the key parameters measuring the soft power of leading states, including Russia and India. The priorities of India’s soft power policy in Central Asia were determined, the issues related to digital and media diplomacy of Moscow and New Delhi were highlighted, and the main institutions and directions of India’s soft power and public diplomacy in Russia were outlined. The reporters also drew attention to a number of difficulties faced by Russia and India in implementing their policies in this area, including the relatively recent start of their full-fledged use in the international arena and associated institutional problems. The roundtable participants came to the conclusion, that despite a lot of civilizational differences, the Russian Federation and the Republic of India have enormous soft power potential, which they are trying to implement in similar areas both on the international stage and in bilateral cooperation.

Keywords:

Russia, India, soft power, public diplomacy, digital diplomacy, media diplomacy, intercultural cooperation.

Acknowledgments:

the study was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of World Cultural and Historical Heritage”.

Введение

Круглый стол «Мягкая сила» России и Индии: общее и особенное» состоялся 6 февраля 2023 г. на факультете государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. Он был организован Центром изучения проблем «мягкой силы» и «цветных революций», став очередным научным мероприятием в рамках реализации проекта, направленного на изучение потенциала «мягкой силы» России и зарубежных стран, и первым, в ходе которого в качестве объекта сравнительного анализа было выбрано азиатское государство – Республика Индия. Участники – преподаватели и научные сотрудники, аспиранты и студенты МГУ, Института философии и права Уральского отделения РАН, Государственного академического университета гуманитарных наук, Российского государственного гуманитарного университета, Российского университета дружбы народов, Тюменского государственного университета – обсудили вопросы, связанные с особенностями российского и индийского подходов к проведению «мягкосиловой» политики, проанализировали перспективы взаимодействия двух стран в культурной и социогуманитарной сферах.

Как известно, понятие «мягкая сила» три десятилетия назад ввел в научный оборот американский политолог Дж. Най-младший. Он определял ее как способность добиваться желаемых результатов посредством воздействия на поведение других акторов не путем принуждения или подкупа, а с помощью убеждения, опираясь при этом на культурную привлекательность государства, его политические ценности и внешнюю политику, которая является легитимной и обладает моральным авторитетом (Nye, 2004, p. x). В современных условиях кризиса системы международных отношений, обусловленного завершением периода униполярной гегемонии Запада и созданием основанного на многополярности нового мирового порядка, государства все чаще прибегают к инструментам «жесткой силы». Однако «мягкая сила» продолжает играть существенную роль во внешнеполитических стратегиях ведущих акторов мировой политики. Не являются исключением Российская Федерация и Республика Индия.

Актуальность выбранной участниками круглого стола тематики – сравнение «мягкосилового» потенциала России и Индии – определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, обе страны имеют долгую историю сотрудничества и дружбы, которая берет свое начало еще в годы холодной войны. Сегодня

Индия и Россия продолжают поддерживать тесные отношения во многих сферах, включая политику, экономику, военно-техническое сотрудничество, науку, культуру; наблюдается быстрый рост объемов двусторонней торговли. Во-вторых, Москва и Нью-Дели являются важными центрами мирового развития, имеют схожие взгляды на международные вопросы, выступая за создание подлинно многополярного мира, основанного на принципах суверенитета, равенства и взаимоуважения. Наконец, Россия и Индия обладают мощнейшим потенциалом «мягкой силы», который, правда, пока используется ими далеко не в полной мере.

В рамках круглого стола участники обсудили как теоретические, так и практические вопросы, связанные с особенностями использования инструментов и технологий «мягкой силы» обеих стран, перспективами их взаимодействия в рамках культурной, образовательной, цифровой и медийной дипломатии. Стоит отметить, что основные участники дискуссии в своих публикациях уже обращались к различным сюжетам, которые непосредственно связаны с темой круглого стола. Так, О. Ф. Русакова и ее коллеги анализировали концептуальные стратегии «мягкой силы» и ее информационно-коммуникативные компоненты (Русакова, Грибовод, 2019; Русакова, Ковба, 2016; Русакова, Русаков, 2017). А. О. Наумов исследовал идейные истоки, современные инструменты и механизмы реализации индийской стратегии «мягкой силы» (Наумов, Положевич, 2018а, 2018b), а также в соавторстве с Н. В. Андреевой рассматривал теоретические вопросы, связанные с зарождением и развитием публичной дипломатии как ключевого инструмента «мягкой силы» (Наумов и др., 2023). Большой вклад в разработку проблемы «мягкой силы» Индии внесла Н. Н. Емельянова, которая в своих работах (Емельянова, 2017, 2018а, 2018b) сделала акцент на изучении различных аспектов «мягкой силы» во внешней политике Республики Индия. Наконец, Б. М. Волхонский занимался вопросами участия Индии в интеграционных процессах на евразийском пространстве (Волхонский, 2016, 2018).

«Хинди руси бхай бхай»¹

Открывая мероприятие, руководитель Центра изучения проблем «мягкой силы» и «цветных революций» факультета государственного управления МГУ, доктор исторических наук А. О. Наумов подчеркнул, что Россия и Индия представляют собой уникальные страны-цивилизации с богатейшим культурно-историческим наследием. Сегодня Индия – самое густонаселенное государство на Земле, третья экономика мира (по размеру ВВП по ППС), мощная военная держава, одна из очень немногих, обладающих полноценной ядерной триадой, давний друг и партнер нашей страны. Индия и Россия – единственная пара великих держав, которые не только никогда в истории не воевали друг с другом, но даже не имели серьезных разногласий. С 2012 г. их отношения имеют статус привилегированного стратегического партнерства. Республика Индия, как и Российская Федерация, входит в быстроразвивающиеся и набирающие все

¹ В переводе с хинди – «Индийцы и русские – братья»; лозунг советско-индийской дружбы в 1950–1980-е гг.

большой авторитет на мировой арене межгосударственные структуры – БРИКС и ШОС.

А.О. Наумов констатировал, что отношения Москвы и Нью-Дели на наших глазах выходят на новый уровень. Помимо традиционно плодотворной коллаборации в военно-технической области, с 2022 г., в условиях незаконных антироссийских санкций со стороны коллективного Запада, наблюдается мощный прогресс в российско-индийском торгово-экономическом сотрудничестве. Как справедливо отмечают авторы аналитической записки Российского совета по международным делам «Развитие российско-индийских экономических связей в новых условиях», сохранение независимого внешнеполитического и экономического курса Индии создает уникальную возможность для выстраивания инвестиционного и торгово-экономического взаимодействия наших стран на качественно новом уровне. Последний год объем двусторонней торговли растет опережающими темпами благодаря стремительному увеличению поставок в Индию российских энергоносителей и удобрений, а также железа и стали, изделий из древесины, растительных и животных масел. Важнейшим фактором, сближающим Россию и Индию в современных условиях, является их одновременный прогресс в сфере цифровизации (Кулик, Калинин, 2022, с. 3, 14). На очень высоком уровне находятся политические связи. Культурно-гуманитарное сотрудничество, однако, пока развивается не так активно. Именно поэтому выявление проблем и определение перспектив в этой области, поиск возможностей для оптимизации взаимодействия двух стран в сфере «мягкосиловой» политики стали одними из основных задач круглого стола.

К вопросу об измерении «мягкой силы» России и Индии

Первым в рамках заявленной программы на круглом столе прозвучал доклад заведующей отделом философии Института философии и права УрО РАН, доктора политических наук О.Ф. Русаковой «Новейшие измерения «мягкой силы» (на примерах России и Индии)». С ее точки зрения, «мягкая сила» – это особого рода управленческая политика, направленная на использование ненасильственных методов воздействия, инструментов и технологий для достижения тактических и стратегических целей. Таким образом, в трактовке докладчика понятие носит более широкий характер, чем у Дж. Ная и других зарубежных исследователей, которые за основу данной политической технологии берут лишь привлекательность внешней политики, культуры и ценностей.

О.Ф. Русакова подробно остановилась на анализе различных рейтингов и индексов «мягкой силы». Было отмечено, что с 2015 г. ключевые параметры «мягкой силы» стали определяться индексом *Soft Power 30* британского аналитического агентства *Portland*². В рамках этого исследования под руководством Дж. Маклори ежегодно выходят аналитические обзоры «мягкой силы» 30 государств. При итоговом измерении «мягкосилового» потенциала той или иной

² McClory, J. (2015). The soft power 30. A global ranking of soft power. *Portland*. Retrieved April 25, 2023, from https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power_30.pdf

страны используются объективные и субъективные данные в соотношении 65 % к 35 %, при этом объективные показатели подразделяются на шесть категорий/подындеков: культура (с «весом» 12,5 %); образование (14,3 %); глобальное взаимодействие (20,6 %); цифровые технологии (13,1 %); предпринимательская деятельность (18,7 %); управление (20,8 %). Интерес представляет и проект *Global Soft Power Index*³, реализуемый с 2020 г. британской консалтинговой фирмой *Brand Finance*. Данный индекс основывается на результатах опроса свыше 55 тыс. человек из более чем 100 стран и оценивает восприятие «мягкой силы» 60 государств. Авторы исследования выделяют семь базисных элементов «мягкой силы»: культура и культурное наследие; образование и наука; СМИ и коммуникации; бизнес и торговля; государственное управление; международные отношения; люди и ценности. По мнению О.Ф. Русаковой, данный рейтинг, в отличие от исследований агентства *Portland*, дает более полную и репрезентативную выборку. Особое место принадлежит рейтингу *Country Brand Index*⁴, разрабатываемому британской компанией *FutureBrand*, которая является частью медиакорпорации *BBC World News*. Индекс охватывает около 100 стран мира (их число постоянно меняется) и формируется путем опроса общественного мнения более 3,5 тыс. респондентов в сфере бизнеса и туризма из 13 стран на пяти континентах. Измерение государственного бренда включает шесть областей: культурное наследие; туризм; система ценностей; бизнес-потенциал; качество жизни; репутация экспортных товаров.

В заключение О.Ф. Русакова справедливо указала, что, несмотря на наличие определенных объективных критериев при оценивании «мягкой силы» тех или иных стран, указанные рейтинги отличаются западноцентричностью. Данное обстоятельство, впрочем, не помешало России и Индии в последние годы занять в них ведущие позиции по ряду параметров. И все же в ходе дискуссии по окончании доклада был сделан вывод о необходимости для России и государств-партнеров, включая Индию, создавать собственные системы индексирования и ранжирования стран по степени эффективности применения ими инструментов и технологий «мягкой силы».

Косвенное влияние Индии в Центральной Азии и национальные интересы России

Доклад «Косвенное влияние Индии в Центральной Азии и национальные интересы России» был сделан проректором по стратегическим коммуникациям и информационной политике Государственного академического университета гуманитарных наук, кандидатом политических наук Н.Н. Емельяновой. В своем выступлении она остановилась на значении данного региона для обеих стран, рассмотрев их цели, задачи и стратегии. По мнению докладчика, для России

³ Global soft power index. The world's most comprehensive research study on perceptions of nation brands (2022). *Brand Finance*. *Brandirectory*. Retrieved April 25, 2023, from <https://brandirectory.com/softpower>

⁴ FutureBrand Country Index 2020 (2020). *FutureBrand*. Retrieved April 25, 2023, from <https://www.futurebrand.com/futurebrand-country-index-2020>

Центральная Азия – это ближнее зарубежье, со странами которого Москва стремится сохранить максимально тесные отношения. В то же время в регионе действуют другие влиятельные акторы, включая Китай, Пакистан, Турцию, Иран, Саудовскую Аравию. Достаточно сильное влияние остается у США и Евросоюза, особенно с точки зрения научно-образовательных инициатив, которые Вашингтон и Брюссель активно продвигали с середины 1990-х гг. И, конечно, нельзя забывать про Индию, для которой этот регион имеет высочайший приоритет для выстраивания внешнеполитической парадигмы. Ключевым документом в этой связи является декларация, принятая 27 января 2022 г. по итогам саммита «Индия – Центральная Азия»⁵, демонстрирующая в том числе основные направления и инструменты косвенного влияния (воздействия с помощью «мягкой силы») Нью-Дели.

В рамках центральноазиатской политики Индия репрезентирует себя как паназиатского игрока, чьи геополитические интересы выходят далеко за пределы Южной Азии. Как отмечает Н.Н. Емельянова, по сути, речь идет о готовности страны доминировать в Азиатском мегарегионе в целом. В этой связи уместно напомнить, что официальное признание Центральной Азии как стратегического направления индийской внешней политики было обозначено более 10 лет назад, в 2012 г., в рамках специальной программы «Соединим Центральную Азию»⁶. Сегодня у Индии существует выстроенная «дорожная карта» региональных мероприятий в области «мягкой силы», включающая проведение регулярных кинофестивалей, перевод литературных произведений, оцифровку рукописей, проведение совместных реставрационных работ, музейное сотрудничество. Есть и особый проект – создание словаря общеупотребительных слов, используемых в Индии и странах Центральной Азии, который предполагает обращение к совместным нарративам прошлого, особенно могольского наследия, например, Дулати – первого историка тюркского мира в Центральной Азии, оказавшего одновременно большое влияние на развитие Могольской империи в нынешних землях Кашмира (где он и похоронен). В целом индийская культура в Центральной Азии пользуется большой популярностью, при этом Нью-Дели продвигает свою «мягкую силу» исключительно в прагматическом ключе, не пытаясь навязывать собственные идеологические смыслы и ценности.

Завершая выступление, Н.Н. Емельянова задалась важным вопросом, как политика Нью-Дели в Центральной Азии влияет на российско-индийские отношения и противоречит ли она интересам Москвы в регионе. По мнению ученого, Индия может успешно действовать в Центральной Азии только в партнерстве с какой-то крупной державой, имеющей общие границы с центральноазиатскими государствами. Таких держав всего две – Россия и Китай,

⁵ Delhi declaration of the 1st India-Central Asia Summit (2022, January 27). *Ministry of External Affairs. Government of India*. Retrieved April 25, 2023, from <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34773/Delhi+Declaration+of+the+1st+IndiaCentral+Asia+Summit>

⁶ Jha, M. (2016, December 12). India's connect Central Asia Policy: A look back at India Central Asia relations in the post-Soviet era. *The Diplomat*. Retrieved April 25, 2023, from <https://thediplomat.com/2016/12/indias-connect-central-asia-policy-2/>

однако, учитывая специфику и сложность индийско-китайских отношений, Индия должна будет координировать свои действия в этом направлении именно с Российской Федерацией. При этом присутствие Индии в регионе не противоречит российским интересам, и Москва может достаточно спокойно относиться к инициативам Нью-Дели, принимая во внимание тот факт, что формирующийся геополитический треугольник по формуле 5+2 (государства Центральной Азии, Россия и Индия) позволит усилить межгосударственное торгово-экономическое сотрудничество, в том числе в рамках международного транспортного коридора «Север – Юг» и зоны свободной торговли между членами ЕАЭС и Индией.

Цифровая дипломатия как инструмент «мягкой силы» Индии

Доцент кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета, кандидат исторических наук Л. А. Печищева выступила с докладом «Цифровая дипломатия как инструмент «мягкой силы» Индии во взаимодействии со странами-членами ШОС». По словам исследователя, цифровая дипломатия – новая область, в которой правительства напрямую могут взаимодействовать с общественностью за рубежом с помощью ресурсов сети Интернет. При этом она является составным элементом публичной дипломатии, а та, в свою очередь, – ключевой инструмент реализации политики «мягкой силы». Особенности цифровой дипломатии заключаются в более широком доступе к информации и более глубоком уровне взаимодействия между отдельными людьми и организациями. Л. А. Печищева отметила ее безусловные плюсы: транспарентность и демократичность; оперативность решения вопросов и проблем; небольшие затраты на реализацию подобных программ. Но также у цифровой дипломатии есть ряд минусов: хакерские атаки и утечки информации, культура анонимности, распространение фейк-ньюс и др.

С приходом к власти в 2014 г. «Бхаратия джаната парти» Индия пытается ускорить процесс цифровизации, который, по мнению докладчика, должен пройти гладко и эффективно ввиду наличия огромного количества молодых IT-специалистов, прекрасно владеющих английским языком. Однако существуют и проблемы, а именно: негомогенность индийского общества, цифровой разрыв между городом и сельской местностью, слабая вовлеченность в процессы цифровизации мусульманского населения, составляющего около 160 млн человек. На внешнем контуре цифровая дипломатия Индии является важным инструментом «мягкой силы», которую Нью-Дели пытается проецировать через такие проекты, как «Атхар», «Умный город» и «Цифровая Индия»⁷.

Л. А. Печищева также рассмотрела основные направления взаимодействия Индии с членами Шанхайской организации сотрудничества в цифровой области. В 2020 г. была подписана Московская декларация Совета глав государств-членов ШОС⁸, в которой были сделаны первые попытки по продвижению цифровой

⁷ Aijaz, R. (2021, April 6). Digital reforms in urban India. *Observer Research Foundation*. Retrieved April 29, 2023, from <https://www.orfonline.org/expert-speak/digital-reforms-in-urban-india/>

⁸ Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации

экономики, экономики знаний, цифровых технологий, кибербезопасности, наконец, реализации знаковых международных проектов. Одним из них является Бангалор – крупнейший в стране научный и индустриальный центр, вторая по величине Силиконовая долина в мире. На этой площадке совместными усилиями разрабатываются программы, которые затем предполагается внедрить в определенные сферы жизни членов организации. Достоинно упоминания и проведение первой цифровой выставки ШОС⁹, организованной с ноября 2020 г. по февраль 2021 г. и объединившей экспонаты, связанные с буддистским наследием всех восьми участников организации, включая Индию. Другими словами, заключила Л. А. Печищева, роль цифровой дипломатии во внешней политике Нью-Дели неуклонно повышается.

Роль СМИ России и Индии в формировании образов друг друга

Весьма актуальный вопрос затронул в своем выступлении доцент Института стран Азии и Африки МГУ, кандидат филологических наук Б. М. Волхонский. В докладе «Роль СМИ России и Индии в формировании образов друг друга» он акцентировал внимание на отсутствии индийских журналистов в России и крайнем дефиците отечественных новостных каналов в Индии. По его мнению, влияние России на индийскую общественность по-прежнему сильно, однако отсутствие инициатив со стороны Москвы может свести на нет позитивное восприятие нашей страны, оставшееся с советских времен. Еще в 1980-е гг. там работали многочисленные советские корреспонденты телевидения, радио, нескольких ведущих газет, осуществлялось радиовещание на Индию. В СССР, в свою очередь, трудились журналисты ведущих индийских агентств и СМИ. Сегодня, к сожалению, ситуация иная: индийских корреспондентов в России попросту нет; в Индии же работает по одному корреспонденту ТАСС и ВГТРК, а также функционирует небольшой пункт МИА «Россия сегодня». С осени 2022 г. существует хиндиязычный телеграм-канал новостного агентства «Спутник», ориентированный на Индию, но число его подписчиков составляет всего несколько сотен человек; в похожем канале *RT India* количество подписчиков превышает 15 тыс. человек, но это всего лишь 0,001 % от общего числа жителей Индии.

Отдельно Б. М. Волхонский остановился на проблеме освещения в Индии специальной военной операции (СВО). По его словам, оно либо нейтральное, либо откровенно негативное. В качестве примера ученый привел индийский англоязычный телеканал *Republic TV*, на котором работает очень популярный в стране ведущий, не скрывающий своей проукраинской позиции. А поскольку в Индии сейчас, по сути, отсутствует российское медийное влияние, местные СМИ используют в качестве первоисточников материалы западных информаци-

сотрудничества (2020, 10 ноября). *Президент России*. Взято 29 апреля 2023, с <http://www.kremlin.ru/supplement/5575>

⁹ Сайдакбаров, П. (2020, 9 декабря). О цифровой выставке ШОС, посвященной общему буддийскому наследию. *Центр народной дипломатии ШОС в Узбекистане*. Взято 29 апреля 2023, с <https://old.sococenter.uz/o-tsifrovoy-vystavke-shos-posvyashhennoj-obshhemu-buddijskomu-naslediyu/>

онных агентств, формирующих общественное мнение в соответствующем ключе. В заключение докладчик подчеркнул, что интерес к изучению русского языка и русской культуры в Индии по-прежнему достаточно высок, но во многом это является наследием советского прошлого и существует по инерции. Для развития полноценного межкультурного взаимодействия Российской Федерации и Республики Индия необходимо инициировать новые проекты в области «мягкой силы».

Культура, образование и туризм как инструменты индийской «мягкой силы» и публичной дипломатии в России

Аспирант кафедры международных организаций и проблем глобального управления факультета государственного управления МГУ Н.В. Андреева в своем докладе «Мягкая сила» Индии в России: ресурсы, институты, проблемы и перспективы» проанализировала ключевые направления культурно-гуманитарной политики Республики Индия в Российской Федерации. Докладчик обозначила основные институты, которые играют важную роль в реализации индийской стратегии «мягкой силы» и публичной дипломатии в нашей стране (в первую очередь Индийский совет по культурным связям и Культурный центр имени Джавахарлала Неру при посольстве Индии) и осветила их деятельность за последние годы. Н.В. Андреева акцентировала внимание на проведении данными структурами культурно-массовых мероприятий, таких как «Индийское лето», «Неделя Индии», «Фестиваль Индии», «Намасте, Россия», Международный фестиваль йоги и др. В 2019 г. фестиваль йоги, например, посетило почти 60 тыс. человек, в 2022 г. – более 70 тыс. Всего в начале 2020-х гг. йогу в России практиковало свыше 10 млн человек, что составляет около 7,5 % населения страны¹⁰. В качестве еще одного примера популярности среди россиян «мягкосиловых» инициатив Индии был назван фестиваль «День Индии» в Москве, который в 2022 г. только за четыре дня собрал более 2 млн человек¹¹.

Одним из важнейших инструментов «мягкой силы» Нью-Дели является предоставление образовательных услуг российским студентам. Ежегодно правительство Индии предлагает места для российских граждан в рамках так называемой общей стипендиальной программы, которая предназначена для студентов, исследователей и ученых и предоставляет возможность получения стипендии на учебу, исследования и проекты в различных областях. Индийский совет по культурным связям предлагает стипендии для российских граждан в рамках программы культурного обмена и программы образовательных обменов¹², которые предполагают получение стипендии на изучение индийской

¹⁰ Бархаев, А. (2022, 1 сентября). Упражнения для новичков. Как освоить йогу. РБК. Взято 25 апреля 2023, с <https://sportrbk.ru/news/624f09279a7947e1db5d999e?ysclid=letu2eg0wp639518018>

¹¹ Фестиваль «День Индии» в Москве посетили более 2 миллионов человек (2022, 15 августа). Москва 24. Взято 25 апреля 2023, с https://www.m24.ru/news/gorod/15082022/491177?utm_source=CopyBuf

¹² Indian Council for Cultural Relations Scholarship Portal (2022, October). *Official*

культуры, языка и искусства в университетах и колледжах страны. Однако российское направление в рамках образовательной дипломатии Нью-Дели пока заметно уступает по масштабу аналогичной деятельности на американском и европейском направлениях.

Н.В. Андреева отметила также роль туризма как важного ресурса «мягкой силы» Индии, которая привлекает российских граждан не только пляжным отдыхом (особенно на популярном курорте Гоа), но и культурными достопримечательностями, многие из которых входят в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО. Безусловно, пандемия коронавируса нанесла серьезный удар по объемам туристического потока между двумя странами, который только начинает восстанавливаться, но потенциал данного формата взаимодействия трудно переоценить. Подтверждением стало успешное проведение в ноябре – декабре 2022 г. первого двустороннего туристического форума России и Индии, который открыл новые перспективы в сфере туризма между нашими государствами.

Заключение

Международный круглый стол «Мягкая сила» Индии и России: общее и особенное», проведенный 6 февраля 2023 г. на факультете государственного управления МГУ, стал важным событием в научной жизни России. Представлявшие различные научно-образовательные центры специалисты обсудили как теоретические, так и практические вопросы, связанные с «мягкой силой» Российской Федерации и Республики Индия. В ходе круглого стола прозвучали новые для российского дискурса сюжеты, например, о месте России и Индии в западных рейтингах «мягкой силы», роли основанной на индуистском национализме идеологии хиндутвы в рамках культурной дипломатии этого южноазиатского государства, значении «мягкосиловых» проектов Нью-Дели, которые сегодня реализуются в России. Было подчеркнуто, что российскую и индийскую «мягкую силу» сближает в первую очередь мощный ресурсный потенциал, основанный на богатейшем культурно-историческом наследии, а также сравнительно недавно начало использования данного инструментария во внешней политике и вытекающая из этого факта относительная слабость и неразвитость ряда институтов публичной дипломатии. Безусловно, страны сильно отличаются друг от друга по множеству критериев, от принадлежности к совершенно разным цивилизациям до кардинальных различий в общественном устройстве и географическом положении. Однако и Россия, и Индия имеют схожие позиции как в отношении процессов трансформации глобального мирового порядка в целом, так и непосредственно в плане использования технологий «мягкой силы» и публичной дипломатии в новых условиях.

Отметим, что, обладая схожим набором инструментов «мягкосилового» влияния, Москва и Нью-Дели все же применяют его по-разному. Так, наиболее успешным проектом Российской Федерации в данной области, безусловно, являются ее глобальные средства массовой информации (в первую очередь *RT*

website of Indian Council for Cultural Relations, Government of India. Retrieved April 25, 2023, from <https://www.iccr.gov.in/iccr-scholarship/indian-council-cultural-relations-scholarship>

и *Sputnik*), в то время как аналогичные индийские инициативы пока развиты достаточно слабо. С другой стороны, Республика Индия в гораздо большей степени использует потенциал своей зарубежной диаспоры, составляющей более 20 млн человек. Еще в 2000 г. в стране был создан Комитет высокого уровня по делам индийской диаспоры и индийцев-нерезидентов, призванный содействовать их вовлечению в экономическое, социальное, технологическое развитие Индии и использованию их возможностей для улучшения внешнего имиджа страны; спустя четыре года было образовано Министерство по делам зарубежья Индии. Ничего подобного в России, несмотря на наличие собственной многомиллионной диаспоры, проживающей на всех обитаемых континентах, к сожалению, до сих пор нет.

Подводя итог, руководитель Центра изучения проблем «мягкой силы» и «цветных революций» А.О. Наумов констатировал, что «мягкая сила» Индии набирает обороты во многом благодаря деятельности правящей с 2014 г. «Бхаратия джаната парти» и ее лидера Н. Моди. В России «мягкая сила» также была признана в первой половине 2010-х гг. важной составляющей международного влияния страны, и на сегодняшний день Москва добилась определенных успехов в этом направлении. Не вызывает сомнения, что и Российская Федерация, и Республика Индия обладают огромными активами «мягкой силы», которые при грамотном применении могут выступать в качестве эффективного и действительно внешнеполитического инструмента как на глобальном уровне, так и в рамках двустороннего сотрудничества в социокультурной и гуманитарной сферах.

Список литературы

1. Волхонский, Б. М. (2016). О возможностях участия Индии в интеграционных процессах в Евразии. *Проблемы национальной стратегии*, (6), 81–101.
2. Волхонский, Б. М. (2018). Перспективы и риски, связанные с вступлением в ШОС Индии и Пакистана. *Труды Института востоковедения РАН*, (8), 195–211.
3. Емельянова, Н. Н. (2017). «Мягкая сила» Индии в Южной Азии: стратегия на смену реактивности. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*, (4), 35–51.
4. Емельянова, Н. Н. (2018a). «Мягкая сила» как элемент внешней политики в новейшей истории Индии. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 9(10). <https://doi.org/10.18254/S0002347-0-1>
5. Емельянова, Н. Н. (2018b). *Благородный гегемон: «мягкая сила» во внешней политике Индии*. М.: Аквилон.
6. Кулик, Л., Калинин, А. (2022). Развитие российско-индийских экономических связей в новых условиях. *Аналитические записки Российского совета по международным делам*, (43), 3–14.
7. Наумов, А. О., Белоусова, М. В., Андреева, Н. В. (2023). От пропаганды к публичной дипломатии: история появления и развития оригинального концепта. *Государственное управление. Электронный вестник*, (96), 163–176.

8. Наумов, А. О., Положевич, Р. С. (2018а). «Мягкая сила» Индии как суверенного государства: идейные истоки и ретроспектива (часть 1). *Государственное управление. Электронный вестник*, (69), 410–430.
9. Наумов, А. О., Положевич, Р. С. (2018b). «Мягкая сила» Индии как суверенного государства: история и современность (часть 2). *Государственное управление. Электронный вестник*, (70), 291–328.
10. Русакова, О. Ф., Грибовод, Е. Г. (2019). Информационно-коммуникативные компоненты «мягкой силы». *Международные процессы*, 17(1), 62–72. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.1.56.4>
11. Русакова, О. Ф., Ковба, Д. М. (2016). Концептуальные аспекты стратегии «мягкой силы». *Сибирский философский журнал*, (3), 109–123.
12. Русакова, О. Ф., Русаков, В. М. (2017). «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии. *Дискурс-Пи*, (1), 61–72.
13. Nye, J. S. (2004). *Soft power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs.

References

1. Emelyanova, N. N. (2017). “Myagkaya sila” Indii v Yuzhnoj Azii: strategiya na smenu reaktivnosti [India’s “soft power” in South Asia: A strategy to replacereactivity with initiative]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, (4), 35–51.
2. Emelyanova, N. N. (2018a). “Myagkaya sila” kak e`lement vneshnej politiki v novejshej istorii Indii [“Soft power” as an element of foreign policy in India’s recent history]. *E`lektronnyj nauchno-obrazovatel`nyj zhurnal “Istoriya”*, 9(10). <https://doi.org/10.18254/S0002347-0-1>
3. Emelyanova, N. N. (2018b). *Blagorodnyj gegemon: “myagkaya sila” vo vneshnej politike Indii* [Noble hegemon: “Soft power” in India’s foreign policy]. Moscow: Akvilon.
4. Kulik, L., & Kalinin, A. (2022). Razvitie rossijsko-indijskix e`konomicheskix svyazey v novyx usloviyax [Developing Russia-India economic ties under new circumstances]. *Analiticheskie zapiski Rossijskogo soveta po mezhdunarodnym delam*, (43), 3–14.
5. Naumov, A. O., & Polozhevich, R. S. (2018a). “Myagkaya sila” Indii kak suverennoho gosudarstva: idejny`e istoki i retrospektiva (chast` 1) [Soft power of India as a sovereign state: Ideological origins and retrospective (part 1)]. *Gosudarstvennoe upravlenie. E`lektronnyj vestnik*, (69), 410–430.
6. Naumov, A. O., & Polozhevich, R. S. (2018b). “Myagkaya sila” Indii kak suverennoho gosudarstva: istoriya i sovremennost` (chast` 2) [Soft power of India as a sovereign state: Yesterday and today (part 2)]. *Gosudarstvennoe upravlenie. E`lektronnyj vestnik*, (70), 291–328.
7. Naumov, A. O., Belousova, M. V., & Andreeva, N. V. (2023). Ot propagandy k publichnoj diplomatii: istoriya poyavleniya i razvitiya original`nogo koncepta [From propaganda to public diplomacy: The emergence and development of an original

concept]. *Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronnyj vestnik*, (96), 163–176.

8. Nye, J.S. (2004). *Soft power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs.

9. Rusakova, O.F., & Gribovod, E.G. (2019). Informacionno-kommunikativnye komponenty “myagkoj sily” [Information components of soft power: Communicative aspects]. *Mezhdunarodnye processy*, 17(1), 62–72. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.1.56.4>

10. Rusakova, O.F., & Kovba, D.M. (2016). Konceptual'nye aspekty strategii “myagkoj sily” [Conceptual aspects of soft power strategy]. *Sibirskij filosofskij zhurnal*, (3), 109–123.

11. Rusakova, O.F., & Rusakov, V.M. (2017). “Myagkaya sila” kak instrument politicheskoy kommunikacii i gumanitarnoj diplomatii [Soft power as the instrument of political communications and humanitarian diplomacy]. *Diskurs-Pi*, (1), 61–72.

12. Volkhonsky, B.M. (2016). O vozmozhnostyax uchastiya Indii v integracionnyx processax v Evrazii [On the possibility of Indian participation in Eurasian integration processes]. *Problemy nacional'noj strategii*, (6), 81–101.

13. Volkhonsky, B.M. (2018). Perspektivy i riski, svyazannye s vstupleniem v ShOS Indii i Pakistana [Prospects and challenges arising from the accession of India and Pakistan to SCO]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, (8), 195–211.

Информация об авторах

Александр Олегович Наумов, доктор исторических наук, доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8366-5934>, e-mail: naumovao@my.msu.ru

Наталья Вадимовна Андреева, аспирант кафедры международных организаций и проблем глобального управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2821-6025>, e-mail: andreevanv@spa.msu.ru

Information about the authors

Aleksandr Olegovich Naumov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Organizations and Global Governance, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8366-5934>, e-mail: naumovao@my.msu.ru

Natalia Vadimovna Andreeva, Postgraduate student, Department of International Organizations and Global Governance, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2821-6025>, e-mail: andreevanv@spa.msu.ru

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_142

КОНФИГУРАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рецензия на книгу: Богатырева О. Н., Ковба Д. М.,
Табаринцева-Романова К. М. Многосторонняя гуманитарная
дипломатия: универсальный и региональный опыт /
под ред. О. Н. Богатыревой. М.: Наука, 2021. 282 с.

Екатерина Григорьевна Грибовод,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
gribovod_kate@mail.ru

Получена 04.05.2023.

Поступила после рецензирования 24.05.2023.

Принята к публикации 07.06.2023

Для цитирования: Грибовод Е. Г. Конфигурация современной гуманитарной дипломатии в системе международных отношений // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 142–153. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_142

Аннотация

Система международных отношений в XXI в. переживает значительные изменения под влиянием эндогенных и экзогенных факторов, а также в связи с появлением новых геополитических акторов. Современные вызовы и угрозы, стихийные бедствия, вооруженные конфликты, гуманитарные кризисы в разных регионах требуют консолидации мирового сообщества и выстраивания конструктивного диалога. Академическое сообщество активно вовлечено в мониторинг мирового политического развития и поиск решений реальных и потенциальных проблем

© Грибовод Е. Г., 2023

глобального и регионального значения. Одной из таких попыток стала монография «Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт», подготовленная представителями уральской школы международников. В настоящей рецензии представлен критический анализ теоретико-методологических оснований исследования гуманитарной дипломатии. В ходе анализа содержания монографии установлено, что гуманитарная дипломатия формируется как самостоятельная концепция, наращивающая собственный понятийно-категориальный аппарат (концептосферу). Помимо рассмотренных уральскими учеными особенностей – полимодальность (зонтичность), полицентричность, многокультурность, автор рецензии выделяет инверсионный характер современной гуманитарной дипломатии, поскольку в определенных условиях она способна утратить мягкий потенциал и трансформироваться в жесткий, манипулятивный геополитический инструмент. Значительная часть книги посвящена гуманитарной дипломатии Организации Объединенных Наций, Европейского союза и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. В этой связи особое внимание в обзоре уделяется выявлению и сравнительному анализу ключевых механизмов и направлений гуманитарной деятельности как традиционных субъектов международной политики, так и региональных акторов, которые поэтапно наращивают мягкую силу и выстраивают собственную гуманитарную повестку.

Ключевые слова:

гуманитарная дипломатия, международные отношения, мягкая сила, полимодальность, гуманитарное сотрудничество, мировая политика.

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_142

THE CONFIGURATION OF MODERN HUMANITARIAN DIPLOMACY IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Book review: Bogatyreva, O.N., Kovba, D.M., & Tabarintseva-Romanova, K.M. (2021). *Multilateral humanitarian diplomacy: Universal and regional experience* (O.N. Bogatyreva, Ed.). Moscow: Nauka.

Ekaterina G. Gribovod,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
gribovod_kate@mail.ru

Received 04.05.2023.

Revised 24.05.2023.

Accepted 07.06.2023.

For citation: Gribovod, E. G. (2023). The Configuration of Modern Humanitarian Diplomacy in the System of International Relations. *Discourse-P*, 20(2), 142–153. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_142

Abstract

The system of international relations in the 21st century is undergoing significant changes under the influence of endogenous and exogenous factors, as well as due to the emergence of new geopolitical actors. Modern challenges and threats, natural disasters, armed conflicts, and humanitarian crises in different regions require consolidation of the world community and building a constructive dialogue. The academic community is actively involved in monitoring global political development and searching for solutions to actual and emerging problems of global and regional importance. One such attempt is the monograph “Multilateral humanitarian diplomacy: Universal and regional experience”, prepared by representatives of the Ural school of international relations. The review presents a critical analysis of the theoretical and methodological foundations of the study of humanitarian diplomacy. As a result of the analysis of the monograph, it has been found that humanitarian diplomacy is being formed as an independent concept, expanding its own conceptual and categorical apparatus (conceptosphere). In addition to the features already considered by the Ural scholars – polymodality (umbrella), polycentricity, multiculturalism, the author of the review highlights the inverse nature of modern humanitarian diplomacy, since under certain conditions it can lose its soft potential and transform into a hard, manipulative geopolitical tool. A significant part of the book examines the humanitarian diplomacy of the United Nations, the European Union, and the Association of Southeast Asian Nations. In this regard, the review pays special attention to the identification and comparative analysis of the key mechanisms and directions of humanitarian activities of both traditional actors of international politics and regional actors, which are gradually increasing soft power and constructing their own humanitarian agenda.

Keywords:

humanitarian diplomacy, international relations, soft power, polymodality, humanitarian cooperation, global policy.

Введение

Современная архитектура международных отношений трансформируется под влиянием новых геополитических акторов, стратегических проектов и союзов. На смену модели традиционной дипломатии приходят цифровая, культурная, публичная, сетевая и другие формы дипломатии, которые изменяют расстановку сил, способствуя укреплению периферийных держав, неправительственных организаций, межправительственных союзов и других субъектов мировой политики. Как показала пандемия COVID-19, гуманитар-

ная повестка была и продолжает оставаться значимой в международных отношениях. В научном дискурсе растет интерес к изучению практик применения медицинской дипломатии и, в частности, вакцинной дипломатии (Арсентьева, 2022; Рогожина, 2021). Глобальные проблемы и угрозы требуют масштабного и многоаспектного взаимодействия субъектов международных отношений. В качестве одного из инструментов реагирования на них и поддержания конструктивного диалога можно рассмотреть гуманитарную дипломатию. Обращение к тематике дипломатии, в частности к ее гуманитарным аспектам, прослеживается в работах как российских, так и зарубежных исследователей (Богатырева, 2022; Громогласова, 2018; Кузнецов, 2022; Потемкина, 2020; Minear & Smith, 2007; Gong, 2021). Отсутствие единого понимания концепции гуманитарной дипломатии, многогранность данного феномена неоднократно подчеркивалась в научном дискурсе (Богатырева, 2022; Ковба, 2020).

Значительный вклад в исследование современной гуманитарной дипломатии вносит монография «Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт». Авторский коллектив – О. Н. Богатырева, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ); Д. М. Ковба, кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН; К. М. Табаринцева-Романова, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений УрФУ. Работа подготовлена в рамках реализации поддержанного РФФИ научного проекта «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели». В настоящей рецензии предпринята попытка критически проанализировать выдвинутую исследователями гипотезу и полученные результаты.

Несмотря на то что монография состоит из четырех глав, тематически в ней выделяются два ключевых блока, формирующих работу. Первый блок посвящен теоретико-методологическому обзору гуманитарной модели дипломатии и раскрыт в главе «Гуманитарное измерение дипломатии: современные концепции и подходы» (Богатырева и др., 2021, с. 10–40). Второй блок, на наш взгляд, объединяет оставшиеся главы – три кейса, в которых рассмотрена практика применения гуманитарной дипломатии следующими субъектами международных отношений: Организацией Объединенных Наций (ООН), Европейским союзом (ЕС) и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Подробнее рассмотрим каждый раздел.

Результаты исследования

В условиях возрастания техногенных, информационно-коммуникационных, эпидемиологических вызовов и угроз, локальных военных конфликтов, стихийных бедствий, «гуманизм в целом и концепт «человек» вынуждены адаптироваться под новые реалии общества риска» (Грибовод, 2020 с. 133). Стоит отметить, что философский и этический аспекты кризиса гуманизма, а также ценностных ориентиров неоднократно подчеркивались в академической по-

вестке (Давыдов, 2018; Поломошнов, 2017). В рецензируемой монографии гуманитарный компонент международных отношений рассматривается через призму концепций гуманитарной дипломатии.

При исследовании феномена гуманитарной дипломатии закономерно возникает ряд вопросов. Можно ли рассматривать ее в качестве самостоятельной концепции? Сформирован ли ее понятийно-категориальный аппарат? Каким образом разные принципы и формы взаимодействия акторов международных отношений в гуманитарной области (гуманитарное сотрудничество, межкультурный диалог, политика добрососедства, миротворчество, гуманитарная работа и др.) взаимосвязаны?

В первой главе О. Н. Богатырева и Д. М. Ковба пишут о том, что в связи с расширением границ традиционной дипломатии происходит ее фрагментация, дробление на отдельные модели в зависимости от сектора – экономика, гуманитарная сфера, культура, медицина и т. д. – применения (Богатырева и др., 2021, с. 11–12). Авторами предпринимается попытка определения понятийно-категориального аппарата – концептосферы гуманитарной дипломатии как самостоятельного научного направления. Рассматриваются такие близкие по смысловому значению категории гуманитарного дискурса, как «гуманитарное сотрудничество» и «гуманитарная деятельность». При анализе концепта «гуманитарное сотрудничество» ученые акцентируют внимание на двух интерпретациях. В западной академической повестке данный термин определяется как «гуманитарная помощь населению в условиях кризиса, в вооруженных конфликтах и постконфликтных ситуациях». В российском научном дискурсе данный концепт имеет более широкую трактовку. Он обозначает как помощь населению, столкнувшемуся с бедствиями и конфликтами разной этимологии, так и взаимодействие субъектов международных отношений в культурной и гуманитарной сферах (Богатырева и др., 2021, с. 15–16). Вместе с тем, на наш взгляд, концептосфера гуманитарной дипломатии намного шире, чем представлена в работе. В нее можно включить следующие понятия: права человека, гуманность, гуманитарная работа, гуманитарные переговоры, миротворчество, межкультурный диалог. Таким образом, можно предположить, что концептосфера гуманитарной дипломатии формируется на основе принципа дополнительности и семантической близости понятий.

Авторы характеризуют развитие концепта «гуманитарная дипломатия» в российской и зарубежной научной литературе. Кроме того, по итогам знакомства с работой можно получить представление об особенностях, характеризующих современный дискурс гуманитарной дипломатии: во-первых, «мозаичность и размытость существующих представлений о гуманитарном измерении дипломатии»; во-вторых, взаимозависимость концепции мягкой силы и гуманитарной дипломатии. Данная модель дипломатии становится одним из ресурсов мягкой силы акторов международных отношений, т. к. формируется на основе «принципов гуманности, прав человека, развития и культуры мира» (Богатырева и др., 2021, с. 12).

Выявив и проанализировав основные концепты гуманитарной дипломатии, авторы предложили два теоретических подхода, характеризующих сущность феномена гуманитарной дипломатии. Согласно ограничительному под-

ходу, транслируемому Международным комитетом Красного Креста (МККК), данная модель дипломатии трактуется как «способность убеждать лица, принимающие решения, и лидеров общественного мнения всегда действовать в интересах уязвимых слоев населения и при полном уважении фундаментальных гуманитарных принципов»¹ и условно сводится к оказанию гуманитарной помощи. С позиции второго, расширительного подхода, гуманитарная дипломатия направлена на регулирование и решение разными международными акторами объемного пула задач социально-гуманитарного характера не только в связи с вооруженными конфликтами, «но и в ситуациях, в которых люди уязвимы из-за стихийных бедствий, экологических катастроф, эпидемий или социальных кризисов» (Богатырева и др., 2021, с. 20–23).

Несмотря на комплексный анализ феномена гуманитарной дипломатии, в монографии не представлено авторское определение данной модели, а только обозначены ее ключевые характеристики: полимодальность (зонтичность), многокультурность и полицентричность. Исследователи косвенно затрагивают проблему соотношения понятий «международное социально-гуманитарное сотрудничество» и «гуманитарная дипломатия», опираясь на исследование Е.С. Громогласовой (2018), а также отмечая, что в академическом дискурсе категории «гуманитарное сотрудничество» и «гуманитарная дипломатия» могут применяться как синонимы (Богатырева и др., 2021, с. 19–20). Кроме того, авторы очерчивают возможные риски – «политизация гуманитарных субъектов и секьюритизация гуманитарной дипломатии», а также выделяют в качестве одной из тенденций изменение сути гуманитарной деятельности вследствие интеграции классического дюнантистского «гуманизма 1.0» с «гуманизмом 2.0» (Богатырева и др., 2021, с. 35–36).

Таким образом, можно предположить, что гуманитарная дипломатия как направление традиционной дипломатии и как самостоятельная концепция находится на начальном этапе формирования и осмысления в российской академической науке. Пока не накоплен значительный объем отечественных исследований, посвященных гуманитарному компоненту дипломатии. В теоретическом блоке рецензируемой работы предпринята попытка категориального осмысления дискурса гуманитарного компонента дипломатии, систематизированы основные характеристики гуманитарной дипломатии. Однако вопрос о месте данной модели в архитектуре международных отношений и ее смысловом наполнении остается дискуссионным. Стоит отдельно подчеркнуть *инверсионный характер* современной модели гуманитарной дипломатии, которая при определенных условиях теряет мягкую составляющую, трансформируясь в жесткий, манипулятивный инструмент воздействия на бенефициаров. В работе данная особенность лишь косвенно обозначена при рассмотрении практики гуманитарной интервенции (Богатырева и др., 2021, 85–87). Резюмируя, отметим, что в современных геополитических реалиях назрела потребность в разработке теоретико-методологического фундамента гуманитарной дипломатии не только как одной из моделей, определяющих

¹ Humanitarian diplomacy policy (2017, July 20). IFRC. Retrieved March 13, 2023, from https://www.ifrc.org/sites/default/files/Humanitarian-Diplomacy-Policy_EN.pdf

гуманитарный аспект дипломатии, но и как самостоятельной академической концепции международных отношений.

Следующий тематический блок рецензируемой монографии объединяет главы, в которых исследуется гуманитарная деятельность трех разных по правовому статусу субъектов международных отношений – ООН, ЕС и АСЕАН. Каждый кейс проанализирован комплексно и детально на нескольких уровнях – организационно-правовом, внутривластном и международном. Поскольку в академическом дискурсе можно отметить высокий исследовательский интерес к изучению гуманитарной составляющей деятельности отдельных стран и международных организаций (Громогласова, 2018; Кузнецов, 2022; Потемкина, 2020), подробно останавливаться на каждой представленной модели гуманитарной дипломатии в рецензии не планируется. Однако закономерно возникает вопрос, чем был обусловлен выбор именно данных объектов для исследования практики реализации гуманитарного компонента дипломатии. На него, к сожалению, не найден ответ после анализа книги.

Во второй главе О.Н. Богатыревой анализируется процесс трансформации гуманитарной составляющей дипломатии структур и учреждений ООН в зависимости от изменения характера кризисных ситуаций и появления новых конфликтов. Согласимся с автором, что данная организация занимает одну из основополагающих позиций в «архитектуре глобальной гуманитарной системы» (Богатырева и др., 2021, с. 41). Особое внимание исследователь обращает на сложившуюся тенденцию в гуманитарном секторе международных отношений – параллельное развитие двух подходов к гуманитарной деятельности: «классическая донантистская парадигма» и «парадигма устойчивости» (с. 62). Кроме того, в этом кейсе рассматривается проблема защиты прав человека и механизмы гуманитарной помощи при стихийных бедствиях. Не меньший интерес представляет проведенный анализ дипломатии конференций и дипломатии саммитов (с. 89), а также дипломатии комиссий, в частности в сфере прав человека, реализуемой на основе ООН (с. 91–94).

Особую актуальность имеют выводы, сделанные автором по итогам исследования гуманитарной дипломатии ООН. Во-первых, отмечается правотворческая функция, т.к. организация «является постоянным генератором новых международных норм, расширения международного права... определения глобальных гуманитарных повесток дня» (Богатырева и др., 2021, с. 44). Во-вторых, на текущий момент в рамках ООН не сформулировано собственное понятие гуманитарной дипломатии, в отличие от других акторов гуманитарного сообщества, в частности МФКК и МККК. В-третьих, современный гуманитарный ландшафт мировой политики перекраивается в связи с появлением новых акторов международных отношений (негосударственных субъектов, например, неправительственных организаций, фондов и др.), гибких инструментов и механизмов гуманитарного реагирования, а также изменением условий конфликтов. Как отмечает автор, «присутствие институтов гражданского общества на международных форумах изменило их роль: из наблюдателей они превратились в активных участников, обладающих функциями принятия решений. Влияние гражданского общества на международные организации разнообразно: они пропагандируют деятельность ООН,

освещающая ее в средствах массовой информации, участвуют в проектах ООН», в том числе в просветительских программах по достижению целей устойчивого развития (ЦУР) (с. 112).

В третьей главе К. М. Табаринцева-Романова подробно рассматривает правовой и институциональный каркас гуманитарной деятельности ЕС. Исследователь отмечает ее взаимосвязь с гуманитарной политикой ООН: «...гуманитарная деятельность Евросоюза основана на его приверженности основным принципам Устава ООН, международного гуманитарного права, правам и свободам человека, а также конвенциям ООН, направленным на защиту прав человека» (Богатырева и др., 2021, с. 172). В главе выявляются основные географические центры (регионы и страны), которым оказывается помощь, а также определяются шесть ключевых направлений гуманитарной деятельности ЕС. Обобщая, можно отметить, что приоритетные векторы гуманитарной повестки ЕС направлены как на решение системных задач (достижение ЦУР, усовершенствование системы реагирования и ликвидации стихийных бедствий, антропогенных катастроф), так и на урегулирование временных чрезвычайных ситуаций, например, борьбу с пандемией COVID-19. Кроме того, К. М. Табаринцева-Романова рассматривает «новые» векторы гуманитарной дипломатии ЕС, которые являются инструментами реализации «нормативной» силы» (с. 175). В частности, особое внимание уделяется следующим направлениям: защита прав человека, реализация ЦУР ООН, гуманитарная экспертиза цифровых технологий, сохранение и популяризация как своего социокультурного наследия, так и охрана и защита культурного наследия стран, столкнувшихся с конфликтами и кризисами, развитие межкультурного диалога, поддержка и реализация спортивных и экологических проектов, работа с молодежью, волонтерство. Заслуживает особого внимания массив проанализированного автором материала: официальные документы Евросоюза, планы и отчеты по европейской гуманитарной повестке дня, рейтинги, составленные Управлением по координации гуманитарных вопросов ООН (с. 124).

При рассмотрении гуманитарной деятельности ЕС исследователь опирается на концепции нормативной силы, предложенной И. Маннерсом, и гражданской силы, разработанной Ф. Дюшеном. В связи с этим возникает вопрос о соотношении данных концепций с теорией мягкой силы. Это взаимодополняемые, пересекающиеся или самостоятельные парадигмы? На наш взгляд, стоило четче обозначить теоретико-методологическую границу между ними, подчеркнув, что «концепция нормативной силы (как ранее и идея гражданской силы) появилась именно на основе осмысления опыта европейского интеграционного объединения» (Романова, Павлова, 2018, с. 76). Кроме того, отметим, что концепт гражданской силы в академическом дискурсе применяется крайне ограниченно, а также нередко упоминается в качестве «региональной модификации» мягкой силы (с. 74). В рецензируемой работе гуманитарная дипломатия и мягкая сила рассматриваются как отдельные внешнеполитические инструменты международных акторов. Не согласимся с автором в данном случае. На наш взгляд, гуманитарная дипломатия, скорее, инкорпорирована в систему мягкой силы стран (структурный компонент), выполняя задачу инструмента достижения внешнеполитических целей ненасильственными мерами.

В четвертой главе Д.М. Ковба анализирует региональную модель гуманитарной дипломатии АСЕАН. На наш взгляд, особенно важен вклад автора в расширение теоретического осмысления контуров международного гуманитарного сообщества за счет рассмотрения гуманитарного вектора деятельности данной организации, а также ее отдельных членов. Как отмечает исследователь, «в последнее время государства незападного мира активно формируют альтернативные гуманитарные связи и структуры» (Богатырева и др., 2021, с. 263). Первоначальный вектор гуманитарного взаимодействия в рамках организации был направлен на реагирование на стихийные бедствия, поскольку данный тип угроз является одним из основных в Юго-Восточной Азии. В дальнейшем диапазон гуманитарного сотрудничества, как показывает автор, стал включать взаимодействие по вопросам здравоохранения (в частности, в связи с пандемией COVID-19), прав человека, ЦУР и др.

В работе отмечается, что современная модель гуманитарной дипломатии, транслируемая традиционными международными акторами (ООН, ЕС и др.), полимодальная, т. е. «многовекторная и многоформная» (Богатырева и др., 2021, с. 12). Несмотря на разработанный институциональный и правовой каркас по широкому кругу вопросов гуманитарного сектора в рамках АСЕАН, обозначенные меры и механизмы по реагированию на стихийные бедствия, биологические и социальные угрозы можно определить, скорее, как «формальные» или «декларативные». Д.М. Ковба подчеркивает: «На практике выяснилось, что Центр АНА² – основной механизм АСЕАН для оказания помощи – не предназначен для реагирования на «антропогенный» гуманитарный кризис, вызванный насилием со стороны государства» (с. 265). Среди сдерживающих факторов, влияющих на достижение ЦУР странами АСЕАН, исследователь выделяет «экономическое и иное неравенство ее членов, отсутствие системного подхода и политической воли для решения проблем» (с. 266).

Резюмируя, отметим, что данная региональная модель гуманитарной дипломатии с момента образования межправительственной организации изменила и расширила спектр гуманитарной деятельности, однако на текущий момент механизмы реагирования на эндогенные кризисы больше скоординированы на институциональном, а не на операционном уровне. На наш взгляд, модель гуманитарной дипломатии АСЕАН только с формальной точки зрения можно обозначить как полимодальную. При этом Д.М. Ковба выявила тенденцию сближения гуманитарных повесток АСЕАН с западными акторами (ООН, ЕС), для которых характерна многовекторная и многосторонняя гуманитарная деятельность и сотрудничество. После обзора содержания главы остался открытым вопрос о необходимости формального копирования региональными субъектами международных отношений западных моделей гуманитарной дипломатии. Достигнутые результаты в гуманитарном направлении деятельности АСЕАН, рассмотренные в данном кейсе, позволяют предположить, что в будущем эта межправительственная организация сможет предложить

² Координационный центр АСЕАН по оказанию гуманитарной помощи в борьбе со стихийными бедствиями.

собственную «альтернативную» модель гуманитарного взаимодействия как на региональном, так и на международном уровнях.

Заклучение

Авторы монографии «Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт» проанализировали значительный объем научной литературы, статистических данных и экспертных оценок. Достоинством работы является ее междисциплинарность, т. е. сочетание разных оптик исследования – исторической и политологической, а также теории международных отношений. В то же время отсутствие заключения в конце монографии создает впечатление ее незавершенности, что, однако, не снижает ценность и качество проведенного исследования. Несмотря на имеющиеся вопросы и замечания, подчеркнем вклад авторов в развитие теории международных отношений и расширение теоретического поля исследований гуманитарной дипломатии как категории дипломатической практики и самостоятельной концепции. В исследовании ставилась масштабная цель рассмотрения полимодального характера современной гуманитарной дипломатии, и она была достигнута.

В условиях глобальной нестабильности и сужения горизонта планирования затронутые коллективом авторов проблемы и полученные выводы, на наш взгляд, обладают значительным прогностическим потенциалом и, несомненно, представляют большой научный и практический интерес. В связи с этим монография будет интересна как представителям академического сообщества, так и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами мировой политики и международных отношений.

Список литературы

1. Арсентьева, И.И. (2022). Трансформация медицинской и вакцинной дипломатии в эпоху COVID-19. Вестник МГИМО Университета, 15(5), 182–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>
2. Богатырева, О.Н. (2022). Гуманитарная дипломатия: современные концепции и подходы. Международные процессы, 20(1), 166–191. <https://dx.doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.4>
3. Богатырева, О.Н., Ковба, Д.М., Табаринцева-Романова, К.М. (2021). *Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт*. М.: Наука.
4. Грибовод, Е.Г. (2020). Этапы становления постгуманизма. К постановке проблемы. Научный журнал «Дискурс-Пи», (4), 133–150. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10409>
5. Громогласова, Е.С. (2018). *Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования*. М.: ИМЭМО РАН.
6. Давыдов, Д.А. (2018). Обреченный гуманизм? Размышляя над книгами Ю.Н. Харари «Sapiens» и «Homo Deus». Свободная мысль, (6), 33–46.

7. Ковба, Д.М. (2020). Гуманитарное измерение дипломатии: проблема категоризации и анализ. *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*, 20(11), 169–174.
8. Кузнецов, Д.А. (Ред.). (2022). *Практика современной гуманитарной дипломатии*. М.: Эдитус.
9. Поломошнов, А.Ф. (2017). Кризис и судьба гуманизма в современном мире. *Вестник Донского государственного аграрного университета*, (2–2), 23–31.
10. Потемкина, О.Ю. (2020). Современные проблемы гуманитарной дипломатии. *Современная Европа*, (6), 174–180. <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020174180>
11. Рогожина, Н.Г. (2021). Масочная дипломатия Китая в странах Юго-Восточной Азии. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 1(1), 73–81. <https://dx.doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081>
12. Романова, Т., Павлова, Е. (2018). От гражданской и нормативной силы к стрессоустойчивости? Эволюция идейных основ внешней деятельности ЕС. *Международные процессы*, 16(2), 73–90. <https://doi.org/10.17994/it.2018.16.2.53.5>
13. Gong, L. (2021). Humanitarian diplomacy as an instrument for China's imagebuilding. *Asian Journal of Comparative Politics*, 6(3), 238–252. <https://dx.doi.org/10.1177/20578911211019257>
14. Minear, L., & Smith, H. (Eds.). (2007). *Humanitarian diplomacy: Practitioners and their craft*. Tokyo: United Nations University Press.

References

1. Arsenyeva, I.I. (2022). Transformaciya medicinskoj i vakcinnoj diplomatii v e'poxu COVID-19 [Transformations of medical and vaccine diplomacies in the COVID-19 era]. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 15(5), 182–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207>
2. Bogatyreva, O.N. (2022). Gumanitarnaya diplomatiya: sovremennye koncepcii i podxody [Humanitarian diplomacy: Modern concepts and approaches]. *Mezhdunarodnye processy*, 20(1), 166–191. <https://dx.doi.org/10.17994/IT.2022.20.1.68.4>
3. Bogatyreva, O.N., Kovba, D.M., & Tabarintseva-Romanova, K.M. (2021). *Mnogostoronnyaya gumanitarnaya diplomatiya: universal'nyj i regional'nyj opyt* [Multilateral humanitarian diplomacy: Universal and regional experience]. Moscow: Nauka.
4. Davydov, D.A. (2018). Obrechennyj gumanizm? Razmyshlyaya nad knigami Yu.N. Xarari "Sapiens" i "Homo Deus" [The doomed humanism? Reflecting above Y.N. Harari's books "Sapiens" and "Homo Deus"]. *Svobodnaya mysl'*, (6), 33–46.
5. Gong, L. (2021). Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building. *Asian Journal of Comparative Politics*, 6(3), 238–252. <https://dx.doi.org/10.1177/20578911211019257>
6. Gribovod, E.G. (2020). Etapy stanovleniya postgumanizma. K postanovke

problemy [Phase of the formation of the posthumanism. To the statement of a problem]. *Nauchnyj zhurnal "Diskurs-Pi"*, (4), 133–150. <https://dx.doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10409>

7. Gromoglasova, E.S. (2018). *Gumanitarnaya diplomatiya v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyax: opyt sistemnogo issledovaniya* [Humanitarian diplomacy in modern international politics: A systemic view]. Moscow: IMEMO RAN.

8. Kovba, D.M. (2020). Gumanitarnoe izmerenie diplomatii: problema kategorizatsii i analiz [The humanitarian dimension of diplomacy: The problem of categorization and analysis]. *Vestnik Kyrgyzsko-rossijskogo Slavyanskogo universiteta*, 20(11), 169–174.

9. Kuznetsov, D.A. (Ed.). (2022). *Praktika sovremennoj gumanitarnej diplomatii* [Practice of modern humanitarian diplomacy]. Moscow: Editus.

10. Minear, L., & Smith, H. (Eds.). (2007). *Humanitarian diplomacy: Practitioners and their craft*. Tokyo: United Nations University Press.

11. Polomoshnov, A.F. (2017). Krizis i sud'ba gumanizma v sovremennom mire [Crisis and the fate of humanism in the contemporary world]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, (2–2), 23–31.

12. Potemkina, O.Yu. (2020). Sovremennye problemy gumanitarnej diplomatii [Contemporary problems of humanitarian diplomacy]. *Sovremennaya Evropa*, (6), 174–180. <https://dx.doi.org/10.15211/soveurope62020174180>

13. Rogozhina, N.G. (2021). Masochnaya diplomatiya Kitaya v stranax Yugo-Vostochnoj Azii [The mask diplomacy of China in Southeast Asia]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, 1(1), 73–81. <https://dx.doi.org/10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-073-081>

14. Romanova, T., & Pavlova, E. (2018). Ot grazhdanskoj i normativnoj sily k stressoustojchivosti? E'voljuciya idejnyx osnov vneshnej deyatelnosti ES [From civilian and normative power to resilience: Ideational foundations of the EU's external policy]. *Mezhdunarodnye processy*, 16(2), 73–90. <https://doi.org/10.17994/it.2018.16.2.53.5>

Информация об авторе

Екатерина Григорьевна Грибовод, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

Information about the author

Ekaterina Grigorievna Gribovod, Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1192-5952>, e-mail: gribovod_kate@mail.ru

УДК 101.9

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_154

В СТОЛЕТНЕМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ: ПРЕОДОЛИМЫ ЛИ РАСКОЛЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВРАЖДА В РОССИИ?

Рецензия на книгу: Чумаков А. Н. «Философский пароход»: 100 лет без покаяния. М.: Проспект, 2022. 456 с.

Владимир Иванович Красиков,

Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России),
Москва, Россия,
KrasVladIv@gmail.com

Получена 27.03.2023.

Поступила после рецензирования 29.05.2023.

Принята к публикации 07.06.2023.

Для цитирования: Красиков В.И. В столетнем цивилизационном противостоянии: преодолимы ли расколы и политическая вражда в России? // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 2. С. 154–163. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_154

Аннотация

Статья представляет собой рецензию на монографию А.Н. Чумакова «Философский пароход»: 100 лет без покаяния». Автор книги анализирует ситуацию векового противостояния в России идеологических групп с взаимной враждебной радикальной риторикой. И напряженность этого противостояния не только не снижается, но и переходит в современные сферы коммуникации, такие как Интернет и социальные сети. Цель настоящей работы – кратко представить последовательность аргументов автора в решении обозначенной проблемы, очертить ее мировоззренче-

© Красиков В.И., 2023

ские горизонты и предложить полемические рамки возможных путей преодоления этого длительного противостояния. В рецензии критически обсуждаются достоинства и спорные моменты монографии. Отмечается, что в ней можно выделить два явных измерения: публицистическое и мемуарное. Активное начало в книге, организующее ее основные смыслы и пафос, – публицистическое, оно наполнено страстью и полемической энергией, но значительно более краткое, нежели второе. Вторая ипостась книги более спокойна и доказательна, но отягощена обилием деталей и документов, что порой затрудняет читательское восприятие. Автор выражает свою позицию в риторической фигуре «100 лет без покаяния», вынесенной в заглавие книги и составляющей ее смысловую суть. Однако требуется покаяние, по сути, только от одной из сторон противостояния. Но этого не произойдет, поскольку взаимная злоба сохраняется по сей день. Редуцирование противостояния возможно лишь через взаимное покаяние (и прощение).

Ключевые слова:

русская философия XX столетия, цивилизационный выбор, цивилизационный путь, идеологические группы, враждебная риторика, «философские пароходы».

Источники финансирования:

исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00080, <https://rscf.ru/project/23-28-00080/>

UDC 101.9

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_2_154

THE CENTURY-OLD CIVILIZATIONAL CONFRONTATION: CAN SPLITS AND POLITICAL ENMITY BE OVERCOME IN RUSSIA?

Book review: Chumakov A.N. (2022). “Philosophers’ steamboat”: 100 years without repentance. Moscow: Prospect.

Vladimir I. Krasikov,

All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia),
Moscow, Russia,
KrasVladIV@gmail.com

Received 27.03.2023.

Revised 29.05.2023.

Accepted 07.06.2023.

For citation: Krasikov, V.I. (2023). The Century-Old Civilizational Confrontation: Can Splits And Political Enmity Be Overcome In Russia? *Discourse-P*, 20(2), 154–163. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_154

Abstract

The article reviews the monograph “Philosophers’ steamboat”: 100 years without repentance” by A.N. Chumakov. He analyzes the situation of the age-old confrontation in Russia between ideological groups with mutually hostile radical rhetoric. And the tension of this confrontation is not only not decreasing, but is also moving into modern spheres of communication, such as the Internet and social networks. The purpose of the review is to briefly present the sequence of the author’s arguments in solving the designated problem, outline its ideological horizons and offer a polemical framework of possible ways to overcome this long-term confrontation. The review critically discusses the merits and controversial points of the monograph. It is noted that two explicit dimensions can be distinguished in it: journalistic and memoir aspects. The active journalistic principle in the book organizes its main meanings and pathos. It is characterized by passion and polemical energy, being at the same time much shorter than the second one. The memoir constituent of the book is calmer and more conclusive, but it is burdened with an abundance of details and documents, sometimes thereby complicating the reader’s perception. The author expresses his position in the rhetorical phrase “100 years without repentance” that is included in the title of the book and carries its main meaning. However, he demands this repentance only from one of the sides of the confrontation. But this will not happen, since mutual anger continues to this day. It is possible to reduce this confrontation only through mutual repentance (and forgiveness).

Keywords:

20th century Russian philosophy, civilizational choice, civilization path, ideological groups, hostile rhetoric, “philosophers’ steamboats”.

Funding:

the study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00080, <https://rscf.ru/project/23-28-00080/>

Введение

Тема «философского парохода» была особенно популярна в 90-е гг. прошлого века, как и возврат в больших тиражах произведений русской эмигрантской философии. Сам термин был введен в 1990 г. С.С. Хоружим (Хоружий, 1994). В преддверии столетия события был вполне ожидаем *upgrade* темы, что мы и увидели (Алов, Привалова, 2022; Ильин, 2021, 2022). Философ А.Н. Чумаков

также обращался к ней в ряде статей (Чумаков, 2020, 2021), а в прошлом году подытожил ее в своей последней на сей день монографии (Чумаков, 2022). Именно она станет предметом нашего анализа.

Приведем для начала немного статистики. Книга состоит из 10 разделов, которые существенно отличаются по объему. Лишь 70 страниц отведены первым четырем разделам, раскрывающим мировоззренческую подоплеку столетней эпопеи русской философии. Пять разделов, а это почти 400 страниц, представляют собой, по сути, мемуары. Самые объемные из них – пятый и седьмой. Пятый раздел, включающий более 100 страниц, посвящен «философскому пароходу – 2003», путешествию группы российских философов в Стамбул по Черному морю на XXI Всемирный философский конгресс и обратно. Седьмой раздел содержит примерно 200 страниц текста, где описывается аналогичное путешествие 2008 г. в Сеул, но уже на разнообразных транспортных средствах. А в десятом разделе, где подводятся итоги исследования, вообще всего 7 страниц. Далее перейдем к анализу содержания.

Результаты исследования

О чем же книга? О судьбах России, демократии и насилии, эмиграции и выборе пути цивилизационного развития, горестных судьбах отечественной философии и ее вековом мытарстве, попытках ее изменения в последние тридцать лет. И все это с публицистическим жаром и идеологическим энтузиазмом, на фоне отчета-воспоминания.

Уже во введении автор раскрывает карты – ставит проблему и тут же предлагает свое решение, неизменное, как представляется, вот уже четвертое десятилетие. Попперианское – «осуществимы ли идеи К. Поппера и формирование гражданского общества в России» (Чумаков, 2022, с. 449) – это уже в финальной части книги. И трудно оспорить значимость и болезненность проблемы: «И были потом еще большие и малые волны эмиграции, последовательно сменявшие друг друга... Но вот что примечательно – за все это время ряды эмигрантов только множились, ни разу не сменившись противоположной тенденцией, т. е. массовым возвращением на Родину! Не стали исключением и три последних десятилетия новейшей российской истории» (с. 3). Да, объяснений может быть сколько угодно. Сам же автор так отвечает на следующей странице: причина, альфа и омега, «печка, от которой пляшут» – то, что у нас нет «человека с его неотъемлемыми правами и достоинством, реального разделения властей и равенства всех перед законом» (с. 4).

Далее идет каскад пристрастных эмоций, обвинений, идеологических проклятий: большевики, коммунистический режим, тотальное насилие, рабский народ и пр. К сожалению, здесь автору не хватило именно философской отстраненности, рефлексивной дистанции и холодной рациональности. Я далеко не приверженец марксистско-коммунистических идей и не консерватор, но риторика времен перестройки (ее «прорабов», питаемых, как оказалось, многими некоммерческими фондами) и ельцинских 1990-х гг. сейчас, после всего произошедшего, выглядит явным анахронизмом. Когда-то это проходило и даже где-то убеждало. Каюсь, что и сам в подобное верил и писал в пору либерального

энтузиазма конца 1980-х и 1990-х гг. Первые «звоночки» прозвенели для меня в 1998 г. в Бостоне, на юбилейном XX Всемирном философском конгрессе, когда, сидя рядом с американскими коллегами-философами, слушавшими пафосную речь профессора-афроамериканца о неоплаченном вековечном долге всех белых перед черными, я увидел их эмоциональную реакцию на подобную откровенную демагогию. Это были либо восторженно-вдохновенные лица людей, тотчас готовых сделать все что угодно, чтобы тут же, немедленно оплатить любыми средствами тот самый долг, либо сокрушенно-трагические, выражающие глубочайшее раскаяние с тем же посылом немедленного возврата. Подобные сильные идеологические реакции прекрасно знакомы нам по прежней практике партсобраний советского периода, где среди индифферентного состава или даже ироничных ухмылок всегда находилось довольно существенное количество искренне индоктринированных. В Бостоне же их было гораздо больше, чем в наше советское время. Ну вот, подумал я в тот момент, ребята, и вы попали. И это было задолго до сегодняшнего торжества политкорректности радикального левого либерализма со всеми его *Me too*, гей-парадами, ЛГБТ и *Black Lives Matter*.

Автор книги с явным сочувствием приводит яркие образчики публицистического негатива «колоссов либерализма» 1990-х гг. (Чумаков, 2022, с. 32–33): «Россия – это абсолютно новый антропологический зоопарк» (И. Бродский), «серый, средний, троечник – ...это карта генофонда... советского народа» (Л. Улицкая). И, заметьте, такая риторика идет еще от знаменитого «Философического письма» П. Чаадаева первой трети XIX в.: тот же народ, с убитой инициативой, рабы и холоуи. И чем эти, по сути, ненавистнические высказывания отличаются, чем они лучше обильно приводимых автором книги известных ленинских инвектив в сторону враждебной большевикам интеллигенции? Скажут, говорить – это не ссылать и не сажать, однако, к счастью, в 1990-е гг. все же удалось избежать повторения гражданской войны, иначе были бы и дальнейшие расстрелы (Белый дом в 1993 г.), и люстрации (сегодняшняя Украина).

Между тем подобный радикализм вряд ли конструктивен, он всего лишь воспроизводит извечные расколы на «мы» и «они», которые сегодня еще и усиливаются специфическими условиями коммуникации – в Интернете и социальных сетях. Последние масштабно фрагментируют и сегрегируют общение между людьми, ориентируя в основном на друзей и единомышленников, создавая в итоге «пузыри» или же «эхо-камеры» онлайн-сообществ в социальных сетях, в которых происходит самозамыкание и радикализация. И мы видим новые поколения все тех же неистовых коммунистов (Цыденов, 2021), поклонников имперской идеи (Kruglova, 2021) или сторонников А. Навального¹ (Dollbaum & Semenov, 2022). И вновь продолжается бой... идеологический, как и в 20-е гг. или же в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Продолжим, однако, анализ содержания книги.

В первой части «Философский пароход: к истории вопроса» идут рассуждения о четырех волнах эмиграции (см. также: Сергеев, 2018). Первая, «белая»,

¹ Внесён Росфинмониторингом в список террористов и экстремистов.

волна эмиграции началась после революции 1917 г. и продолжалась до конца 30-х гг. Из страны, с использованием как пароходов (Одесса, Севастополь), так и поездов, изгонялись неугодные в Латвию, Германию. Потери для населения России от первой волны эмиграции составили от 2,4 до 4,5 млн человек (Чумаков, 2022, с. 11). Вторую волну можно назвать «военной», но связана она не только непосредственно с событиями Второй мировой войны, но и ее последствиями вплоть до середины 50-х гг. – перемещениями больших масс с «новых» территорий, вошедших в состав Советского Союза перед войной. Масштабы второй волны оценивают от 5,5 до 10 млн человек. Третья, «диссидентская», волна унесла от 1 до 2 млн в 70–80-е гг. Это евреи, немцы, получившие право на эмиграцию на свою историческую родину, а также оппозиционеры или диссиденты, в основном люди, разделявшие либеральные воззрения. Четвертая волна, вероятно, «глобалистская», начинается с 1988 г., когда был разрешен свободный выезд за рубеж. Долгое время, наверное, до начала противостояния с Западом в 2014 г., она не была связана с какой-то особой политической подоплекой. Люди искали лучшие возможности для самореализации, тем более что перемещения были совершенно беспрепятственными, и можно было жить на две-три страны. Но и в то время, как отмечает автор рецензируемой монографии, Россию покинули около 4,5 млн человек. Затем поток резко возрос, и в последующие пять-шесть лет уехало около 2 млн человек. Сейчас русская диаспора не только одна из самых распространенных, но и самых больших в мире; по разным оценкам, ее численность составляет 25–40 млн человек (с. 12–13). Похоже, сейчас, в переживаемый нами момент, к четырем волнам добавляется и пятая, «антивоенная», берущая начало в 2022 г.

Во второй части «Репрессии и перманентная эмиграция» мы видим своего рода мартиролог (Чумаков, 2022, с. 21–28): биографические справки убиенных – оставшихся философов и ученых, годы кончины большинства приходятся на 30–40-е гг. XX в.: Флоренский Павел Александрович (1882–1937); Шпет Густав Густавович (1879–1937); Карсавин Лев Платонович (1882–1952); Луппол Иван Капитонович (1896–1943); Стэн Ян Эрнестович (1899–1937); Вавилов Николай Иванович (1887–1943); Горбунов Николай Петрович (1892–1938); Глушков Виктор Григорьевич (1883–1937); Дружинин Василий Григорьевич (1859–1937); Дурново Николай Николаевич (1876–1937); Ильинский Григорий Андреевич (1876–1937); Левитский Григорий Андреевич (1878–1942); Платонов Сергей Федорович (1860–1933); Самойлович Александр Николаевич (1880–1938); Саткевич Александр Александрович (1869–1938); Тулайков Николай Максимович (1875–1938); Церетели Григорий Филимонович (1870–1938); Шпильерин Ян Николаевич (1887–1938). Затем автором описываются послевоенные репрессии и приводятся соответствующие постановления по осуждению деятелей культуры.

Третья часть «Оверкили русской философии» представляет оригинальную авторскую схему развития отечественной философии в XX в. Он выстраивает ее между двумя символическими датами: 1900 г. (смерть В.С. Соловьева) и 2000 г. (1999 г. – смерть академиков-философов И.Т. Фролова и Г.Л. Смирнова, отставка Б.Н. Ельцина, приход к власти В.В. Путина). Ведущая метафора этой части – переворачивание корабля русской философии, для чего используется по-

нятие «оверкиль»². Первый оверкиль произошел в 1922 г. – высылка классиков сформировавшейся в начале XX в. русской религиозной философии и последовавшее за этим безраздельное господство советской марксистской философии. Второй оверкиль – с 1985 г. до конца 1990-х гг. – от монофилософии советского марксизма к мировоззренческому плюрализму.

Четвертая часть книги называется «Постсоветский период: в поисках идентичности». Этот период задокументирован, по мысли автора, историей Российского философского общества (РФО): советской (1971–1990) и российской (с 1991 г. по настоящее время). Эта часть заслуживает особого внимания, поскольку автор, являясь, по сути, родоначальником и организатором постсоветского РФО, обстоятельно и интересно рассказывает о перипетиях, проблемах, трудностях, комических моментах в развитии структуры. Дает свое понимание самодеятельного развития сообщества российских философов, своего рода «оргфилософию» РФО. Также излагается оригинальное видение назначения и функций его печатного органа – «Вестника РФО», призванного быть своего рода «барометром» сообщества, всех его компонентов, «живым журналом», а не закрытым элитарным клубом немногочисленных экспертов³.

Интересна и представленная в той же четвертой части история российских философских конгрессов, которые имели свои особенности. Описана динамика жизни РФО, конкретно, с цифрами, которые демонстрируют то, что и так было очевидно многим в отечественном философском сообществе, подтверждая плехановский тезис о роли личности в истории. Не менее занимательна история участия российских философов во Всемирных философских конгрессах: в Москве (1993), Бостоне (1998), Стамбуле (2003), Сеуле (2008), Афинах (2013) и Пекине (2018). Я как участник этих конгрессов могу подтвердить, что в монографии все передано верно, а также даны подробности их проведения и неординарного участия российских философов в последних четырех конгрессах (пароходами-поездами-автобусами) в последующих разделах книги (части 5–9), которые убеждают нас в неиссякаемости энергии, настойчивости и смекалке автора монографии.

Однако к построению мемуарных частей книги следует предъявить серьезные претензии. Приведение переписки и решений оргвопросов по «хождениям за три моря» российских философов еще можно как-то оправдать требованиями реалистического жанра, но попутно набирается весьма большое количество ненужных страниц, за счет редуцирования которых книга только выиграла бы. Например, непонятно, зачем нужно было публиковать: список пассажиров до Сеула (59 человек) на двух страницах (Чумаков, 2022, с. 247–249); список пассажиров парома (!) до Владивостока (77 человек) на трех страницах (с. 249–251); расписания поездов, остановок, список пассажиров поезда (84 человека) на пяти страницах (с. 255–259). Я умалчиваю о других подобных деталях. Вот и набираются малоинформативные страницы, которые вряд ли кому-то будут

² Переворачивание судна на 180 градусов, опрокидывание килем вверх.

³ Автор книги принципиально настаивал на этой позиции в ответ на многочисленные упреки, а то и высокомерное игнорирование со стороны «классических философских журналов».

интересны, кроме, пожалуй, нескольких десятков человек, участников этих мероприятий. Как говорил один из персонажей книги, не столь любимый автором В. И. Ленин: «Лучше меньше, да лучше».

Закключение

А. Н. Чумаков затрудняется определить жанр своей книги, говоря о нем как об «особом литературном жанре, в котором на примере конкретных событий современной российской философской жизни через призму исторического контекста как в зеркале отражаются не только прошлое и настоящее русской философии, но и особенности духовной атмосферы современной России» (Чумаков, 2022, с. 8).

Я бы предложил определить жанр, исходя из двух самых очевидных признаков, присутствующих в книге: мемуаристика и публицистика. Доминирует, конечно, публицистика – в виде стержневого риторического пафоса книги («без покаяния»), но в органическом мемуарном контексте. Поэтому, думаю, подходящим термином может быть *мем-публицистика*; к тому же это актуально, в духе нынешних интернет-мемов. Представляется, что главная ценность книги, вызывающая живой интерес, по крайней мере у меня, заключается в ее мемуарном содержании, ибо масштаб личности автора и его деятельное присутствие в ключевых моментах жизни современной отечественной философии последних трех десятилетий бесспорны.

Книга завершается фразой а-ля Катон, которую автор, как и уважаемый римлянин, довольно часто использует в конце своих статей и книг: «А кроме того, я думаю, что в России должно быть гражданское общество!» (Чумаков, 2022, с. 454). Однако эта фраза подспудно деструктивна, поскольку подразумевает разрушение того, что «гражданскому обществу» предшествует. А разрушаемое («традиционное») общество может быть и «не хуже» западноевропейской социальной модели.

Список литературы

1. Алов, А. А., Привалова, И. Ю. (2022). Феномен «философский пароход» сквозь призму отношений интеллигенции и государства. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, (4), 55–60.
2. Ильин, В. В. (2021). Интеллигенция в национальной истории: к 100-летней годовщине «философского парохода». Часть I: Контроверза: власть, народ-интеллигенция. *Российский гуманитарный журнал*, 11(4), 217–230. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2022.4.1>
3. Ильин, В. В. (2022). Интеллигенция в национальной истории: к 100-летней годовщине «философского парохода». Часть II: Контроверза: интеллигенция – власть, народ. Печать сиротства. *Российский гуманитарный журнал*, 11(5), 320–333. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2022.5.1>
4. Сергеев, М. (Сост.). (2018). *Русское Зарубежье: Антология современной философской мысли*. Бостон: M-Graphics.

5. Хоружий, С. С. (1994). *Философский пароход*. В С. С. Хоружий, *После перерыва. Пути русской философии* (с. 189–208). СПб: Алетейя.
6. Цыденов, А. Б. (2021). Воспроизводство коммунистической идеологии пользователями виртуальных социальных сетей Интернета (на примере социальной сети «ВКонтакте»). *Столыпинский вестник*, 3(3). Взято 20 февраля 2023, с <https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2021/05/8.pdf>
7. Чумаков, А. Н. (2020). «Философские пароходы» и исторические судьбы русской философии (к выходу в свет книги М. Сергеева «Русское Зарубежье: Антология современной философской мысли»). *Российский гуманитарный журнал*, 9(1), 3–15. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2020.1.1>
8. Чумаков, А. Н. (2021). Реликтовое излучение «Философского парохода». *Российский гуманитарный журнал*, 10(5), 305–316. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2021.5.2>
9. Чумаков, А. Н. (2022). «Философский пароход»: 100 лет без покаяния. Москва: Проспект.
10. Dollbaum, J. M., & Semenov, A. (2022). Navalny's digital dissidents: A new dataset on a Russian opposition movement. *Problems of Post-Communism*, 69(3), 282–291. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1893123>
11. Kruglova, A. (2021). “For God, for Tsar and for the Nation: Authenticity in the Russian imperial movement's propaganda”. *Studies in Conflict & Terrorism*. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2021.1990826>

References

1. Alov, A. A., & Privalova, I. Yu. (2022). Fenomen “filosofskij parohod” skvoz' prizmu otnoshenij intelligencii i gosudarstva [The phenomenon of the “philosophical steamboat” through the prism of relationship between the Intelligentsia and the state]. *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya*, (4), 55–60.
2. Chumakov, A. N. (2020). “Filosofskie parohody” i istoricheskie sud'by russkoj filosofii (k vyhodu v svet knigi M. Sergeeva “Russkoe Zarubezh'e: Antologiya sovremennoj filosofskoj mysli”) [“Philosophers' ships” and historical destinies of Russian philosophy. To the publication of the book “Russia abroad: An anthology of modern philosophical thought” compiled by M. Sergeev]. *Rossiiskij humanitarnyj zhurnal*, 9(1), 3–15. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2020.1.1>
3. Chumakov, A. N. (2021). Reliktovoe izluchenie “Filosofskogo parohoda” [Relict radiation of the “Philosophers' steamboat”]. *Rossiiskij humanitarnyj zhurnal*, 10(5), 305–316. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2021.5.2>
4. Chumakov, A. N. (2022). “Filosofskij parohod”: 100 let bez pokayaniya [“Philosophers' steamboat”: 100 years without repentance]. Moscow: Prospekt.
5. Dollbaum, J. M., & Semenov, A. (2022). Navalny's digital dissidents: A new dataset on a Russian opposition movement. *Problems of Post-Communism*, 69(3), 282–291. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1893123>
6. Ilyin, V. V. (2021). Intelligenciya v nacional'noj istorii: k 100-letnej godovshchine “filosofskogo parohoda”. Chast' I: Kontroverza: vlast', narod-

intelligenciya [Intelligentsia in national history: On the 100th anniversary of the “philosophical steamship”: Part I: Controversy: The government, the people – the intelligentsia]. *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal*, 11(4), 217–230. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2022.4.1>

7. Ilyin, V.V. (2022). Intelligenciya v nacional’noj istorii: k 100-letnej godovshchine “filosofskogo parohoda”. Chast’ II: Kontroverza: intelligenciya – vlast’, narod. Pechat’ sirotstva [Intelligentsia in national history: On the 100th anniversary of the “philosophical steamship”: Part II: Controversy: The intelligentsia – the government, the people. The seal of orphanhood]. *Rossijskij gumanitarnyj zhurnal*, 11(5), 320–333. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2022.5.1>

8. Khoruzhy, S.S. (1994). Filosofskij parohod [Philosophical steamboat]. In S.S. Khoruzhy, *Posle pereryva. Puti russkoj filosofii* (pp. 189–208). Saint Petersburg: Aletejya.

9. Kruglova, A. (2021). “For God, for Tsar and for the Nation: Authenticity in the Russian imperial movement’s propaganda”. *Studies in Conflict & Terrorism*. <https://doi.org/10.1080/1057610X.2021.1990826>

10. Sergeev, M. (Comp.). (2018). *Russkoe Zarubezh’e: Antologiya sovremennoj filosofskoj mysli* [Russia abroad: An anthology of modern philosophical thought]. Boston: M-Graphics.

11. Tsydenov, A.B. (2021). Vosпроизводство kommunisticheskoy ideologii pol’zovatel’nykh virtual’nykh social’nykh setej Interneta (na primere social’noj seti “VKontakte”) [Reproduction of communist ideology by users of virtual social networks of the internet (on the example of VKontakte social network)]. *Stolypinskij vestnik*, 3(3). Retrieved February 20, 2023, from <https://stolypin-vestnik.ru/wp-content/uploads/2021/05/8.pdf>

Информация об авторе

Владимир Иванович Красиков, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-5550>, e-mail: KrasVladIv@gmail.com

Information about the author

Vladimir Ivanovich Krasikov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher, Center for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8850-5550>, e-mail: KrasVladIv@gmail.com

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Все поступающие в редакцию материалы проходят проверку на плагиат. Статьи предоставляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Nye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “ ”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.

- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуючную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуючные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуючными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т.д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
- Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
- Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
- Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
- Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

- Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательно подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
- Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию,

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты. При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).

References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. **Информация об авторе**

Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. **Information about the author**

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitija territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-ОЗ) ст. 5 (Россия)</i> . Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018</i> (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. All submitted materials are checked for plagiarism. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Requirements to the Articles
Submitted For Publication in the Scientific Journal «Discourse-P»

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title</i> , volume(issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov